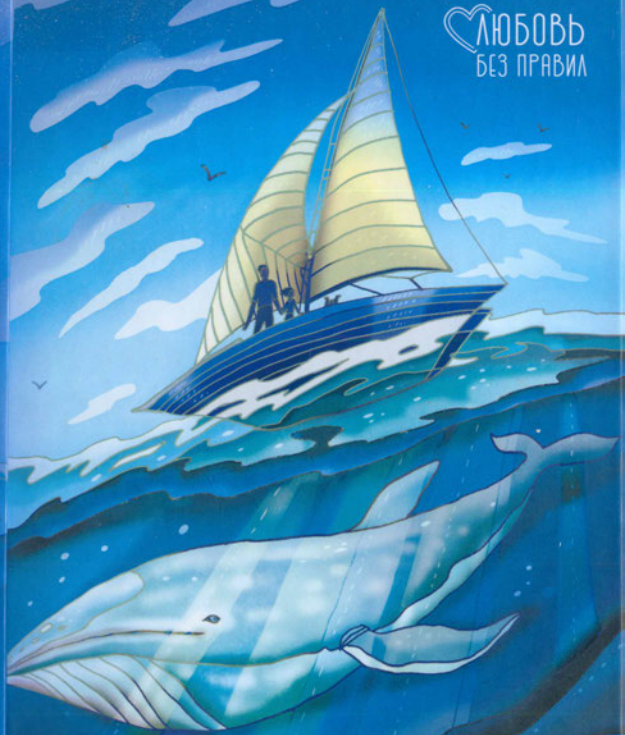

АРХИПЕЛАГ

МОНИК РОФИ

3

ЛЮБОВЬ
БЕЗ ПРАВИЛ

МОНИК РОФИ
АРХИПЕЛАГ

По волнам Карибского моря скользит небольшая яхта с красивым названием «Романи». На борту — странная команда: сорокалетний менеджер Гэвин Уилд, его шестилетняя дочь Оушен и верная собака Сюзи. Они направляются из Тринидада в сторону Тихого океана... Что же заставило немолодого мужчину бросить дом и хорошую работу и отправиться в опасное морское путешествие?

Год назад в наводнении, которым подвержен Тринидад, погиб маленький сын Гэвина, а любимая жена от горя погрузилась в депрессию. С молодости влюбленный в море, Гэвин понял — оно одно может спасти его от отчаяния, указать ориентиры дальнейшей жизни. Но море коварно и непредсказуемо: сегодня оно доброе и ласковое, а завтра маленькую яхту качают огромные волны. Удастся ли отважным мореплавателям найти общий язык со стихией и выдержать посланные им испытания?

Моник Рофи, лауреат престижных премий и восходящая звезда карибской литературы, представляет завораживающую историю искупления, исцеления и надежды, разворачивающуюся под белыми парусами «Романи».

Все книги издательства «Аркадия»
на www.labirint.ru

ISBN 978-5-907338-84-5

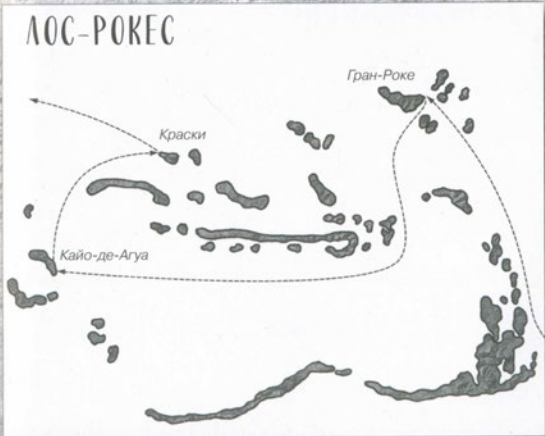
9 785907 338845 >

16+

Знак информационной продукции

ПУТЕШЕСТВИЕ НА «РОМАНИ»

ЛЮБОВЬ
БЕЗ ПРАВИЛ

МОНИК РОФИ
АРХИПЕЛАГ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Р79

Monique Roffey
ARCHIPELAGO

Перевела с английского
Антонина Галль

Художник
Ирина Бабушкина

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Издательство выражает благодарность
литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency*
за содействие в приобретении прав

Рофи М.

Р79 Архипелаг : [роман] / Моник Рофи; [пер. с англ.
А. Галль]. — СПб. : Аркадия, 2022. — 384 с. — (Серия
«Любовь без правил»).

ISBN 978-5-907338-84-5

2010 год. Тринидад. Страшное наводнение за несколько часов разрушило счастливую жизнь Гэвина Уилда. Новорожденный сын утонул, Клэр, любимая жена, полностью ушла в себя, предоставив мужу в одиночку заботиться об их шестилетней дочери. Гэвин понял: чтобы не сойти с ума, он должен срочно что-то предпринять. И, бросив дом и успешную карьеру, выходит в открытое море на яхте. Навстречу штормам и невероятным приключениям, с командой, состоящей лишь из ребенка и собаки.

Восхитительный и по замыслу, и по воплощению роман Моник Рофи станет магнитом, который притянет читателей всерьез и надолго.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Monique Roffey, 2012
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2022

ISBN 978-5-907338-84-5

*Посвящается моему брату,
Найджелу Рофи, моряку*

Только те острова живы, где мы
когда-то любили.

Дерек Уолкот «Острова»

Известно всем, что размышления и вода
повенчаны друг с другом.

Герман Мелвилл «Моби Дик»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РОЗОВЫЙ ДОМ

Глава 1

ДОЖДЬ

Собака что-то ворчит себе под нос.

— Что теперь-то не так? — спрашивает ее Гэвин, бесцельно шагая по кухне.

А она просто пытается напомнить ему, что уже семь вечера и пора ужинать. У животных обостренное чувство времени.

— Хорошо-хорошо, сейчас, — бормочет он.

Собака уселась прямо посреди кухни и старается не заваливаться набок. У нее крепкое тело, но сидит она так, будто поддерживают ее только сильные передние лапы. Треугольные глаза сужены до щелочек, язык свешивается из темной пасти. Ее дело следить, чтобы все было в порядке, чтобы они успешно дожили этот день до конца. Она снова громко, утробно ворчит. Этот звук похож на тот, что издает его желудок, когда он голоден.

— Хорошая девочка, — рассеянно произносит Гэвин, не понимая, нужна ли ему эта собака и любит ли он ее по-прежнему.

Макароны с сыром и консервированные венские сосиски — вот их сегодняшний ужин. Единственное, что его дочь соглашается есть. Они так питаются уже четвертый день подряд. Ничем другим ее не соблазнишь. Может, открыть банку горошка?

Дочка сейчас лежит на огромной двуспальной кровати, как русалка на плоту, и смотрит мультик «Каспер: дружелюбное привидение». Ноябрь месяц, а дождь не перестает. Каждый день поливает по одному сценарию: сначала короткий ливень, крупные капли звонко лопаются на земле, и после десяти минут сплошной водной завесы — недолгое затишье.

Дождь, непрощенный гость, приходит с гор, заставляя Гэвина чувствовать себя виноватым или будто он поспорил с кем-то и выставил себя полным идиотом. Гэвин открывает банку с сосисками и морщится от запаха. Сосиски воняют как старые кроссовки: несвежей кислотой. Он выливает рассол в раковину.

— Вот, держи, — говорит он собаке, нанизывает на вилку короткую темно-розовую сосиску и подносит к морде.

Собака нюхает и отворачивается.

— Ну съешь хоть немного, — упрашивает он.

Она снова принюхивается, надкусывает сосиску с элегантною осторожностью — так японская придворная дама могла бы надкусить лепесток розы. Да ради бога, ешь уже! Собака осторожно берет сосиску губами, но та выскальзывает из пасти и падает на линолеум. Собака смотрит на хозяина снизу вверх и снова что-то недовольно урчит.

Боже, дай мне сил!

Какое хрупкое чувство — стоять на самом краю жизни. Он ощущает, как скрепляющие его тело волокна расклеиваются, растягиваются, исчезают, и он становится рыхлым, дряблым, вот-вот развалится. Он перестанет существовать, но это произойдет

нежно и безболезненно, как первая влюбленность, ведь расставание с жизнью — великое состояние, а смерть — второе рождение.

Гэвин наполняет кастрюлю водой, ставит на плиту — вскоре кольцо под ней нагревается до карамельно-красного цвета. Вода в кастрюле мутноватая от воздушных пузырьков. Наблюдая, как она проясняется, закипая, он кладет руку на грудь, чтобы проверить, бьется ли сердце. Почесывает шею под бородой. Над плитой вьются маленькие черные мухи. Он берет электрическую мухобойку в виде миниатюрной теннисной ракетки, хлопает одну — шлеп! Муха поджаривается на проводах мухобойки, с шипением превращаясь в маленький черный комок.

— Ха-ха, смотри, — с гордостью говорит он собаке, — я все еще опасен.

Он прихлопывает еще одну муху, ударяя мухобойкой о столешницу. Очередной меткий выстрел, снова шипение. Ракетка уже дымится. Чпок, чпок, еще две мухи уничтожены. Футболка прилипла к животу: неужели он вспотел? Может быть, он, Гэвин Уилд, все-таки пока не умирает? Может, он — Великий Годзилла, Король обезьян; одним махом всех уничтожит, всех победит?

— Папа?

Гэвин вздрагивает, оборачивается. В коридоре стоит дочь.

— Да, моя ду-ду?

— Что у нас на ужин?

— Это сюрприз. — Он прячет ракетку за спину.

Гэвин возвышается над дочкой и все же чувствует ее силу: она может кричать гораздо громче

его, способна рыдать всю ночь, не есть целыми днями, устроить истерику из-за ерунды или накрутить себя из-за нового ливня, пришедшего с холмов. Ей шесть лет, она маленькая и, ох, сколько же у нее власти!

— Я не люблю сюрпризов.

— Этот тебе точно понравится.

Она трясет головой, льняные волосы падают на лицо.

— Чего же ты хочешь? — пожимает плечами он.

— Пиццу.

— Пиццу? С каких это пор ты вдруг полюбила пиццу?

— С анчоусами, пожалуйста.

— Ты даже не знаешь, что такое анчоусы. — Гэвин опускается перед ней на колени. Мухобойку, забыв об обугленных мухах, он теперь держит как настоящую теннисную ракетку: опустив на плечо подобно профессиональному игроку. — И что же такое анчоус?

— Это рыба.

— О, и точно! — Он кивает. Неожиданно правильный ответ. Когда это она успела узнать про анчоусы? Про капитана Немо это понятно, но анчоусы? — Рыба? Ты имеешь в виду, большая, как кит?

— Неееет! — кричит дочь, удивляясь его глупости. — Эти рыбки совсем крошечные, как креветки.

— Креветки?

Когда она смеется, ее лицо освещается изнутри. Собака стучит хвостом о пол.

— Оушен, извини, у нас нет анчоусов. И креветок нет и никакой другой рыбы. Но ты должна знать, что анчоусы ужасны на вкус.

— А я очень люблю анчоусы, папа.
— Но ты их ни разу не пробовала!
— Нет, пробовала!
— Ладно, открою тебе тайну, сегодня на ужин твои любимые макароны с сыром и... — он с сомнением смотрит на сосиску, лежащую на линолеуме между собачьих лап, — на десерт мороженое с... горошком! Вот какой сюрприз я тебе приготовил. Я не должен был открывать тайну раньше времени. Это очень секретный рецепт. Теперь иди, не мешай мне готовить.

Ха, он ее перехитрил! Маленькое личико выражает недоумение: она не знает, как реагировать. Возможно, он и сходит с ума, но пока еще в состоянии перехитрить шестилетку, отвлечь от возможной истерики.

— Давай иди уже!

Она поворачивается, и он легонько шлепает ее по попке мухобойкой, полной горелых мух. Дочь бредет обратно в спальню, к своему телевизору.

Вода в кастрюле кипит, он разрывает упаковку и, высыпав в кипяток макароны, ждет, пока они размягчатся, помещивает деревянной шумовкой. Потом откидывает на дуршлаг, сливает воду, перекладывает обратно в кастрюлю. Берет пакетик сухого сырного соуса, вытряхивает содержимое на макароны. Пуф! Серая пудра растекается по горячей поверхности, собирается в плотные комки. Он вливает молоко, добавляет шматок масла, размешивает, раздвигает, встряхивает содержимое кастрюли, и постепенно, как по волшебству, густые сгустки превращаются в легкую, воздушную массу, которая даже пахнет сыром. Ужин готов!

Они вдвоем садятся за стол. Он боится начать разговор: никогда не знаешь, куда может завести самая невинная застольная беседа. Анчоусы, дождь... *мамочка*. Из кастрюли поднимается сырный дух, горячий, усыпляющий. На столе — плошка с тертым сыром, хлеб, масло. Он накладывает немного макарон на тарелку дочери, ее глаза расширяются при виде липкой крахмалистой массы.

— Мм, смотри, как вкусно, — говорит он вполне искренне. Посыпает макароны тертым сыром и подвигает к ней.

Она держит свою вилку наперевес, как трезубец, зачарованно вглядывается в тарелку, глубоко вдыхая сырный запах. Когда-нибудь она так и заснет, упав лицом в свои макароны.

— Мм, как вкусно, — повторяет Гэвин, накладывает себе тройную порцию, бросает сверху пригоршню сыра.

Они ритмично жуют, урча от удовольствия. Оушен с шумом втягивает в рот целую макаронину, затем выдувает ее прямо на стол. Отец не делает ей замечаний; ковыряется в тарелке, то и дело проверяет сердце, жует медленно, стараясь не давать большой воли мыслям.

В особенности ему не хочется думать о работе: завтра понедельник, придется тащиться в офис. Они сидят дома уже двенадцать дней. Двенадцать дней в этих розовых стенах. Завтра наступит тринадцатый. Когда он думает об офисе, в голове становится пусто. Он не может воскресить в памяти лица сотрудников, список самых важных дел, даже миссис Сайрус, бессменную секретаршу, не помнит. Куда исчезла эта часть его жизни? Он — руководитель

крупной компании, но сейчас ему кажется, все это было миллион лет назад. В голове пустота, в желудке ноющая боль.

— Папа, можно мне пойти полежать?

— Да, детка.

— Ты посмотришь со мной телик?

— Конечно.

Он складывает тарелки в забитую грязной посудой раковину, громко рыгает. Собака сидит, прислонившись к кухонной стене. Он наклоняется, чешет ей за ушами, она прижимает голову к его руке.

Чорх, чорх.

— Хорошая девочка.

Она поднимает голову: горбатый римский нос бультерьера с розовым участком, похожим на шелковую балетную туфельку, кончик холодный, мокрый, приятный на ощупь. Так хочется опуститься на пол, обнять свою милую, прижаться к ней. Но он пересиливает себя:

— Пойдем, Сюзи, посмотрим телик.

Собака поднимается, и он гладит ее по спине. Задрав хвост, она топает за ним, запрыгивает на широкую кровать. Втроем они устраивают подобие птичьего гнезда: простыни по кругу сбиты в валики, пахнут грязными ногами и собачьей шерстью. По каналу «Дискавери» показывают крокодилов в местечке Какаду, в Австралии. Глаза Оушен прикованы к экрану. Она лежит поперек его широкой груди, собака пристроилась на ее ногах. Он пытается сфокусироваться на происходящем действии, но голова немедленно тяжелеет. Крокодилы, мутный ручей, смотрящие из-под воды желтые глаза...

Гэвин засыпает мгновенно, не стараясь бороться со сном, он уже привык заканчивать дни именно так: с дочкой, обернутой вокруг него, как полотенце, хотя в глубине души он знает, что все наоборот — это он прижимается к ее телу в поисках защиты.

* * *

В понедельник сотрудники косятся в его сторону, обходят стороной. Как долго они смогут доверять ему? Как долго он сам смог бы доверять себе, если бы оказался на их месте? И что он будет делать, когда его призовут к ответу совет директоров, Стив или владелец компании мистер Грант? Когда они начнут ставить перед ним новые невыполнимые задачи, обсуждать премии и льготы? Он — третье лицо в компании, именно он отвечает за текущее состояние дел. Но третьему номеру всегда можно найти замену.

Они дали ему время прийти в себя. Любопытство, сочувствие, цветы, открытки в почтовом ящике... Он не отвечал. На работе даже легче ни о чем не думать. Закрыв дверь кабинета, он осматривает свои руки. Они покрыты серыми чешуйками отмершей кожи, заляпаны желтыми пятнами антисептика. Новая кожа под струпьями розовая, тоненькая, как папиросная бумага. Конечно, печатать он может, а вот удерживать руль пока сложно. Больно даже зашнуровать ботинки. Ноги в таком же состоянии: старая кожа сходит пластами. Ничего не поделаешь — псориаз. Он уже все перепробовал: и стероидные кремы, и таблетки, и напичканные химией лекарства, от которых у него выпадают волосы и съеживается

член. Он даже сходил к врачу, практикующему альтернативные методы лечения, который подсчитал его «вибрации» на маленьком приборчике. «Ваш энергетический уровень — четыре», — сказал врач и прописал стакан воды по утрам с долькой лимона и чайной ложкой соды, чтобы «раскислить» тело.

В одиннадцать утра он идет к кофе-автомату за четвертой чашкой эспрессо. Вот прекрасный кофе, настоящий! Если бы он смог отказаться от кофе, его единственного маниакального пристрастия, остальные проблемы ушли бы сами собой. Он знает, что это — абсолютная истина, и все же жить не может без горькой, горячей, токсичной жидкости. Если бы справился с этим, справился бы и со всем остальным.

Пэтала, как всегда, сидит за стойкой ресепшн, при виде его улыбки ее глаза наполняются любовью. Она, как монашка, не боится показать свою озабоченность. Только она понимает, что с ним происходит.

— Привет, Петала! — приветствует он, и она широко улыбается в ответ.

Ах, эта Петала! Ко всем прочим достоинствам она страшно плодовита — пятеро детей! Такая фертильная, что у нее даже очки запотевают, хотя она целый день сидит. После катастрофы она единственная, как верная собака, примчалась, чтобы спасти его.

— Пончик хотите, мистер Уилд?

— Нет, спасибо.

— А пирожок с картошкой?

— Господи, конечно нет.

— А чего хотите тогда?

— Ничего не хочу. Большое спасибо.

Он еще не переварил вчерашние макароны. Он идет в мужской туалет, заходит в кабинку, нависает над писсуаром, считает до десяти. Когда глаза открыты, он видит перед собой крошечных полупрозрачных червячков, плывущих в воздухе; оптические «поплавки», так их называют доктора. Странно следить за ними, как будто наблюдаешь копошение бактерий в чашке Петри. Он закрывает глаза, кладет пальцы на виски. Старается выпрямиться, но паника уже поднимается снизу, от живота к голове, грозит завладеть им. Он хватается за голову, начинает считать.

Дверь в туалет открывается. Гэвин расстегивает молнию и выпускает на белую эмаль писсуара мощный поток шафраново-желтой мочи. О да! Странное это чувство, когда мочишься, этаким приглушенный оргазм. Может быть, стоит съехаться с Петалой и ее детьми? Все дети от разных отцов, полных придурков и ничтожеств. А вдруг он смог бы образовать с ней стаю, двойную семью? Или, еще лучше, зажили бы все вместе в его розовом домике? Ему нравится Петала, ее запотевшие очки блестят, на губах всегда порхает улыбка. *Пирожок с картошкой?* Она могла бы продолжить работу в компании, но жили бы они вместе. Как соседи. Интересно, смогли бы они ужиться?

— Мистер Уилд, это вы?

— А? Что такое?

— Мистер Уилд, что вы там делаете?

Гэвин в панике смотрит на часы. Боже! Внезапное осознание... нет, не может быть! Он снова уснул стоя. Ширинка расстегнута, вялый пенис свисает на штанину. Петала. Он мечтал о ней. А потом...

— Мистер Уилд?

— Да, да, сейчас.

По голосу это вроде Элстон со склада, он хороший человек, не станет болтать.

— Вы в порядке, мистер Уилд?

Он застегивает молнию, открывает дверь кабинки.

— Элстон, спасибо, все хорошо. Я что, храпел?

— Да, мистер Уилд.

— Просто я немного отвлекся... Знаете, как это бывает.

Широкое лицо Элстона выражает изумление.

— Ладно, мне пора! — Гэвин быстро выходит из туалета.

По пути в свой кабинет он просит миссис Сайрус не беспокоить его. На столе скопилась гора бумаг, но он велит ей ни с кем не соединять, разве что в чрезвычайной ситуации. В кабинете он садится за стол и какое-то время сидит неподвижно, пока не проходит чувство унижения от встречи в туалете, а сердце не начинает биться более ритмично. Он беззвучно бормочет молитву, и в этот миг перед внутренним взором возникает его старая яхта «Романи». Его 28-футовый шлюп, лучшая подруга, старинная любовь. Он ясно видит, как она покачивается на оливково-зеленой воде, блестит деревянной палубой, приподнятой кормой. Он хватается за соломинку.

Целый день Гэвин прячется в кабинете. Час за часом: руки чешутся, сердце готово выпрыгнуть из груди, в голове туман, только образ «Романи», яхты из холостяцкого прошлого, появляется в его сознании и исчезает как корабль-призрак. Яхта уже год стоит, пришвартованная в яхт-клубе. В конце

концов они с напарником приняли решение ее продать. Не осталось времени на глупости: поездки на острова, гонки по волнам, на ночи, проведенные под звездами. Жене не очень-то нравилось ходить под парусом. А потом еще это наводнение... Сейчас бедняжка «Романи», скорее всего, до краев заполнена дождевой водой и сверху донизу облеплена пеликаньим дерьмом.

Гэвин десять раз раскладывает пасьянс «Соли-тер» онлайн, затем переключается на бридж. Семнадцать раз заходит на «Фейсбук», проверяет, нет ли поблизости ураганов, не залетело ли к ним шальное НЛО, что происходит на Какаду, но потом понимает, что от этих проверок голова кружится еще сильнее. Ровно в 17:00 он выключает компьютер и выходит из офиса, стараясь не смотреть в глаза миссис Сайрус.

* * *

Придя домой, Гэвин какое-то время стоит на лужайке и критическим взором оглядывает окружающие сад розовые стены. Семь футов высотой, с бетонными опорами, по всему периметру укреплены стальными полосами. Эти стены так просто не снесешь. Какого же цвета они были раньше? Он не может вспомнить, потому что по большей части их закрывали покрытые оранжевыми цветками вьющиеся плети и другие кустарники. А сейчас стены конфетно-розовые, как платье принцессы. Это дочка выбрала цвет. Он поднимает голову к небу, принюхивается: в воздухе чувствуется приближение дождя. Небо затянуто грозowymi тучами, они

готовы прорваться в любую минуту, и это притом, что сезон дождей кончился больше месяца назад.

— Папа? — Оушен подходит к нему сзади, обнимает за ноги.

— Что, моя ду-ду?

— А можно фрикадельки на ужин?

— Конечно, почему бы и нет.

— А Сюзи будет кушать фрикадельки?

— Думаю, да. Как прошел день в школе?

— Нормально.

Он садится на ступеньку крыльца, сажает ее на колени. Из-за угла появляется собака, подходит к ним, что-то бормочет, валится на бок у его ног.

— А мы в школе сегодня делали масло.

— Правда?

— Да, оно у меня в ранце.

— Покажи!

Она вскакивает, бежит за ранцем, копается внутри, достает маленький контейнер из-под йогурта — действительно, на дне лежит кремообразный плевочек.

— Масло надо держать в холодильнике, — объясняет Оушен.

Гэвин впечатлен. Анчоусы? Масло? Вот оно, платное обучение, не зря он тратит деньги.

— Ну так положи его в холодильник, мы сегодня съедим твоё масло на ужин, намажем на хлеб, хорошо? А затем приходи обратно, расскажешь, как вы его делали.

Она вприпрыжку убегает.

В эту минуту раздается первый раскат грома.

Собака отвечает низким рычанием. Гэвин снова выходит на лужайку, передергивает плечами,

будто от холода. Он чувствует себя виноватым, хотя не знает, в чем провинился. Чем он так обидел высшие силы? Почему он стоит здесь сейчас один? Когда он совершил тот неправильный выбор, что привел его сюда, под эти розовые стены?

Первая тяжелая капля ударяет прямо в макушку. Тучи спустились еще ниже, гром снова утробно ворчит. «Хватит! — Он грозит кулаком небесам. — Довольно! Прекратите!» Но дождь уже льет ему на голову, ритмично барабанит по земле. Ноябрьский дождь в Тринидаде. Ливень набирает силу, все громче стучит барабан, длинные лоскуты воды окутывают Гэвина со всех сторон. Он сжимает кулаки, охваченный яростью против стихии, — ну зачем она вредничает, насмехается, мучает его?! Но тут из дома раздается другой звук, гораздо сильнее, он заглушает барабанную дробь ливня — это кричит его маленькая дочь.

* * *

Утром Гэвин просыпается легко: в ухо ему дышит собака, рядом тихонько посапывает Оушен. Каждому нашлось место на огромной кровати. Дочка раскинула руки и ноги, подобно морской звезде, она спит на животе, оттеснив собаку на самый край. Его простыня перекрутилась, обвилась вокруг ног. Часы показывают 5:30 утра, под потолком, разгоняя воздух, мерно гудит вентилятор.

Гэвина охватывает тревожное, угрюмое чувство, как предчувствие нового дождя. Он вдруг ясно осознает то, что смутно подозревал последние месяцы: ему нужна помощь. Нужна целая команда

спасателей, а не только Жозефина раз в неделю для уборки и смены белья и Петала с ее пирожками и пончиками. Нужен повар, диетолог, психотерапевт, специалист-дерматолог, сеансы гипноза, чтобы избавиться от кофе-зависимости, массажист. Время от времени он даже готов платить за женские объятия, и не только. Он — мужчина, он кажется сильным, но не справляется в одиночку. Это с женой он чувствовал себя здоровым, стабильным, успешным, а теперь не узнает сам себя. От него осталась одна оболочка, он просто жалок.

Только по утрам, пока не рассвело, он кажется себе человеком. Этот тихий, спокойный час перед рассветом, когда новый день еще не начался и не нужно подниматься с кровати, механически выполнять бессмысленные действия. Сейчас он может побыть наедине с самим собой, но этого времени недостаточно, чтобы восстановиться и выстроить новую стратегию, не хватает даже на то, чтобы хорошенько поразмыслить, принять нужные решения. Он не успевает выработать план действий, как снова запускается бестолковая карусель.

Гэвин бросает взгляд на спящую дочь: и как это он смог произвести на свет столь изысканное создание? Он ведь такой смуглый, с курчавыми волосами. Когда они вместе, кажется, он украл ее из чужой семьи; она похожа на фею из сказки, волосы — как серебристые водоросли, глаза материнские, серо-голубые, кожа бледная. Это он решил назвать ее Оушен, подобно шуму океанского прибоя.

Собака всхрапывает, поворачивается на другой бок и вдруг падает с кровати — как в замедленной съемке, медленно скользит по простыне,

приземляется на короткие крепкие лапы. Пукает, потягивается, зевает, забирается обратно на кровать и снова погружается в собачьи грезы. В стекло ударяет барабанная дробь легкого дождика, и он замирает от страха — вдруг стук дождя разбудит Оушен? Ну пожалуйста, не сейчас, молча просит он, дайте еще хоть полчаса побыть в тишине! Но веки дочери уже подрагивают, будто внутри у нее включился отслеживающий дождь радар. Внезапно ее глаза широко раскрываются, и через секунду дом наполняется пронзительными криками, рыданиями, воплями:

— Мама, мамочка, где ты? Я хочу к маме!

Это так несправедливо, ведь он не может стать ей матерью! Оушен рыдает так громко, что иногда ему неловко перед соседями — что они подумают? — хотя все, конечно, в курсе их ситуации, они и сами побывали под водой.

— Ш-ш-ш, ду-ду, тише, — пытается он успокоить дочь, но это бесполезно.

Она часто просыпается с криком, как будто криком заставляет себя проснуться. Собака лает, прыгивает с кровати, бежит наружу, чтобы обругать дождь. И вдруг посреди общего хаоса он понимает, что нужно делать, чтобы спасти их.

Глава 2

ВЕЛИКИЙ ДАТЧАНИН

Оушен хмурится на переднем сиденье их внедорожника. На ней бейсбольная кепка, спортивная куртка застегнута до подбородка, под ней — пышная розовая юбка, розовые босоножки, носочки с оборками — так она сегодня решила одеться. Собака примостилась на заднем сиденье. Они стоят на парковке супермаркета в Маравале.

— Папа, что мы будем делать?

— Пойдем в магазин за покупками.

— Сейчас?

— Да.

— А как же моя школа?

— Школа? — Он еще не придумал ответ на этот вопрос.

Ни на какой вопрос у него нет ответа. Ему просто нужно купить кое-что для путешествия. Они уедут дня на два-три, может, чуть подольше.

— Так школа закрыта, козявочка.

— Почему закрыта?

— Мне позвонила учительница. Вашу школу на несколько дней закрыли. Из-за дождя. Вылезай. — Он открывает пассажирскую дверцу и машет дочке рукой: — Мы отправляемся в путешествие.

— А куда?

— В волшебную страну, конечно. — Он приспускает стекло и говорит собаке: — Ты останешься здесь.

Сюзи кивает и ложится, прислонившись боком к кожаной спинке.

Взяв Оушен за руку, он торопливо пересекает нагретый асфальт парковки. Что им нужно в первую очередь? Консервы, крупы — рис, макароны — и побольше. Он вкатывает тележку в кондиционированную прохладу супермаркета, двигается к отделу овощей.

Грузит в тележку большой пакет лука, упаковку помидоров, несколько килограммов картошки, салат, яблоки, апельсины, лаймы. Они передвигаются к другим отделам. Гэвин сгружает с полок дюжины банок и упаковок: тушенку, печеные бобы, консервированный перец, сосиски в банках, тунца в собственном соку, томатный суп, сладкую кукурузу и горошек, множество разных сортов спагетти. В тележку сыплются засахаренные фрукты, кукурузные хлопья, упаковки с булочками, сыр «Чеддер», крекеры «Крикс», майонез и пряное желе. И еще несколько пятилитровых бутылей с водой, бутылки пепси, туалетная бумага, собачьи консервы. Банки с консервированными фрикадельками для ребенка и собаки. Тележка уже переполнена. Оушен тащит три пакета с чипсами «Дорито», похоже, процесс ее увлек. Видимо, отсутствие школы гарантированно повышает настроение у детей.

На кассе им приходится подзвать двух сотрудников магазина, чтобы помогли распределить покупки по пакетам. Он боится оглядываться

по сторонам — вдруг кто-нибудь их узнает? Сейчас позднее утро, кто угодно может заглянуть в магазин, например его босс или мистер Грант, большой человек, или, еще хуже — его теща Джеки. Их могут остановить, и что тогда? Трудно в тесном пространстве казаться незаметным — сам на себя можешь наткнуться на выходе. Ладно, голову ниже, не смотреть по сторонам. Он протягивает девушке-кассиру кредитку, глядя куда-то вбок. Она проводит ею по терминалу, который в ответ жужжит, выходящая из себя длинный чек.

Толкая тележку, они выходят на залитую солнцем, заставленную машинами парковку. Он открывает заднюю дверцу, чтобы взглянуть на собаку.

— Извини, мы слегка задержались, — говорит он ей.

Сюзии зевает, чешет за ухом. Не так уж сильно они и задержались. Заставив багажник пакетами с едой, Гэвин садится за руль, бросает взгляд в зеркало, чтобы убедиться, что это и вправду он. Ну и страшила: опухшее лицо, желто-серая кожа, под глазами мешки... И не скажешь, что когда-то он слыл красавчиком. Сорок шесть лет, а в бороде уже пробивается седина, живот раздут, как у рыбы-ежа, грудь висит как у карнавальная шлюхи... Как он довел себя до такого состояния? Он качает головой от стыда, с силой жмет на газ, разворачивается, ведет джип по раздолбанной дороге, включает радио. Поет Мадонна.

— Мы едем в отпуск, — сообщает он дочери.

Но она снова притихла, смотрит в окно, будто решает, как реагировать на эту новость. Зато с заднего сиденья раздастся прерывистое сопение Сюзии.

Не поворачиваясь, он протягивает назад руку, гладит ее по длинному носу:

— Хорошая девочка!

Они уже выехали из Порт-оф-Спейна, движутся на запад, к морю, к яхтенным пристаням — маринам. Дорога идет вдоль берега, время от времени он бросает взгляд на гладкую сине-серую поверхность залива Пария, испещренную судами: здесь стоят на якоре заброшенные рыбацьи шхуны, танкеры, даже огромные контейнеры, нашедшие укрытие на время мирового кризиса.

После утреннего дождя море уже пришло в себя. Гэвин прекрасно знает эти воды, знает свою яхту. Половину пути они пройдут вдоль побережья Венесуэлы, это хороший маршрут. Сейчас облака плывут в небе очень высоко, солнце прожигает в них дырки. Облака будто велят ему торопиться: «Быстрее, парень, быстрее! Вали отсюда прямо сейчас!»

На заправке он набирает дизельное топливо в три большие канистры, а недалеко от причала останавливается около морской лавки, где ему предстоит затариться более серьезным товаром.

Торговля здесь идет за наличные. Пока он разговаривает с продавцом, Оушен молча стоит рядом. Гэвин покупает запасную крыльчатку двигателя и ремень генератора, ракетницу и спасательные жилеты, страховочное оборудование: тросы, карабины, стропы, жилеты, пояса, мощный фонарь, две непромокаемые куртки для непогоды, новую удочку, два спальных мешка, пару палубных туфель и перчаток, запасные батарейки для системы навигации. Еще он покупает ласты, трубки, аптечку, новую помпу, бортовой журнал, а также навигационные

карты островов Маргарита и Бонэйр и путеводитель с описанием достопримечательностей.

Утром он уже упаковал одежду в два холщовых вещмешка, прихватил паспорта, поводок для собаки, GPS-навигатор, портативную антенну VHF. Ему потребовалось тридцать пять минут, чтобы освободить розовый дом от их присутствия. На кухонном столе он оставил Жозефине прощальную записку и пачку голубых купюр: они поддержат ее, пока она не найдет другую работу. Ей велено прибраться и вымыть пол, затем запереть дом. Свой мобильник он выключил, чтобы избежать лишних вопросов.

Он поворачивается, чтобы выйти на набережную, и тут случается худшее: на пороге появляется дружелюбный булочник Альфонс.

— Хей, Гэвин, салют! Куда это ты собрался?

Он и забыл, что у Альфонса тоже есть яхта — «Гренада», 37-футовая красавица, оснащенная автопилотом, автоматической закруткой парусов, опреснителем воды, холодильником, GPS, ABC, солнечными батареями, ветрогенератором, короче, всем, чего душа пожелает. Люксовая штучка, сама держит курс. По пути на Гренаду Альфонс может проспать всю ночь или развлекать девиц в комфортабельной кают-компании. Альфонс — владелец булочной, он в своей компании главный. Он может себе позволить во вторник утром не работать, а идти, куда ему заблагорассудится.

— Хей, привет, Альфонс! — отзывается Гэвин, стараясь выглядеть таким же беззаботным. — Вот, решили прокатиться на Маргариту.

— Ну ты даешь! — восклицает Альфонс. — Сюда же дождь идет. Большой дождь... — Он качает

головой. — Вона всю Венесуэлу вчера залило. Их конкретно накрыло, братан. Ты точно собрался отчалить?

— Точно.

— Ну и пес с тобой. Хей... — Он бросает взгляд на Оушен. — Что за симпатяшка у тебя растет!

Оушен стесняется взрослых мужчин и немедленно прячется за ногами Гэвина.

— Оушен, поздоровайся с дядей.

Она молчит, отворачивается.

— Ну и ну, фу-ты ну-ты, вылитая мать.

— Я знаю.

Тут у Альфонса что-то щелкает в мозгу, и на его лице появляется осторожная понимающая улыбка. И немудрено, весь остров знает, что случилось с Гэвином.

— Ты что, решил валить отсюда, а?

— Да.

— Ты эта, держись.

— Постараюсь.

— И на чем пойдешь?

— На «Романи», на чем же еще?

— Чо, на этой развалине? — Альфонс улыбается, это он так дразнится.

— Полегче, парень, моя любимая надежна как скала. И так же устойчива и... — тут Гэвин усмехается, — так же неповоротлива. Медлительна до невозможности, как черепаха.

— А после Маргариты куда?

— Наверное, дальше, на запад. — Гэвин тычет пальцем себе за спину.

— Не, братан, лучше на север, без балды. Так проще. Забодаяешься возвращаться с запада. Я раз

сто ходил на север, на запад — никогда. На Голландские острова собрался, что ли? Да ну их на хрен! Ты что, по-голландски бекаешь?

— Не бекаю, — смеется Гэвин. — Но ведь они там и на других языках разговаривают. На папья-менто, еще на английском, американском.

— Что еще за папья-хуапья? Не слышал о таком языке.

— Креольский. На нем раньше рабы разговаривали.

Альфонс презрительно поднимает бровь и шумно вытягивает в рот слюну, готовясь сплюнуть.

— На хрена мне сдались эти папьи-шмапьи. Их ваще, знаешь, как зовут?

— Как?

— Гондоны голландские, вот как! Продают свои задницы америкосам. Прошу прощения, мисс Оушен.

— Мы просто хотим добраться до рифов, полюбоваться на рыбок.

— Ха! Ну передавайте от меня привет рыбкам. И смотрите, не балуйте там.

— Не будем.

Альфонс уходит, и Гэвин переводит дух. В горле у него пересохло — черт, ну и дела, чуть не попались. Он смотрит на дочь. «Всю Венесуэлу залило, конкретно накрыло». Одна только мысль о наводнении заставляет его желудок судорожно сжиматься. А сейчас кругом наводнения.

«Ну и что, — говорит он себе, — подумаешь, вода сверху льется!» Он — крутой яхтсмен, с многолетним опытом, по крайней мере, раньше был таким. Они все время будут идти вдоль берега. Гэвин

задирает голову. Проплывающие высоко в небе белые облака ободряюще подмигивают: «Решайся, мужик, не дрейфь!».

— Пошли, ду-ду, — говорит он своей маленькой русалочке, — пора отправляться в путь.

* * *

Пако, водитель водного такси, помогает перегрузить покупки на свою моторку. Пако — высокий, широкоплечий, лысый старик темно-шоколадного цвета со скульптурными линиями лица. Он, как всегда, задумчив.

— Гляжу, не на денек поехать собрались, — замечает он.

Гэвин понимает, что снова засветился. Сначала Альфонс, теперь Пако, да и другие яхтсмены уже заметили его, наблюдают за погрузкой со своих лодок. Теперь точно не удастся отчалить незаметно.

— Вот, решил попутешествовать. Взял на работе короткий отпуск.

— И куда пойдете? На Венесуэлу?

— Нет, на Бонэйр. Недалеко.

— На Маргариту зайдете?

— Полагаю, да, ночь простои́м. Дольше не задержимся, там же пираты орудуют.

Пако выдвигает подбородок, кивает. Он слышал то же самое.

— Моя жена всегда отоваривается на Маргарите.

— Да, моя тоже. — Черт, не смог употребить прошедшее время.

— Вот Бонэйр — хорошее место и рифы превосходные.

— Ага, я сам там нырять учился... Давно это было...

Пако так нагружает их скарбом свою моторку, что та низко садится в воду. Они медленно проходят мимо пришвартованных яхт. Сюзи в приятном ожидании перебирает лапами на носу, ведь раньше Гэвин часто брал ее с собой на «Романи». Она любит соленый морской воздух, любит наблюдать, как волны расходятся от кормы, лязгает зубами на морских птиц, обожает плавать. Если рассудить, Сюзи почти так же любит ходить на яхте, как он сам. Сколько же времени прошло с тех пор? Год? Два? Не меньше двух лет, а то и больше... И все равно Сюзи — крутая палубная собака, полноценный член команды.

Они подплывают к «Романи» — Гэвин не может скрыть удивления. Он просто поражен. В кокпите¹ не гнездятся пеликаны, все чисто, яхта вообще выглядит прекрасно. Она стоит на приколе уже год, как минимум пятнадцать месяцев в воде. Но паруса аккуратно свернуты, кокпит накрыт брезентом, даже полированная обшивка не сильно засижена птицами. Это кто же так хорошо ее законсервировал?

— Пако, ты видел кого-нибудь на «Романи» в последнее время?

— Видел.

— Правда? И кого же?

— Мистер Холдер здесь бывал.

— И часто?

— Ну... навевывался.

— О... Он мне об этом не говорил.

---

¹ Углубление в кормовой части палубы для рулевого и пассажира.

Клайв Холдер, его лучший друг и бывший совладелец «Романи», — и ведь ни словом не обмолвился, подлец. Впрочем, в последнее время они и не обсуждали яхту. Они с Клайвом вообще после наводнения почти не общались. Кто же из них первым перестал звонить, он или Клайв? Ах, Клайв, сукин ты сын, ну надо же, привел посудину в порядок! А ведь у Клайва теперь есть собственная яхта, гораздо круче этой, и он-то продолжает ходить под парусом.

«Романи» качается на волнах вполне уверенно и даже элегантно. Небольшая, с изящными обводами, она похожа на шлюпы из скандинавских сказок: нос и корма слегка приподняты над водой.

Ее произвели в Дании, и предыдущий владелец пересек на ней Атлантический океан. Эта модель называется «Великий датчанин», GD28, таких яхт было сделано всего двести пятьдесят штук. Длинный свинцовый киль существенно понижает ее центр тяжести. Стабильная, устойчивая посудина, спроектированная настоящим моряком, призером Олимпийских игр. Корпус выкрашен в темно-синий цвет, паруса — белые. Название «Романи» написано на боку бледно-голубыми фигурными буквами. Она кажется немного застенчивой, но на самом деле готова к бою: эту маленькую лодку легко недооценить. Сердце его переполняется любовью к ней.

— Папа, а когда мы поедem домой?

Гэвин игнорирует этот вопрос.

— Пако, вот лодка так лодка! Настоящая лодка! — восторженно говорит он старику.

— Папа, мне скучно. — Оушен сидит рядом с ним, руки зажаты под мышками.

— Сейчас ты у меня развеселишься, Старбак.

— Старбак? Это кто?

— Мой первый помощник, вот кто! Я тебе о нем позже расскажу.

— А можно тефтельки на ужин?

— Можно.

— Пако, ты только взгляни на эту красавицу! Хороша, да?! — Гэвину не унять восторга.

Старик кивает, затягивается зажатой в углу рта сигаретой.

— Я-то помню вас с мистером Холдером на этой посудинке.

— Эх, были времена! Выходили в море в пятницу вечером, брали бутылку рома, телескоп, да так и сидели всю ночь, глаза на звезды. А на выходных — рыбалка, купание, девочки... Как мы гонялись тогда! До Гренадин доходили легко.

— Да, лодка мировая. Сколько ей уже?

Бог ты мой... Гэвин пытается сосчитать:

— Тридцать, может быть, даже тридцать пять лет.

— Хорошо она выглядит, эта ваша лодка.

Они причаливают рядом с «Романи». Собака перебирает ногами, хвост поднят вверх, как мачта. Он видит, что она мечтает первой оказаться на палубе. Раскачивая моторку, он поднимается на ноги. Выравнивает лодку, вывешивает кранцы, пытается достать ногой до стального ограждения «Романи», но его толстые ноги не желают задираться так высоко.

— Вот черт, ну я и растолстел! — восклицает Гэвин, посмеиваясь над собой.

А на самом деле это вовсе не смешно, этот фактор он не учел. Он действительно разжирел как свинья,

а толстяки под парусами не ходят. Толстяки и близко не подходят к воде, ведь, в отличие от распространенного мнения, у них плохая плавучесть. Они не занимаются ни серфингом, ни виндсерфингом, ни кайтсерфингом, не плавают на бодиборде, не погружаются с аквалангом, даже с ластами им тяжело нырять. Когда же он умудрился так раздаться? Внутри-то он остался молодым красавцем, которому море всегда было лучшим другом.

Он возится, пыхтит, делает колоссальное усилие — и вот с помощью Пако все-таки перелезает на борт «Романи», стоит на палубе, тяжело дыша.

— Передай мне собаку, — велит он Пако, — а то она сейчас прыгнет.

Пако передает ему Сюзи.

Следующей на палубе оказывается Оушен в своей розовой балетной пачке. Пока лицо ее спокойно, она пытается проявить терпение, но надолго ее не хватит.

— Букашечка, посиди в кокпите пять минут, хорошо? — просит он. — Только ничего не трогай, поняла, Старбак?

— Поняла, — тихонько произносит она.

Тем временем Пако передает ему закупленное: провизию, оборудование, топливо.

— Эээ, а ром-то взять забыл! — шутит он.

— Ничего, по дороге напьюсь, — в тон ему отвечает Гэвин.

Он знает, что не напьется, на Бонэйре производят не ром, а мерзкого вкуса ликер под названием «Синий Кюрасао». Он специально не купил ром. Море, маленькая девочка и ром — не слишком удачная комбинация.

Когда все мешки перенесены на палубу, Гэвин наклоняется к Пако и сует ему в руку двадцатку.

— Ты, это, друг... передай мистеру Холдеру, что я отправился попутешествовать, хорошо?

— Передам.

— И еще, ты, это... скажи, что я иду на запад. Только на запад, он поймет. Мы столько раз это обсуждали.

— Скажу. — Старик разворачивает лодку, заводит мотор и уносится, оставляя на зеленой морской глади небольшую косую волну и не оглядываясь на Гэвина, стоящего на палубе маленькой яхты в компании собаки и шестилетней дочери.

* * *

Подобно многим яхтам, у «Романи» есть своя легенда. Гэвин прокручивает ее в голове, стараясь припомнить подробности. Лодку нашли дрейфующей в Карибском море — это случилось двадцать с лишним лет назад. Какие-то рыбаки из Майаро заметили ее в миле от берега, качающейся на острых атлантических волнах, — на палубе никого, парус полощется на ветру, рация бормочет по-испански. Эти рыбаки были хитрые ребята: они задумали перевести яхту на север, в марины Чагурамаса, по крайней мере, так ему рассказывал Клайв.

Рыбаки, понятное дело, хотели получить вознаграждение, но, к их разочарованию, никто не примчался за синей красавицей — в Чагурамасе и слыхом не слыхивали ни о самой яхте, ни о ее владельце. Яхта не была зарегистрирована в местных водах, и по закону рыбаки не имели права оставить

ее себе — так что им пришлось возвращаться домой на автобусе, несолоно хлебавши. Береговая охрана просто выразила им благодарность за бдительность, вот и всё.

«Романи» ходила под датским флагом, так что через должное время она попала в разряд «пропавших яхт», и в конце концов ее отбуксировали на территорию яхт-клуба и вытащили на берег в надежде, что рано или поздно объявится семья или друзья пропавшего владельца. Однако проходили месяцы, но никто так и не появился. Тогда-то Клайв и заметил небольшую изящную лодочку — бедную сиротку. Только ему, похоже, она и приглянулась.

Гэвин знает слишком хорошо, что может случиться в море. Одиноким путешественников подстерегают сотни опасных ситуаций: они могут споткнуться и упасть за борт, их может смыть волной, сшибить гиком. А некоторые и по доброй воле прыгают в воду, замороженные бирюзовой бездной, оставив в кают-компании таинственные записки типа «Я ухожу, это милость Божья...».

Тысячи людей каждый год выходят в море, как и он сейчас, в одиночку. Кто-то бежит от действительности, кто-то просто любит гонять под парусом. Один хочет поставить рекорд, другой просто зарабатывает, развозя товары. И каждый год горсточка моряков так и остается в море: некоторых смывает шальной волной, у других яхта переворачивается во время шторма или попадает под проходящий танкер.

Можно запутаться в ловушках для рыбы, в забытых сетях. Море не знает понятий «честно» или

«просто». Даже опытные моряки порой совершают смертельные ошибки. Взять хотя бы Джошуа Слокума — в конце концов он так и пропал без вести вместе со своей яхтой «Спрей», то ли с пароходом столкнулся, то ли кит хвостом ударил на пути к Карибам. А сколько других прекрасных моряков отравились кормить рыб — и с владельцем «Романи» могло что угодно случиться.

Прошел год. «Романи» начала потихоньку высыхаться. Но Клайв — далеко не дурак. Будучи дальним родственником президента клуба, он предложил за яхту скромную сумму в тридцать тысяч местных долларов. «Мой друг Гэвин Уилд в доле со мной», — заверил он. Клайв, конечно, к тому времени все уши прожужжал ему о «Романи» и о том, какие приключения их ждут в море; таких сказок наплел, что Гэвин, не раздумывая, согласился разделить расходы пополам.

Сделка совершилась мгновенно: в Тринидаде никто не станет организовывать тендер — скорее лодка сгниет. Они решили оставить имя «Романи», потому что менять название яхты — все равно что призывать злых духов на свою голову. И все эти годы наслаждались яхтингом на чудесной, медлительной, конечно, но очень устойчивой лодочке. И на северные острова ходили, и на юг, и рыбачили, и на звезды глазели, чего только не повидали! Но ни разу они с Клайвом не обсуждали судьбу ее бывшего владельца. И ни разу не видели на носу призрак погибшего шкипера. Так что «Романи» легко и без сожаления перешла во владение к двум молодым парням, сильным, дерзким, горячим, обожавшим и ее, и все, что связано с морем. А название

«Романи» они объяснили друг другу тем, что она, как настоящая цыганка, обожает скитаться с места на место.

* * *

Два часа дня, и «Романи» готова отчалить. Раскладывая вещи, Гэвин нашел на яхте множество полезных предметов, включая свою старую шляпу — добрый знак. А он-то недоумевал, куда она подевалась? Это что-то среднее между сомбреро и ковбойской шляпой, сделана из водостойкой, практически неубиваемой соломки. Конечно, в ней он похож на мексиканского фермера, но зато она такая удобная, сидит на голове как перчатка, широкие поля защищают от солнца не только лицо, но и шею, и плечи.

Сюзии большую часть времени провела в кают-компании, присматривая за девочкой, пока Оушен раскладывала консервы и расставляла бутылки по крошечным полкам и шкафчикам, выстроив их по цвету этикеток, а затем сложила свою одежду — в основном розовые платица и пышные юбочки — в боковые ящики. Спать они будут все вместе, по крайней мере, так решила Оушен. Как будто путешествуют на плоту, — и она бросила на спальник свою единственную игрушку, синего плюшевого Гровера.

Они пообедали бутербродами с тунцом, и он рассказал ей про капитана Ахава, и как тот с помощником Старбаком гонялся за гигантским белым кашалотом.

— А почему у капитана была только одна нога?

— Понимаешь, белый кит был очень голоден... И он... в общем... съел его ногу.

— Ой! — Она страдальчески морщится. — Наверное, капитану было очень больно.

— Да уж, это происшествие его весьма рассердило.

— И поэтому он хотел отомстить белому киту?

— Именно так.

— Я бы тоже рассердилась, если бы кит откусил мне ногу. И что же, Ахав плыл вслед за китом?

— Да, преследовал его долгое время.

— Папа, а мы увидим китов?

— Киты редко заплывают в Карибское море. Но мы встретим дельфинов и летучих рыб. Подожди, сама увидишь.

— А я надеюсь, что мы все-таки повстречаем кита.

Гэвин как мог подготовил яхту к выходу в море: установил ветропилот для системы автоматического управления, прикрепил к леерному ограждению стропы для страховочного троса. Грот готов к перемене курса, стаксель частично поднят. Как давно он не управлялся со снастями в одиночку!

Да, много времени прошло. Сюзи сидит на палубе — он с самого начала затянул ограждение сеткой, чтобы она не выпала за борт. И все равно немного страшно за нее — вдруг скатится с палубы, как мешок с картошкой?

— А ну-ка брысь в кокпит, вы обе! — строго велит он.

Собака мгновенно выполняет команду, а дочь смотрит на него с высокомерным недоумением — что

это он тут раскомандовался, да еще в такой глупой шляпе?

Сюзи раздражается лаем. Старушка нервничает: слишком долго они собираются, давно пора отправляться, скоро стемнеет. Дочь тоже устала от сборов и готова устроить очередную истерику, если он сейчас же не отдаст концы.

— Ну ладно, сиди тут, в кают-компании, — бросает он ей через плечо.

Гэвин заводит двигатель, переключает на нейтраль.

В одну минуту он развязывает кормовой швартов, сбрасывает носовой, возвращается в кокпит и снимает боковой прижимной швартов. Садится за руль, прокачивает двигатель. На звук ревущего мотора из салона выглядывает Оушен, затем поднимается на палубу и устраивается в кокпите рядом с собакой.

— Папа, куда мы поплывем? — спрашивает она заинтересованно.

— Мы выходим в море, гусеничка, — широко улыбается он.

Они с трудом проталкиваются через ряды пришвартованных в марине яхт, и он вдруг испытывает дежавю, чувство, о котором когда-то читал: когда молодость проходит окончательно, человек вдруг осознает, что только что совершил переход в следующее состояние жизни. Он понимает, что стоит на пороге новой вехи, и от этого ему и грустно, и хорошо, и адреналин бежит по жилам, и снова в ушах раздается шепот: «Вперед, ты свободен!»

Соленый воздух разгоняет кровь, Гэвин с трудом сдерживается, чтобы не погнать старушку «Романи» во всю прыть. Они медленно выходят в залив, и вот уже остальные яхты остались позади, и он ставит двигатель в нейтральное положение и поворачивает яхту по ветру. Надевает перчатки, проходит в носовую часть и поднимает грот. От работы со шкотами горят ладони, но парус неуклонно ползет вверх, и настроение сразу повышается.

В кокпите он закрепляет румпель, оглядывает морские просторы. Парус «Романи» ловит восточный ветер, лодка кренится на правый борт, ей тоже надоело ждать. «Дай же мне набрать скорость!» — просит она. Они проходят мимо Пяти островов, затем мимо Карреры, тюремного острова, оставляют позади Гаспар с его разноцветными домиками. Свежий ветер раздувает паруса, яхта устремляется в море. Впереди океан, скорее зеленый, чем синий, пока в нем воды из Ориноко больше, чем морской. Везде снуют небольшие суда, а громадные танкеры, океанские лайнеры и нефтяные вышки замерли далеко в море. Собака вне себя от радости: лает — как поет. Он садится рядом с дочерью, улыбается ей.

— Видишь? — Впереди видна скала, от которой отвалился кусок; она напоминает гигантский зуб и выдается далеко в море. — Мы сначала дойдем туда, потом повернем за нее.

Оушен кивает. То ли ему удалось нейтрализовать ее, то ли она начинает въезжать в ситуацию. Больше никакой школы. Она спускает на маленький

носик зеркальные солнечные очки и усаживается с таким видом, будто ей все ясно, точно она сама придумала этот грандиозный план. Вообще-то его маленькая русалочка нечасто выходила в море. Так, поездки на выходные, да еще один раз он брал ее с собой на острова.

«Ничего, она справится, — утешает он себя. — Все будет хорошо. Вот только носик надо намазать кремом от солнца». — И с этой мыслью он вынимает из кармана мобильный телефон и забрасывает за плечо, в море.

Глава 3

УСТА ДРАКОНА

Они проходят очень близко к похожему на зуб пику, и тут с правого борта к ним подплывают три дельфина, один из них пегий с розовато-серой кожей. Три дельфина подплывают к яхте, чтобы поприветствовать их.

— Ух ты, смотри! — Он показывает рукой. — Ты их видишь?

Оушен не может оторвать глаз от морских созданий.

— Кто это, папа?

— Дельфины, узнала теперь?

Она кивает.

Три дельфина плывут рядом с яхтой, их гладкие тела и дуги спинных плавников проходят сквозь воду синхронно и без малейших усилий. Они поднимаются на белые буруны волн, как три кинозвезды на сцену, как три акробата, одетые в блестящие облегающие костюмы.

— Э-ге-ге! — кричит он им в знак признательности, а Оушен хлопает в ладоши и смеется.

Вдруг Гэвин замечает, что море неуловимо изменилось, вода уже не бирюзовая, а серая, страшная, безутешная. Как он мог пропустить этот момент? Куда девались высокие снежно-белые облака,

сопровождавшие их все это время? Испарились. Теперь впереди их ждут тучи, отяжелевшие от дождя, низкие, угрюмые. Надвигается шквал.

Яхта начинает раскачиваться, она ныряет в волны. Море как будто расчесывает себя: вперед, назад, вверх, вниз; их качает на беспокойных, непредсказуемых американских горках. Глаза Оушен расширяются, когда ее начинает швырять по кокпиту, она крепко сжимает губы.

— Сиди, не вставай и держись за что-нибудь! — бросает он ей.

Гэвин крепит румпель к лопатке ветропилота, спускается в салон и возвращается с детским спасательным жилетом и страховочным тросом. Надевает на дочь жилет, надежно застегивает, крепит трос к закрепленной на ограждении стропе. У нее серьезное выражение лица.

— Папа, ты зачем это делаешь?

— Для твоей безопасности, малышка.

Вдруг прямо у него на глазах личико Оушен бледнеет, потом становится цвета зеленых водорослей. Ах ты черт, он же забыл купить таблетки от укачивания!

— Эй, сиди здесь тихонько, — говорит он бессмысленно, крепче затягивая на ней жилет.

Как он мог забыть, что настроение у моря меняется очень быстро? В одну минуту оно — тихое, гладкое, благодушное, но через мгновение становится раздраженным, нервным, даже подлым. Море может быть настоящей сукой — сбросить тебя с полки, заставить выbleвать собственные внутренности, до синяков исхлестать градом или отвязавшимся шкотом. Его нельзя принимать как должное, оно

этого не любит. Отвлекись на секунду, и оно сразу даст понять, что ты не прав.

А не слишком близко к скале они проходят? Что-то он стал нечетко реагировать — когда же он в последний раз ходил под парусом? Снова приплыли дельфины, они выпрыгивают высоко из воды, поворачиваются в воздухе, делают двойное сальто почти над самым носом яхты. Один хлестко шлепает плавником по морской волне, перед тем как погрузиться в воду. Шлеп-шлеп, привет, ха-ха-ха!

Да он приплыл сюда не развлекать их — «Романи» с трудом прорубается сквозь пенистые гребни в угрюмой разобщенности с пучиной, — нет, он дразнит их, идиотов, решивших плыть по морю в таком корыте.

Щеки Оушен надуваются. Он снова быстро закрепляет румпель, хватает дочь, наклоняет к морю. И вовремя — маленькое тело напрягается от жесткого спазма, из горла жидкой струей вылетает весь съеденный обед. Она хватается ртом воздух. «Прости, доченька, моя русалочка», — хочет он сказать, но ее снова рвет. На этот раз ее тело напрягается медленнее, рвотная струя летит за борт, она судорожно сглатывает и обмякает в руках отца.

Он прижимает девочку к себе, держит, пока она не успокаивается. Ее глаза напоминают жидких устриц, — они истекают слезами, полны замешательства, испуга. Подбородок запачкан, и Гэвин вытирает ей губы подолом своей футболки, потом бежит в кают-компанию, приносит бутылку воды.

— Вот, выпей немного, милая. — Среди бешеной качки он умудряется налить ей воды в пластиковый стаканчик.

Сам-то он тяжел и устойчив, настолько, что морю потребовалась бы энергия дикого зверя, чтобы свалить его с ног.

— Вот, моя ду-ду, выпей немножко воды.

Она делает несколько глотков, глядит в стаканчик как в начало иного мира. А он льет воду ей на голову, прыскает в лицо. Вытирает щеки. Очки свалились с носика и валяются в углу кокпита.

— Хорошо, что тебя стошнило, сейчас станет легче.

Оушен кивает, но видно, что еще не пришла в себя. Она откидывается на спинку скамьи — ее еще не покинул ужас морской болезни, жилет надувшимся пузырем обрамляет маленькое личико.

Мрачно-сосредоточенный, он садится обратно за руль. Стервозное море его уже достало. Дельфины исчезли, «Романи» старается изо всех сил, слава богу, что киль у нее такой тяжелый, глубоко погружен в воду, вроде беспокоиться не о чем. Яхта продвигается вперед осторожно, медленно, но даже и в этом ритме все равно переваливается с боку на бок так, что скоро их всех начнет выворачивать. Он бросает взгляд на собаку — та неподвижно лежит на дне кокпита, закрыв глаза и положив голову на передние лапы.

— Сюзи, ты как? — спрашивает он, но собака не реагирует. — О нет, Сюзи, только не это!

Собака вдруг открывает пасть как будто для зевка и выкашливает струю зеленой блевотины. Не веря своим глазам, Оушен смотрит на желтую лужицу и начинает плакать. Не картинно рыдать для привлечения внимания, как она обычно делает (раньше он был готов на все, чтобы только унять

ее вопли), — нет, сейчас она тихонько всхлипывает, как убитая горем старушка, икает, вытирает нос рукой.

Оушен сжимает в руке пластиковый стаканчик, прижимает его к груди, как пьяница — бутылку, с трудом встает. Низкие облака над ними проливаются внезапным дождем. Он смотрит на дочь, но ей слишком плохо, чтобы реагировать на это, она едва держится на ногах. За считанные минуты дождевая вода обдаёт ее полностью, превращая волосы в серебряные водоросли, налипшие вокруг подбородка.

— Давай, ду-ду, выпей еще водички. Самое плохое позади, вот увидишь. Долго такой шторм не длится.

Но ребенку снова плохо, на этот раз ее рвет водой прямо на пол. Они продвигаются в стене дождя больше часа, пока Уста Дракона не остаются позади. Море теперь напоминает огромные серо-зеленые холмы. Собака и девочка притихли во взаимном ужасе перед стихией. Перед ними — открытый океан, когда же он видел его в последний раз? Лет десять назад? О чем он вообще думал, как посмел выйти в море в одиночку? Думал ли о чем-то вообще? Со стороны порта к ним приближается странное судно: рваные красные паруса как у китайской джонки. Неужели пираты? Выглядит в точности как пиратский корабль. Но они еще слишком близко к Тринидаду — рановато для настоящих пиратов. Судно держит курс прямо на них, как будто направляясь в Порт-оф-Спейн.

Он не знает, что предпринять, когда-то острое чувство моря притупилось. Ему даже приходится

потрясти руками перед носом, чтобы прийти в себя. «Да что с тобой, — говорит он себе. — Очнись, ведь такое знание не забывается. Узнаешь раз, запомнишь навсегда, нет? Это как езда на велосипеде».

Он смотрит в бинокль на судно, на корпусе нарисована массивная кошка Тобаго, она надвигается на «Романи», грозясь разрезать яхту своими жесткими клешнями-волнорезами. Корпус судна раздвоен впереди, покрыт выступами-зубами, предназначенными для раздвигания воды. А, понял наконец! Наверное, «Кошка» заняла место старого «Гельтинга», здоровенного парома, который когда-то ходил с Тринидада на Тобаго. Двигался он еле-еле, переезд занимал много часов. А сейчас вместо парома пустили это судно на подводных крыльях.

Вообще-то, ему нечего волноваться, у яхт приоритетное право прохода, но все равно как-то неприятно... Быстроходная «Кошка» летит со скоростью поезда, и прямо на него. Внутри у Гэвина все замирает — уверенность в своих силах улетучивается за одну секунду. Что же делать, вызвать помощь по рации? Но кого звать, ведь только Пако да Альфонсо видели его в порту... Может быть, стоит вернуться домой? Сотрудникам он может наврать что угодно, например, что у него случился приступ тропической лихорадки. На хрена он вообще поперся в море? Ладно, главное сейчас — пропустить мимо себя чертову «Кошку», а потом можно и обратно повернуть. Или он даст ей потопить их?

Но он ничего не предпринимает. На «Кошке» замечают их, меняют курс, проходят мимо. Он прикладывает руку к груди, чтобы проверить сердце.

Стучит, как сволочь, внутри. Ладно, шепчет он, все будет хорошо. Это было самое плохое.

* * *

И он прав. Как только они оставляют за собой Тринидад, море успокаивается. Оушен и Сюзи, все еще молчаливые и испуганные, валяются в обнимку на спальниках в салоне. Он ставит кастрюльку на огонь, бросает в кипящую воду быстрорастворимые макароны. Горячая солонватая еда — то, что надо после таких испытаний. Собака лакает воду из миски. Пассажирки «Романи» устали и после ужина мгновенно засыпают: Оушен в спальном мешке, Сюзи — на ее ногах.

День, похоже, заканчивается, небо становится нежно-розовым, поверхность воды напоминает мокрый шелк, подвижный, переливающийся, будто яхта плывет по огромному полю ртути. А может быть, «Романи» взлетела в космос и приземлилась на другой планете, где земля темно-синяя и покрыта рябью? За их спиной виднеются темные холмы, как будто не Тринидада, плодородного зеленого острова, а какого-то другого места, высохшего, безжизненного, выжженного вулканами.

«Романи» изначально была оборудована ветропилотом и системой автоматической навигации, ведь яхта уже один раз пересекла Атлантический океан — автопилот вообще очень удобная штука. Гэвин устанавливает его так, чтобы яхта держала курс самостоятельно, берет направление на остров Маргарита, куда восточные ветры должны их быстренько домчать. Идет в салон, проверяет карты,

листает путеводитель, находит симпатичный заливчик, где они смогут встать на якорь. При скорости яхты в шесть-восемь узлов они прибудут на место рано утром.

Как же давно он не был в море ночью! За это время зрение изрядно подсело, и теперь, когда он вглядывается в горизонт, сразу замечает, насколько слабее видит. Но в то же время тревога отпускает, вены взбухают новой жизнью, тело подстраивает свои ритмы под пульс окружающего их бесконечного водного пространства.

Ночью он стоит на вахте и смотрит в небо. Сначала оно меняет цвет с розового на розово-серый, затем просто на серый, становится все темнее, темнее, пока не наступает чернильно-черная ночь. Тут уж ничего не разберешь: где облака, а где море, в каком месте они соединяются, как низко ползут тучи. Только силуэты, черные, почти неразличимые, изгибаясь, меняя очертания, поднимаются из черной воды. Может быть, к ним снова приплыли дельфины? Или это горбатая спина очередного острова?

Он ставит старый диск Боба Марли, потихоньку, чтобы не разбудить спящих. Звуки регги плывут над волнами. Только сейчас он замечает на своей голове шляпу, снимает ее, натягивает поверх футболки свитер с длинными рукавами. Стаскивает перчатки, проверяет руки. Вроде крови пока нет. Яхта потрескивает, хрустит суставами. Вокруг него полно звуков: скрипят тросы, хлопают паруса, будто тихонько судачат о чем-то с морем. Боб Марли тоже разговаривает с ними: Марли, великий бард, с ним не скучно стоять вахту, с ним легко медитировать, глядя в ночь.

Гэвин достает журнал, разделяет страницы на колонки, чтобы отслеживать детали путешествия: время, течение, курс, погодные условия. Покусывая ручку, заполняет графы, аккуратно вносит числа. Затем снова устремляет взгляд вдаль, вспоминает, как они жили год назад. После наводнения это стало навязчивой фантазией — устремляться мыслями назад, воскрешать в памяти, что они ели, кто приходил в гости, какие планы строили на Рождество.

Волна пришла за неделю до Рождества, они даже успели купить елку и украсить ее гирляндами, а под нижними ветками разместили подарки. Клэр всегда обожала Рождество, каждый год покупала елку. Клэр тогда приготовила *супи* — домашние колбаски. И он снова разрешает себе погрузиться в старую жизнь, которую у него в одночасье украли.

На горизонте появились огни. Гэвин какое-то время наблюдает за приближающимся судном, — это танкер, что ли? Идет в салон, берет портативную рацию, но решает подождать. Пока танкер далеко, вроде обходит их сбоку, так что не о чем волноваться. Заглядывает в салон: собака перебралась под бок к Оушен, а девочка во сне освободила место, чтобы Сюзи было удобнее разместиться на спальнике. Обе тихо похрапывают. Он снова смотрит на приближающиеся огни — эй, что-то не так. Щурится в темноту. Блин! Трудно определить, но... судно гораздо ближе, чем ему вначале казалось. Всего в миле от них. Он включает рацию, произносит в микрофон слова; ему приятно, что голос его звучит авторитетно и спокойно:

— Говорит судно «Романи», ответьте, прием. — Из рации доносится треск — сплошная статика.

Он ждет, потом повторяет: — Говорит судно «Романи». Вы находитесь в миле от нас. Прием.

Ничего. Море черно, как и небо. Вдруг его охватывает паника — кажется, танкер уже навис над их бортом.

Молчание в радиии. Черт!

— Алло! — начинает он снова.

— Алло! — слышится голос из радиии. — Говорит судно «Санта Клара В».

— Добрый вечер. — Сердце Гэвина бьется быстрее, но голос спокоен. — Просто хочу удостовериться, что вы нас видите.

— Подтверждаю.

Что это за акцент? Испанский? Русский?

— Спасибо, — говорит он. — Спокойной ночи. Отбой.

— Отбой, — повторяет за ним голос.

А все-таки приятно, что не он один гуляет по волнистому морскому ковру. Вокруг них тысячи лодок, яхт, кораблей и суденышек, другие шкиперы и капитаны — испанцы, русские, немцы, тринидадцы. У большинства есть радары, радиии. Суда не просто так болтаются на море без руля и ветрил, каждым управляет профессионал. Все, что ему нужно, — концентрация внимания на следующие десять часов, предельно четкая и ясная.

* * *

На востоке встает солнце. Облака снова розовеют: розовые на закате, розовые на восходе. Появление и заход солнца каждый раз окрашивает небо

в ярко-розовый цвет, как будто в нем разливается, а затем тает оранжевая кровь. Море — серебристо-синее, по огромному полю раскиданы белые гребешки. Вокруг ни одной живой души, только поля лениво перекатывающейся рассветной синевы, целые гектары воды, предлагающие бесконечные возможности для жизни и смерти.

Море включило свои чары, начинает вкрадчивый диалог. «Прыгай за борт, — шепчет оно, — почему бы не прыгнуть? Давай, парень, решайся, и я надежду для тебя свое лучшее платье». Море обостряет одиночество, но помогает стать самим собой, вернуть того, кто исчез, растворился в воздухе год назад. За эту ночь кровь в его венах превратилась в подобие морской воды; теперь его тело дышит в одном ритме с волнами, он чувствует их мощь и благоволение.

Вот и утро, новый день настает. Ха, неужели они все-таки смогли сбежать? Они окружены просторами океана, его синяя поверхность огромна, она плавно качается вверх и вниз, будто дышит огромной грудью. Вот он, момент истины, мгновение, которого он ждал.

— Слава богу! — шепчет Гэвин. — Спасибо, Господи, что направил меня сюда.

Из двери салона появляется Оушен, наполовину торчащая из спального мешка.

— Доброе утро, русалочка! — приветствует он дочь.

Ее глаза полузакрыты, нечесанные волосы дыбятся вокруг головы.

— Можно мне тут поспать?

— Конечно.

Оушен подходит, устраивается в спальнике на скамье, кладет голову на спасательный жилет, который притащила с собой. Она тихо дремлет, а он возносит молитву жене: обещает позаботиться об их дочери, защитить ее от всех напастей. Да и что может случиться на самом-то деле? Они просто ненадолго ушли в море, принимают дрожащие лунные ванны, только и всего.

Гэвин широко зевает. Он устал, конечно, но не так сильно, как ожидал. В течение ночи он позволил себе два коротких промежутка сна, по полчаса каждый. Лишь одно судно появилось за это время — снова танкер, очень далеко. GPS-навигатор показывает рифы совсем рядом с берегом, — а ему-то чего беспокоиться, это забота рыбаков, кидающих сети на мелководе. Музыка, кофе, книжка на ай-пде не дали ему отключиться. Он позволил себе помечтать: теперь, когда его ничего не держит, почему не поискать приключений? Можно рвануть вперед до Тихого океана...

Эту старинную мечту он так и не привел в исполнение. Еще совсем молодым человеком он мечтал, что выйдет из Порт-оф-Спейна, возьмет курс на запад, потом на юг и доплывет до затерянного посреди Тихого океана, известного всем архипелага. Но как это сделать? Как? Тогда он не смог, а теперь превратился в жирного старого червяка, и ладони у него ноют и горят. Ладно, об этом думать рано. Сейчас самое важное, что он осилил ночь в одиночку.

Глава 4

ЗАЛИВ МЕЛКИХ ЯБЛОК

Гэвин направляет яхту к берегу, видит зеленую рощу за линией пляжа, берет на заметку: надо последить, чтобы его девчонки не вздумали пробовать здешние мелкие яблочки.

Залив Мансанильо — узкая бухта на северном побережье Маргариты. Лазурная вода, песчаные пляжи, маленькая флотилия связанных вместе рыбацких пирог у берега. Он достаточно хорошо знает испанский, чтобы перевести слово «*Manzana*» — «яблоко». Должно быть, этот залив и назван в честь дерева, несущего маленькие зеленые яблочки, напитанные ядовитым соком, содержащим кислоту, которая разъедает пищевод. Тринидадцы тоже хорошо знакомы с отравленными яблоками и называют их на креольский манер — *манцинелла*.

В шесть утра они уже на месте. Залив кажется обитаемым, уютным, это пристанище множества рыбацких лодок. Идеальное место для того, чтобы отдохнуть пару дней. Маргарита — женское имя, этот остров принадлежит Венесуэле и знаменит обилием пиратов и жемчуга, мангровыми болотами, виндсерфингом, дьюти-фри шопингом, а также

Девственницей долины², местной разновидностью Девы Марии, умеющей совершать чудеса, которой местные приносят в дар золотые предметы.

Оушен и собака сидят в кокпите, отдохнувшие и посвежевшие. Глядя на них, кроме облегчения, он испытывает что-то сродни гордости, — он доставил сюда остатки своей семьи в целостности и сохранности. С одной стороны, он был уверен в том, что сможет это сделать, и все же в глубине души сомневался. Он побалует их королевским завтраком — девочки это заслужили. Но сначала надо бросить якорь и выкупаться. Швартоваться в одиночку не так-то просто, но Гэвин выполняет все положенные действия, проверяет эхолот и видит, что да, бухта достаточно глубока для кия «Романи».

Он убирает стаксель, спускает и сворачивает грот, быстро перевязывая парус эластичными шнурами. Вытаскивает из люка якорь, оставляет на палубе. Медленно входит в пространство между пирóгами и бросает якорь. Тот хорошо цепляется за дно, и, чтобы убедиться в этом, Гэвин включает заднюю передачу, затем выключает двигатель и подхватывает на руки дочку.

— Итак, Старбак, — говорит он, — пора спускаться на воду пандус.

— Какой пандус?

— Обычный. Сейчас будем купаться.

— Почему сейчас?

---

² Римско-католический титул Пресвятой Девы Марии, почитаемый на острове Маргарита (Венесуэла) и в провинции Катамарка (Аргентина). Дева является покровительницей Восточной Венесуэлы, и ее праздник отмечается 8 сентября в ее святилище в долине Маргариты недалеко от Порламара.

— Почему нет? Перед завтраком полезно поплавать.

Он отпирает шкафчик и вытаскивает пандус, который когда-то смастерил для Сюзи — гениальное, его собственное изобретение. Собака любит плавать, но нести ее на руках по кормовой лестнице, а потом затаскивать наверх очень утомительно для них обоих: во-первых, она тяжелая, во-вторых, уже немолода. Поэтому он построил для нее что-то вроде трапа, по которому она спокойно сходит в море и так же спокойно вылезает обратно.

— Вот, смотри, это пандус для Сюзи. — Он показывает Оушен длинную доску с перпендикулярно набитыми на нее планками и навесным выступом на одном конце, чтобы цеплять за корму яхты.

Сюзи лает и виляет хвостом.

— Ты рада? Сейчас будем купаться, — говорит он собаке и вдруг осознает, что уже среда, а он с понедельника не принимал душ.

Что обычно происходит в среду утром? Совещания в офисе, Петала, секретарша с чашкой кофе. Офисное видение приносит острый приступ страха (господи, что я наделал?), но через секунду страх проходит. Гэвин решает, что не будет сейчас об этом думать. Телефон его лежит на дне моря, так что позвонить все равно никто не сможет.

Он прикрепляет доску к корме, и не успевает оглянуться, как собака уже восседает на верхушке пандуса.

— Хорошая девочка. — Он нежно гладит ее по морде.

Оушен в восторге:

— А мне можно спуститься по пандусу?!

— Конечно. Тащи сюда свою аквапалку.

Она бежит в салон, возвращается с длинной палкой из розового пористого поролона.

Собака уверенно сбегает вниз и прыгает, погружаясь в воду как кофейный столик, на четыре прямые лапы. Брызги летят во все стороны.

Следом спускается Оушен, сжимая в руках аквапалку. На ней заляпанный рвотой жилет и кружевные трусики. С пронзительным визгом она бросается в море и выныривает недалеко от собаки. Сюзи плавает вокруг нее кругами. Гэвин отодвигает лестницу, стягивает футболку и встает за ограждением; отрывает руки от леера, закрывает ими лицо и падает навзничь в море.

Когда он выныривает, собака и дочь плывут к нему, обе широко улыбаясь.

— Ну что же, — говорит он, — пора провести разведку.

Он плывет медленно, чтобы они поспевали за ним, — какое, наверное, потешное зрелище представляет их маленькая группа. Они оплывают деревянные лодки, пироги, такие же как в Тринидаде. Читают названия: «Дон Филипп», «Дон Хенаро», «Санта-Мария» — скоро в бухту придут рыбаки, чтобы вывести свои суденышки на промысел. Добравшись до пляжа, садятся на песок, смотрят, как волны накатываются на песчаный пляж.

Оушен бросает в воду аквапалку, и Сюзи плывет за ней, лает, хлебает соленую воду, пытается схватить зубами, но палка ускользает. Наконец, совершенно случайно, собака подсовывает палку себе под лапы — и темные собачьи глаза загораются восторгом оттого, что она внезапно приобрела

дополнительную плавучесть. Сюзи гребет к берегу. Оушен смеется.

— Папа?

— Что, ду-ду?

— А скоро Рождество?

— Да, скоро.

— Как скоро?

— Примерно через месяц.

— Мы еще будем на каникулах?

— Полагаю, да.

— А давай купим елочку и украсим ее!

— Ладно, постараюсь найти какую-нибудь поменьше, чтобы поместилась в салон.

— А в прошлом году у нас не было Рождества, папа? Только наводнение?

— Да, детка.

— Ладно... — говорит она и смотрит на море, поджав губы жестом, в котором одновременно читаются и страх и смирение.

Несколько недель после наводнения она рыдала не переставая. Психотерапевт сказала, что девочка страдает от посттравматического шока. «Как это? — Он не мог поверить своим ушам. — Это же заболевание солдат, которые побывали на *войне...*» «Нет, — возразила доктор, — такой шок может случиться с каждым, кто испытал очень сильный стресс». Оушен ходила к ней на сеансы раз в неделю, и через два месяца ей стало немного лучше. К весне девочка вообще практически восстановилась, но панические атаки и многочасовые истерики вернулись вместе с дождями. А как его малышка чувствует себя сейчас? Он подмигивает ей, она подмигивает в ответ.

— Что же, русалка, — улыбается он, — пора плыть обратно на яхту. Что ты хочешь на завтрак?

— Кукурузные хлопья с фруктиками.

— Прекрасно, я тоже буду хлопья.

Он сажает Оушен на спину, и они доплывают до яхты, а собака плывает рядом, пытаясь укусить аквапалку. Девочка и собака забираются на яхту по пандусу, а он подтягивается, чтобы достать до кормовой лестницы, с досадой чувствуя, как тяжело ему тянуть свое грузное тело вверх.

* * *

Около полудня Гэвин надувает резиновую шлюпку и спускает ее на воду. Пока они завтракали, в бухте появились первые рыбаки: отвязав пироги, они устремились в открытое море — каждый, проплывая мимо, в знак приветствия кивнул ему. Но много пирог пока стоят пустыми. Подплыв к берегу, Гэвин привязывает шлюпку к пристани, и тут его одолевают сомнения: а вдруг ее украдут за время их отсутствия? Может, оставить Сюзи за сторожа? Нет, решает он, придется рискнуть, собака принесет больше пользы, если поедет с ними.

На берегу Оушен берет в руки поводок — какая милая парочка! Глаза дочки широко раскрыты, она даже немножко подпрыгивает от нетерпения, а Сюзи терпеливо сидит, ждет его. Оушен ведет собаку на поводке по раскаленному асфальту, он идет следом. В небе висят облака, серые, словно дымящиеся.

Они подходят к так называемому Плейя-дел-Агуа, или «Водному пляжу», — длинной песчаной косе,

окаймленной пальмами и усеянной ресторанами, явно рассчитанными на туристов. Это место напоминает ему залив Маракас в Тринидаде.

Они находят самый симпатичный бар, садятся за стол. Он обещал накормить Оушен обедом, потом они возьмут в аренду машину и отправятся на экскурсию в мангровые рощи, а ближе к вечеру навесят знаменитую Девственницу долины.

Над стойкой бара установлен огромный плазменный экран, не смотреть на него невозможно. Бармен полностью поглощен происходящим на экране. Гэвин тоже начинает присматриваться — показывают сцены хаоса и разрушения, людей, копошащихся среди полуразвалившихся стен. А затем на экране появляется сеньор Уго Рафаэль Чавес Фриас, президент Венесуэлы. Одетый в армейскую форму цвета хаки, он проходит в самый центр лагеря беженцев — крепко сбитый, как настоящий латиноамериканец, невысокий, загорелый, на вид страшно крутой.

Гэвин раскрывает рот, прислушивается к голосу журналиста, стараясь разобрать испанские слова. Ух ты! Оказывается, в Венесуэле прошли наводнения, сильный дождь не перестает уже много недель. С горы сошел сель, снес целую деревню, тридцать человек погибли или пропали без вести. Сеньор Чавес обещал предоставить собственный дом в распоряжение оставшихся без крова людей как залог того, что он построит им новые жилища. Люди толпятся вокруг него, суют младенцев, просят поцеловать их. Взяв на руки темнокожего малыша, Чавес вдруг начинает напевать: «*Cumpleaños feliz, cumpleaños feliz!*» — «С днем рождения тебя!» Ему

подносят микрофон, он воркует в него, качая ребенка. Завораживающее зрелище, глаз не оторвать.

Гэвину неловко беспокоить бармена, и он покашливает, чтобы привлечь его внимание, спрашивает, говорит ли тот по-английски.

— Немного, — отвечает бармен.

— Что там происходит? — Гэвин кивает на экран.

— Дождь, плохо, — объясняет бармен. — Чавес обещал помочь, а вместо помощи поет песни. Я так боюсь за мою семью в Венесуэле.

— Да, ужасное положение. — Желудок Гэвина сжимается, ему жаль бармена, но обсуждать наводнение не хочется.

— Моя семья оказалась в западне, их деревня на склоне горы, по обе стороны — две реки, того и гляди разольются. Им оттуда не выбраться. У них нет ни воды, ни электричества, а теперь и телефон не работает. Мне так страшно за них.

— Мне очень жаль. — Гэвин с трудом выдавливает слова сочувствия.

Бармену на вид лет около двадцати пяти — красивая улыбка, длинные ресницы.

— Что будете пить? — спрашивает он.

— Две колы, пожалуйста.

— Простите, мы не подаем колу.

— О, почему?

— Это напиток империалистов.

— Да неужели? — У Гэвина невольно вырывается смешок.

— Кока-кола — это очень плохо. Американский, плохо! — поясняет бармен. — Как насчет пепси?

— Подождите, но ведь пепси тоже американский напиток.

— Не так плохо, как кола.

— Хорошо, два стакана пепси, пожалуйста.

— А поесть?

— Рыбу. Можно улов дня?

— Есть ваху.

— Прекрасно. Тогда ваху с жареным картофелем.

И еще бутылку воды. Можете дать мне миску для собаки?

Бармен кивает, записывает заказ, передает ему миску, достав ее откуда-то из-за спины, и снова поворачивается к экрану. Чавес что-то горячо вещает, грозя небесам кулаком. Люди вокруг кивают, слушают его, затаив дыхание. Гэвин передает Оушен стакан пепси, и девочка залпом осушает его наполовину, втягивая холодный напиток через соломинку.

— Папа, а кто это там, в телике?

— Фрэнк Синатра.

— А он кто?

— Певец. И еще коммунист. Не пей так много холодного пепси, товарищ.

— Товарищ? Это кто?

— Друг.

— Хороший друг?

— Да, типа того.

— А когда мы поедем посмотреть на Деву Марию?

За завтраком он рассказал ей о Девственнице долины, защитнице моряков.

— Скоро.

— А она тоже товарищ?

— Нет.

— А кто она тогда?

— Святая, мать Иисуса.

— Товарища Иисуса?

— Ну нет, Иисуса вряд ли можно назвать товарищем.

— А что такое девственница, папа?

— Потом объясню! — Он выразительно смотрит на нее, типа *отстань*, она закатывает глаза, но замолкает.

Он наливает собаке воды, откидывается на стуле. Его подташнивает, — почему он всегда чувствует себя виноватым, когда слышит о бедствиях других людей? Но ведь и в самом деле ужасно видеть, как твой дом вдруг начинает съезжать с горы вниз, прямо в мутный, бурлящий илистый поток! На память почему-то приходит Альфонс, — интересно, как чувствует себя человек, имеющий собственный бизнес.

* * *

По всему пляжу разбросаны павильоны, где можно купить отдельную экскурсию или тур на целый день, взять в аренду машину или мотоцикл. Около павильона с вывеской «Чудо-тур» стоит мужчина, такой колоритный, что они невольно тормозят рядом с ним.

— Хай! — окликает их мужчина, — Чем могу вам помочь? — При этом многообещающе усмехается, как будто желает разделить с ними какой-то секрет.

Мужчина одет в пеструю гавайскую рубашку, на нем зеркальные очки, волосы зализаны назад в причёске а-ля Элвис. Ему под шестьдесят, загорелый до черноты. Здоровенная бородавка у носа пляшет вверх-вниз, когда он говорит.

— Может быть, и можете, — задумчиво произносит Гэвин, плененный бородавкой.

— Хотите заказать экскурсию? Купить тур?

— Скорее, взять в аренду автомобиль.

— Может быть, хотите отправиться на джип-сафари?

— Нет.

— Уверены? Все любят джип-сафари, это очень весело, открытый джип, громкая музыка. Девочки.

— Я слишком стар для этого. К тому же со мной дочь и собака.

— Сколько здесь пробудете?

— Недолго.

— В каком отеле остановились?

— Мы приплыли на яхте.

— А! Тогда, может быть, хотите понырять? Есть прекрасный тур...

— Да зачем? Я могу нырять с борта яхты.

— А где пришвартовались?

— В заливе Мансанильо.

— Эээ, там? Будьте осторожны.

— Буду.

Затем, непонятно почему, Гэвин доверительно наклоняется к мужчине:

— Мы сбежали, понимаете? Приплыли сюда с Тринидада. Я бросил свою работу.

Гид поднимает на лоб очки и ухмыляется Гэвину с искренним восхищением и немного заговорщически, как жулик жулику. Его акцент и манеры напоминают то ли служителя казино из Лас-Вегаса, то ли сутенера из Каракаса.

— Ну, парень, ты даешь! Меня зовут Сонни. — Он протягивает руку. — И куда теперь двигаешься?

— На Бонэйр.

— А чего не на Лос-Рокес?

— А что нам делать на Лос-Рокесе?

— Там рай земной, брат! Реально! Обязательно съезди на Лос-Рокес — подумаешь о душе, сольешься с природой, понимаешь, о чем я?

— Думаю, да.

— А что с тобой случилось, брат? — Он улыбается Оушен, но та мрачно хмурится и смотрит в сторону.

Только Сюзи изображает в ответ улыбку, Сонни ей явно нравится.

— Да вот, решил уехать из города, чтобы, как ты говоришь, слиться с природой, что-то в этом роде.

— Милая у тебя девчушка.

— Спасибо.

— Послушай моего совета, брат, отправляйся на Лос-Рокес. Я феминист, понимаешь ли, верю в фемину, в бабскую сущность, короче, в Землю-мать. — Он сам хохочет над своей шуткой. — На Лос-Рокесе ты сможешь восполнить духовную энергию. Это красивейшие острова между Маргаритой и Бонэйром — целый архипелаг.

— Что, правда? — Гэвин краем уха слышал об этом уникальном крошечном мирке к северу от Каракаса. Вроде моряки когда-то упоминали острова... — О'кей, — кивает он, — может быть, зайдем и туда.

— Точно, брат, открой для себя новый мир, пока не поздно!

Телефон Сонни начинает наигрывать мелодию Бейонсе, а Гэвин со своими спутницами заходит в салон аренды автомобилей.

Они едут на машине на запад вдоль северного побережья Маргариты. Залив Рестинга — мили пустынного пляжа, прибрежная волна довольно высока. Они останавливаются, только когда достигают болот; пересаживаются на разноцветную деревянную лодочку, которая мчит их сквозь лабиринты мангровых рощ.

Все болото испещрено водными путями, протоками, проложенными среди корней мангровых деревьев, — они хорошо известны лодочникам; на извитых стволах красуются таблички, указывающие путь к «Тоннелю страсти», «Каналу поцелуев» и «Аллее нежной любви». Эти каналы явно предназначены для влюбленных, и в горле у него встает комок — приступ ностальгии по Клэр, его потерянной любви, его нежному другу. Хочется закричать во все горло: «У меня тоже есть жена!» — но он молчит.

Они проплывают мимо красных мангровых деревьев, любуются на синих крабов, важно вышагивающих боком на мелководье. Над их головами пролетают цапли и даже розовые ибисы. В Тринидаде тоже есть мангровые леса, но дома они редко выезжали на экскурсии. К чему? Их дом и так со всех сторон обступали зеленые холмы. Как получилось, что он не замечал красоту природы, которую видел каждый день? «Брат, открой для себя новый мир!» — сказал Сонни. И ведь он прав!

Они подъезжают к церкви, где хранится статуя Пресвятой Девы. Это даже не церковь, а мини-собор ванильно-сливочного цвета; острые готические

шпили готовы пронзить небо. Внутри расставлены скамьи для молящихся, высокие окна впускают свет, пахнет сандалом.

Оушен вдруг останавливается, затаив дыхание.

— Это она?

Перед ними, справа от алтаря, в стеклянной витрине стоит статуя женщины, закутанная в спадающие до пят белые одежды.

— Похоже, она.

Лицо Оушен загорается благоговейным восхищением. Она не сводит с витрины глаз, прижимает руки к груди, будто боится упасть в обморок.

Он присматривается к женщине за стеклом. Похожая на манекен гипсовая статуя напоминает огромную куклу Барби, одетую как невеста. Не потому ли дочь дрожит от восторга?

— Хочешь посмотреть поближе?

Оушен кивает. Они подходят к кукле в витрине.

— Только ничего не трогай, — предупреждает он.

Оушен очарована, и ему досадно это видеть. На голове Девы Марии красуется приплюснутая корона, ее бледное лицо с голубыми глазами хранит серьезное, даже грустное выражение, руки сложены то ли в молитве, то ли в индийском приветствии «намасте». Так вот какая она, Девственница этой долины, покровительница моряков!

— Она живая? — шепотом спрашивает Оушен.

— Ты что, конечно нет!

— Ты уверен?

— Мартышка, это же статуя... Короче, нет, она не живая.

— Она такая красивая!

— Да.

Сюзи зевает от скуки, того и гляди напрудит лужу прямо посреди церкви. Он потуже натягивает поводок, гладит собаку по боку.

— Сидеть, — командует он.

— Пап, подними меня!

Гэвин сажает дочь на бедро, чтобы ей было легче рассмотреть лицо Девы Марии, матери Иисуса Христа.

Оушен приближает лицо к стеклу, не мигая, смотрит статуе в глаза, сует большой палец в рот. Может быть, он должен что-то объяснить дочке? Но Оушен больше не задает пугающих вопросов о девственности, просто долго, печально смотрит на хорошенькую молодую мать, запертую в стеклянном гробу.

Они проходят в следующий зал — то ли музей, то ли место поклонения. В плоских витринах выставлены золотые предметы, которые, по легендам, моряки дарили Деве в благодарность за совершенные чудеса. Здесь же приводится описание чудес: например, один моряк неудачно нырнул за жемчугом и лишился ноги, но после того, как его жена помолилась Деве, он совершенно выздоровел и пообещал следующую жемчужину отдать в дар Святой. И представьте себе: в первой же раковине он нашел жемчужину в форме ноги! С тех пор паломники приезжают сюда, чтобы поклониться Деве и оставить ей в дар какой-нибудь золотой предмет в благодарность за ее чудеса.

В витринах выставлены сотни мелких безделушек: машинки, кошки, собаки, солдатики, лодки, сердца, ноги, головы. Оушен останавливается около витрины с золотыми домиками.

— Папа, давай мы ей тоже что-нибудь оставим.

— Зачем?

— Ну, она же вернула нам дом, правда?

— Ну вообще-то...

— Может быть, купим ей домик, чтобы она не обиделась?

— Давай лучше не будем.

Лицо девочки мрачнеет, но он старается не замечать ее обиды. В соседнем зале, в сувенирном магазине, продаются со скидкой золотые домики — девять карат, по пятнадцать боливаров за штуку. Дочь стоически молчит, отворачивается, ее глаза стали чужими, будто стеклянными, и в конце концов Гэвин не выдерживает и, купив золотой домик для Мадонны, отдает Оушен, которая торжественно выкладывает его на витрину рядом с другими.

* * *

В пять вечера они возвращают арендованную машину и идут пешком к «яблочному» заливу. И тут вдруг до него доходит, что они так и не прошли пограничный контроль. Это плохо — надо не забыть завтра утром непременно зарегистрироваться на территории Венесуэлы.

Шлюпка спокойно покачивается на привязи у пристани, — неужели это Дева Мария так хорошо охраняет их собственность? Он отстегивает карабин собачьего поводка, Сюзи засовывает голову ему под мышку, что-то бормочет. Он гладит ее по длинной морде, а она тычется мокрым холодным носом ему в руку, довольно фыркая. Они подгребают к яхте — закатное небо начинает

потихоньку розоветь, дождя вроде не предвидится. Хороший день они провели на Маргарите, теперь можно и отдохнуть. Только завтра перед отходом надо еще раз проверить двигатель «Романи».

Вдруг сердце его замирает — у кормы яхты привязана пирога.

— Ах ты черт!

В два гребка он преодолевает оставшееся расстояние, шлюпка мягко ударяется о корму. Он обвязывает веревку вокруг кляммера, осматривает пустую пирогу — та изрядно потрепана, краска на корпусе облезла, вся в рубцах и трещинах. Гэвин поворачивается к Оушен, прикладывает к губам палец, жестом велит сидеть тихо и не двигаться с места. Девочка молча кивает.

Схватив Сюзи поперек брюха, Гэвин поднимает ее и ставит на корму, привязав поводок к ограждению. Кормовая лестница лежит там, где он ее оставил, — стараясь не шуметь, он закрепляет лестницу и влезает на палубу. Отвязывает собаку, останавливается возле кокпита, стараясь унять стучащую в ушах кровь. Люк в кают-компанию открыт, замок сбит, внутри видны очертания мужской фигуры. Вор то ли не слышит его, то ли ему дела нет. Но собака сразу ошетинивается, и Гэвин покрепче сжимает в руке ошейник.

— Эй ты, там! — кричит он.

Широко расставив ноги, Гэвин стоит в кокпите в нескольких шагах от люка. Он готов дать вору возможность уйти без драки.

Но мужчина никак не реагирует на крик.

— Я что тебе сказал! Вали отсюда, понял?! — снова кричит Гэвин.

Сюзи начинает рычать.

Мужчина оборачивается, подходит и останавливается под люком. Он молодой, с выгоревшими дредами на голове, одет только в красные шорты «Адидас», из-за пояса торчит здоровенный нож. Он спокойно, равнодушно осматривает Гэвина, переводит взгляд на собаку, — похоже совсем ее не боится. А зря, Сюзи хоть и в возрасте, но челюсти у нее стальные — кого хочешь порвет на части.

— Какого хрена ты делаешь на моей яхте?! — Гэвин выплевывает слова с агрессией, удивляющей его самого.

Мужчина, не двигаясь, молча смотрит на него. Тут Гэвин замечает, что один глаз у вора — мутный, незрячий, сплошное темное пятно. Этот пират, *бадджон*, вор, к тому же еще и одноглазый!

— Убирайся отсюда, сука-блин! — свирепеет Гэвин.

Мужчина поднимается на палубу, быстро сует руку за пояс, чтобы достать нож, и тут Гэвин отпускает Сюзи. В одну секунду собака превращается в яростно рычащий белый комок — только сверкают оскаленные зубы. *Бадджон* вскрикивает от боли, когда она вцепляется ему в руку выше локтя, нож со стуком падает на палубу.

Вор что-то кричит по-испански, трясет руками, пытаясь сбросить Сюзи, но она все крепче сжимает челюсти, — пока она не перекусит руку, оторвать ее невозможно. Сюзи весит килограммов двадцать, это много, ведь она свисает с руки мертвым грузом, но вор начинает колошматить

собаку о раму люка, чтобы заставить разжать челюсти.

— Не смей ее бить, сволочь! — орет Гэвин.

Молодой человек жилистый, сильный, не боится собаки, и, наблюдая, как он отбивается от Сюзи, Гэвин понимает, со смесью отчаяния и страха за их с дочерью жизни, что отделаться от него будет нелегко. Этот человек — реальный пират, он пришел забрать то, что ему понравится. Пока идет честный бой — один на один — *бадджон* против злой собаки. И вместо того чтобы отозвать собаку, Гэвин приказывает ей драться до конца.

— Фас, девочка! — командует он, и рычание Сюзи становится еще страшнее.

Ее морда перепачкана кровью, она напоминает акулу — белая шерсть покрыта розовой пеной, она вот-вот откусит вору руку, если тот не прекратит сопротивление.

Пират выкрикивает испанские ругательства, бьет собаку свободной рукой, потом наклоняется, хватая нож, замахивается на Сюзи... Гэвин не выдерживает и тоже вступает в бой — всем своим весом наваливается на пирата, заламывает руку с ножом назад, отбрасывает нож в сторону. Теперь на одного *бадджона* их уже двое — бешеный пес и не менее бешеный толстяк.

В Гэвине просыпается жажда крови, он готов убить мерзкого пирата, и все же дает Сюзи команду разжать челюсти. Она подчиняется, садится, тяжело дыша, не спуская глаз со своей жертвы, готовая в любой момент броситься снова. Рука *бадджона* сильно порвана — Гэвин отпускает

его, и пират, морщась от боли, отступает, зажимая рану рукой.

— Черт возьми, сучонок, ты уберешься с моей яхты или нет?! — рычит Гэвин.

Но пират, похоже, не понимает по-английски, он не двигается с места, устремляя на Гэвина злобный взгляд единственного глаза. Почему он смотрит на него как на идиота, причем идиота неопасного?

Да что же это происходит, господи! Гэвин пытается сообразить, как лучше поступить: противник вдвое моложе его, вдвое сильнее. Размахнувшись, он изо всей силы бьет мужчину в лицо — шмяк! — и как будто попал рукой по стене: костяшки ноют от удара. Но пират и с места не сдвинулся, даже не закрывается, стоит и моргает, как ошеломленный. Он же абориген, они все отлиты из нефти и рома, чтобы сбить такого с ног, требуется немало силы.

Лицо *бадджона* искривляется в гримасе ненависти, и Гэвин бьет снова. Хрясь! Этим ударом он рассекает верхнюю губу пирата, и только тогда тот признает свое поражение.

— *Coño de tu madre!* — с ненавистью хрипит он, со звериной грацией перепрыгивает через поручни и падает в свою пирогу.

Сюзи рычит, лает, а Гэвин сверху следит, как *бадджон* возится с зажиганием, в конце концов одной рукой заводит мотор и уносится в сторону следующего залива. По его виду совершенно ясно, что ему нисколько не страшно и не стыдно — он один из тех гребаных пиратов, о которых ходит столько страшных историй.

Оушен все это время терпеливо сидела в шлюпке — все слышала, хотя и не видела сражения. Потирая кулак, Гэвин наклоняется к дочке и замирает, натолкнувшись на ее взгляд — растерянный, непонимающий взгляд обиженного ребенка.

Он обнимает девочку, вдыхает запах ее волос, шепчет на ухо:

— Ничего, русалочка, ничего... Просто этот человек случайно забрел не на ту яхту.

Глава 5

И РЫБЫ УМЕЮТ ЛЕТАТЬ

Море спокойное, но в голове у Гэвина мысли гудят и роятся, как пчелы, их не удержать. Все время приходит на ум тот поющий коммунист, сеньор Чавес. Диктатор Чавес занимает его мысли с самого утра. И все эти люди в телевизоре, их дома, погребенные в бурой холодной трясине. *По всей Венесуэле идут дожди.* А как Чавес успокаивал жителей — так отец мог бы успокаивать своих детишек... Образ отца-руководителя страны вообще популярен в Карибском регионе. Так он хороший человек или нет, этот Уго Чавес? На вид не определишь, как не определишь характер Сонни из «Чудо-тура».

Чавес родился в бедной семье, сам себя образовал, выучился на идеях ультралевой революционной политики, ненавидит Джорджа Буша-младшего. Чавес открыто выступает против республиканской Америки, обличает все, что связано с капитализмом. Кстати, он сумел организовать в Венесуэле систему рабочих кооперативов, сделал медицину бесплатной для всех. Однажды, когда корреспондент сунул Чавесу в лицо микрофон, тот спросил, на кого он работает. «На “Фокс-ньюз”», — ответил корреспондент. «А, на этих

идиотов из “Фокс”!» — рассмеялся ему в лицо Чавес. В то время и Гэвину это показалось смешным. Чавес мог переговорить кого угодно — даже знаменитого Стивена Сакура, ведущего жесткой программы «ХАРДток» на Би-би-си — в основном потому, что прекрасно знал политическую историю как Северной, так и Южной Америки.

Вот сейчас в Венесуэле тридцать один человек погиб, и Чавес примчался утешать их родственников, друзей... А когда год назад в Тринидаде наводнение разрушило *его* дом, вместе с ним пострадали тысячи других, но об этом не передавали в новостях на Би-би-си — Северу глубоко плевать на страдания жителей Юга. А вот Чавесу не наплевать — он всю жизнь положил, чтобы поднять благосостояние граждан Венесуэлы, но при этом не терпит оппозиции, заставляет умолкнуть критические голоса. Ну и за кого болеть, кем восхищаться? Кто прав, а кто нет? Кто хороший, кто плохой — никогда не поймешь, да и важно ли это?

Рука пульсирует от боли — костяшки распухли, стали багрово-синими, все в кровоточащих ссадинах. Гэвин замотал руку бинтом, надел сверху перчатку. Не стоит Оушен на это смотреть — да и отмывать от крови собаку на ее глазах не стоило, а что поделаешь? Впрочем, девочка не задала ни одного вопроса, только прижала к себе пушистого синего Гровера, завернулась в спальник и сразу же заснула.

Стемнело, и он снова заволновался — а вдруг на борт пожалует еще один незванный гость? Наверное, стоит сняться с якоря прямо сейчас... К горлу подступает паника, как тогда, в Тринидаде.

Ха, а классно он взял да и ушел от всех — как просто оказалось исчезнуть, раствориться в пространстве океана. Исчезнуть... Но ведь она исчезла первой, его жена. Да, он знает, побег — проявление трусости и эгоизма, но иногда, чтобы выжить, приходится на время спрятаться.

* * *

Ночь на вахте. На ужин — пригоршня турецкого гороха в карамели, несколько чашек черного кофе, чтобы не дать себе заснуть. Но глаза все равно слипаются, огромное море давит на них мягкой черной массой. Как приятно было бы заснуть на пуховой перине песчаного дна, окунуться в любовные объятия. «Прыгай же, милый мой! — шепчет волна. — И ты наконец-то обрешь покой. Прыгай, освободись от земной оболочки, возляг со мной». Как он любил море в юности, любил как первую женщину. Из-за него он так долго и не женился. Зачем нужна женская любовь, когда у него есть эта бескрайняя сине-зеленая даль?

И море любило его, далеко не отпускало, предлагая все, чего душа пожелает, — приключения, сюрпризы, подарки. Его тело и сейчас покрыто множеством мелких шрамов — сувениры любовных утех юности. Вот здесь сиреневая физалия обвилась ядовитым щупальцем вокруг ноги, а этот шрам подарила королевская макрель, проткнув руку острым плавником. На груди — целая россыпь рубцов от поцелуя огненного коралла, а кривой большой палец — память об острых зубах гигантского тарпона.

Изгибы волн становятся все изысканней, море тихонько стонет в любовном наслаждении. Да, так просто было бы закрыть глаза и рухнуть в глубину, забыться вечным сном... Господи, как же хочется спать, но сейчас нельзя! Яхта — их единственное надежное убежище, материнская утроба, где спят его ребенок и собака, окруженные околплодными водами. Здесь они в безопасности, отчего же сердце все равно трепещет от волнения и страха? В этой черной воде их подстерегает столько ужасных созданий, да и ветер может в любой момент перемениться и, как коршун, налететь на их кораблик.

Интересно, что все-таки случилось с прежним владельцем «Романи»? Неужели он тоже наслушался морских колыбельных? Или яхта качнулась, или он просто перевалился за борт в зовущую глубину, ведь море все поглотит, все заберет, что ему ни предложи. Значит, он умер в объятиях возлюбленной своей, счастливым, так? Или, как и Гэвину, ему было от чего бежать? Может, он специально купил «Романи», чтобы именно здесь, на Карибах, свести счеты с жизнью? Точно, наверняка так и было, он потерял себя, запутался. «Я уйду... это благодать...» Как ушел Дональд Кроухёрст³, — люди до сих пор гадают о его судьбе... Поскользнулся? Заснул? Прыгнул за борт по доброй воле? Где он, призрак погибшего шкипера, может быть, так и стоит на носу по левому борту?

---

³ Английский предприниматель, яхтсмен и авантюрист, в 1969 году пропавший без вести в Атлантическом океане во время регаты Sunday Times Golden Globe Race.

Утром над морем встает ослепительно-желтое солнце, жжет им спины, парит над горизонтом как огромный глаз. Просыпается Оушен, приходит и садится рядом с ним в кокпите, смотрит на солнце через свои зеркальные очки.

— Ты как? — спрашивает он.

Она задумчиво кивает, видно, долго о чем-то размышляла. Не о пирате ли?

— Тот человек, — говорит она наконец.

— Да?

— Он ведь нам не товарищ?

— О нет!

— А кто он, папа?

— Пират.

— Как капитан Ахав?

— Нет, Ахав охотился на китов, а этот ворует чужие вещи.

— У этого плохого человека тоже не было ноги?

— У него не было одного глаза.

Оушен морщит носик, закрывает один глаз.

— А правда, что пираты иногда берут с собой попугаев?

— Да, или обезьянок.

Она смеется.

— Пираты никогда не будут нам друзьями, — говорит он.

Оушен кивает.

— А Сюзи нас защитит, да?

— Точно.

— Она откусит пирату ногу или руку, как белый кит.

— Возможно, и откусит.

— Папа, — Оушен смотрит в синюю ширь, — а мы ведь не умрем?

— С чего бы это? Нет, с нами все будет хорошо.

— Здесь так странно.

— Я знаю.

— Почему земля синяя, папа? Все вокруг синее.

— Не волнуйся, завтра дойдем до островов, и ты снова увидишь зеленые деревья.

Оушен осторожно кивает. Она до сих пор не решила, как ей реагировать на собственное похищение.

— Есть хочешь?

— Да.

— Тогда оставайся здесь и следи за морем, если появится пиратский корабль, позови меня. А я займусь завтраком.

Она кладет крошечную ладошку на румпель — он поставлен в режим автопилота — и сидит неподвижно, напоминая в своих зеркальных очках маленького слепого нищего.

— Ты что-нибудь видишь сквозь эти очки? — спрашивает он.

Дочь кивает. За пару дней она изменилась — загорела, обветрилась, льняные волосы выбились из хвостика, вьются вокруг лба.

В кают-компании он ставит на плитку чайник. В салоне пахнет собакой, простыни и спальные покрыты белой шерстью, на полу валяется одежда. Сюзи смотрит на него с лежанки, дружелюбно скалясь.

— Доброе утро, — говорит он ей.

Она зевает, бьет хвостом. Инцидент с пиратом давно забыт.

Раскачиваясь вместе с яхтой, он жарит яичницу, готовит тосты, достает из холодильника ветчину. В салоне душно, тем более при включенной плитке, с него градом стекает пот.

— Эй, на палубе! Дельфины не проплывали?! — кричит он Оушен.

Гэвин ставит на пол для Сюзи одну миску с водой, другую — с собачьими консервами. Собака радостно спрыгивает с лежанки и с жадностью набрасывается на еду.

Они с дочкой завтракают в кокпите, расставив тарелки на скамье. Не завтрак, а настоящий пир: апельсиновый сок, ветчина, яичница на тостах, чай. Мимо них, подобно серебряным пулям, на верхушках волн несутся летучие рыбы.

— Папа, папа, смотри! — кричит Оушен.

Рыбы пролетают мимо, сначала по две-три, а затем — целый косяк, словно невидимый лучник выпустил со дна моря в небо все стрелы из своего колчана. Сорок, а то и больше рыб-стрел взмывают над морем, аркой пролетают над палубой, две рыбы приземляются прямо у их ног. Шмяк! Они бьются о палубу, трепещут плавниками. Оушен визжит, Сюзи лает.

— Спокойно, — командует Гэвин. — Без паники.

Он ставит свою тарелку, поднимается, осторожно берет маленькую рыбку в руки, расправляет на ладони. Она напоминает серебряного ангела: марлевые крылья распахнуты веером, жабры пульсируют, — как игрушка, только что снятая с рождественской елки. Он подхватывает вторую рыбку, несет показать Оушен.

— Хочешь потрогать?

Оушен нерешительно подносит палец, проводит по рыбьей чешуе, сразу же отдергивает руку. Сюзи тоже любопытно — он разрешает ей понюхать рыбок.

— Видишь, и рыбы умеют летать, посмотри, какие у них крылья.

Оушен кивает.

— Папа, а разве это не глупо? Давать рыбам крылья?

— Это природа, черепашка моя, мы ей не указ. Она создает птиц без крыльев или зверей, которые могут жить и на земле, и под водой. На свете столько странных тварей водится, некоторые нам вообще кажутся совершенно неестественными.

— Как белый кит?

— Хотя бы.

Сюзи подвывает, похоже, ей жалко рыбок, оказавшихся в такой стрессовой ситуации.

— Хорошо, хорошо, не волнуйся, — говорит он собаке и бросает рыб за борт.

Они продолжают завтракать, а вокруг блестит и переливается море, обгоняя яхту, несутся безумные рыбы, а на востоке огромной золотой звездой встает солнце.

Они молча жуют, им некуда торопиться, съедают все яйца, потом всю ветчину. Наевшись, Гэвин чувствует, как к нему возвращаются силы, иссякшие после спешного отхода с Маргариты. Настроение улучшается. «Романи» идет полным ходом, узлов шесть делает точно, попутный ветер раздувает паруса. Его тело вспомнило, как управлять яхтой, и сейчас он гораздо уверенней чувствует себя

в роли шкипера. Вокруг ни единой живой души — все Карибское море в их распоряжении.

— Оушен, от тебя плохо пахнет, — говорит он, когда завтрак окончен. — Пора принять душ.

— Нееет, не надо! — кричит она.

— Надо.

Он приносит две большие бутылки пресной воды, мыло, шампунь. Они оба очень грязные, который день ходят в одной и той же одежде. Он пристегивает дочь страховочным тросом к лееру, ставит около борта, льет ей на голову воду. Она послушно закрывает глаза, и его пронзает волна нежности: его маленькая девочка полностью доверяет ему. Он выливает немного шампуня на ладонь, намыливает ей волосы, потом тело, взбивает пену, пока она не становится похожей на пуделя.

— Закрой глаза. — И он снова льет на нее воду, смывая мыло и грязь за борт.

Облив дочь еще раз водой на всякий случай, он заворачивает ее в полотенце, сажает на скамейку. Да, она стала гораздо чище.

У Сюзи несчастный вид, но он берет ее за ошейник, тянет на корму. Он выдрессировал собаку так, что она никогда не гадит без разрешения, только в экстренных случаях, и сперва всегда сообщает ему о своей нужде.

Они проделывали это десятки раз: Сюзи приседает, выдавливая на палубу аккуратную кучку коричневых какашек. Между ними проскакивает искра смущенного понимания: Сюзи разрешает ему смотреть, хотя на самом деле воспитанной немолодой «женщине» не нравится делать свои дела

в присутствии посторонних. Он собирает какашки с палубы обрывком газеты, выбрасывает за борт.

— Прости. — Усмехнувшись, он нежно гладит ее по морде. — Хорошо сработала, старушка!

Затем он сам принимает душ, скребет за ушами истово, как будто душу отмывает. Находит свежую футболку в вещмешке, к которому еще не прикасался, втирает лечебную мазь в саднящие руки, просит у Господа чудесного исцеления. Наводнение как будто запустило в его теле неправильную, вредную программу саморазрушения — он ведь тоже был в полном шоке, когда увидел огромную коричневую волну, надвигающуюся на их дом. Теперь мозги не желают переставляться обратно, и кожа сходит с рук слой за слоем, как во время линьки.

Чистые, накормленные, они снова собираются в кокпите. Ветер попутный, море спокойное. Черный нос Сюзи блестит, она жадно вдыхает соленый воздух, а Оушен взирает на горизонт сквозь очки с благоволением все на свете повидавшего мага.

* * *

Утро проходит тихо и спокойно. Ветер стих, он расправляет рифы на гроте — хорошо бы штиль не наступил — негоже хлопать парусами на открытой воде. Снова приплыла небольшая стайка дельфинов — они играют в догонялки у носа яхты, подныривают с одной стороны, высовывают головы с другой, кружат вокруг, смеются. От их вида Оушен замирает как при встрече с Девой Марией. Он и сам готов часами наблюдать

за дельфинами — эти создания излучают умиротворение, придают уверенности, будто обещают, что все будет хорошо. Линии их гибких тел, их гладкая кожа напоминают тела юных обнаженных дев.

Он бросает за борт ведро на веревке, ждет, когда оно наполнится водой. Даже этот простой жест сопряжен с риском — он ведь мог поскользнуться и отправиться в море вслед за ведром. Но он не падает, его тело само регулирует равновесие, само знает, как вести себя на палубе. Он здоров и тяжел, как бык, хотя внутри уже вернулся в шкуру молодого человека, много раз управлявшего «Романи» в одиночку.

Вымыв с помощью Оушен в кокпите посуду в ведре, Гэвин заполняет судовой журнал, аккуратно внося ряды чисел, чтобы отметить продвижение яхты. В колонке «замечания» записывает отрывок стихотворения, который вертится в голове:

*Так лучше уж не верить ни во что,
Кроме нас самих, чтобы на помощь
Явились нам чудесные создания.⁴*

Вот так и он ни в чем не уверен сейчас. И ему хочется, чтобы кто-то указал путь. Чтобы кто-то помог... Он смог уйти в единственное известное ему место силы — в море, но навечно поселиться здесь невозможно. Вчера они проходили мимо острова Ла-Бланкилья, пучка зеленой растительности на фоне черных вод. Сегодня утром море совершенно гладкое, хотя вдаль он замечает

---

⁴ Цитата из «Нулевого цикла» Руми, выдающегося персидского поэта-суфия XIII века.

падающие из низких серых туч рваные полосы дождя. Ох, только дождя им и не хватало! Слава богу, GPS работает нормально. Оушен и собака больше не страдают от морской болезни, правда, и тут ситуация может поменяться в любую минуту.

Они идут к архипелагу Лос-Рокес, о котором он практически ничего не знал раньше. Эти скальные острова уже близко, а в душе царят спокойствие и мир: ведь в море нет ни офиса, ни розового дома, только рыбы с серебряными крыльями, чудесные, волшебные существа.

Но после обеда в небе собираются тучи, и вскоре маленькая лодка снова барахтается в мокрой пелене. Ветер крепчает, холодный дождь барабанит по палубе. Оушен смотрит вверх, но не реагирует, и он бежит в салон за непромокаемой одеждой, упаковывает ее в куртку, пристегивает к лееру.

Море покрылось неприятной рябью, хотя — слава богу! — пока на нем нет таких сумасшедших волн, как около Уст Дракона. Он берет риф на гроте, дождь уже окружил их со всех сторон, вода посерела. Ветер попутный, восемнадцать-двадцать узлов, и «Романи» энергично двигается вперед. Собака залегла в кокпите, спасаясь от непогоды, а у Оушен начинается привычная истерика. Синий капюшон куртки падает ей на глаза, она горько рыдает, но Гэвин спокойно взирает на дочь, давая ей прокричаться: ее крики больше не рвут его сердце на части. Яхта быстро и уверенно идет вперед, ей помогают и ветер, и море, которое спокойно дышит, мерно качаясь то вверх, то вниз. Дождь хлещет их по головам.

Сейчас самое время поплакать.

— Мамочка, где ты?! — рыдает Оушен. — Я хочу к тебе, мамочка!

А он остается спокойным, почему-то зная, что с девочкой все будет хорошо и что сейчас они двигаются как раз навстречу жене, а не прочь от нее. Мысленным взором он четко видит их троих в будущем. И он дает Оушен опустошить легкие и облегчить сердце.

— Слушай, ду-ду, — говорит он спокойно, — мы обязательно найдем маму. Не бойся, дочка, это обычный шквал налетел, до урагана далеко.

Но она не слышит его, рыдает так, что изо рта бегут слюни. Надо же, девчонка целый год прожила без матери, а все не может успокоиться!

«Романи» в море остойчива, как боевой корабль, крепка, как сталь. Она раздвигает носом волны и все же реагирует на малейшие колебания ветра, машет парусом как крылом. Кто так удачно сконструировал эту лодку? Наверняка старый моряк с огромным опытом морской жизни за плечами. И теперь старая мудрая яхта гарцует на волнах, переваливаясь с гребня на гребень грациозно и уверенно. Она играет с морем по собственным правилам.

Один шквал налетает и уносится прочь, минутное затишье — и на них обрушивается новый. Но вот и он улетел, море вновь успокоилось, появившееся из-за туч солнце быстро высушило мокрую одежду. Гэвин надевает шляпу — в ней он чувствует себя прямо как в тени пальмового дерева. Он улыбается, глядя на Оушен, — дочка заснула в кокпите, щечки покраснелись от плача. Он прикрывает ей лицо от солнца, а Сюзи

забирается на скамейку рядом с девочкой, и они дремлют вместе под тенью грота.

— Что же, — говорит он морю, — я рад, что тебе снова хорошо.

Море сейчас — голубая пустыня, ветер почти совсем стих. Вот это внушает опасения. Гладкое море обещает мертвый штиль. GPS показывает, что они приближаются к острову Орчила, известному своим розовым песком; он находится под протекторатом Венесуэлы.

На острове расположена военная база, которую имеют право посещать только сеньор Чавес и небольшая группа высокопоставленных военных. А он и так уже нарушил пограничный контроль: не зарегистрировавшись, сбежал с Маргариты. Наверное, многие проходящие транзитом моряки нарушают правила. Уж на Гренадинах тринидадские суда точно не заморачиваются с таможней, просто переплывают с одного острова на другой. Да и фиг с ней, с регистрацией, думает он, не будем заходить на Орчилу, пройдем мимо.

С левой стороны по носу появляется танкер, идет им навстречу. Крачка пикирует за рыбой. У правого борта он замечает большой пакет. Тот завернут в белый полиэтилен, крепко перевязан бечевкой и плещется на поверхности, зацепившись за крону дрейфующего мимо дерева. Пакет подплывает ближе — он выглядит довольно подозрительно, так, будто в нем спрятан кокаин. А что, если там действительно кокаин? Кто-нибудь мог уронить его в воду с одной из пирог... Это настолько противозаконно, что Гэвин даже усмехается при мысли, что пакет можно достать, ведь грамм кокаина стоит

около двухсот долларов США. Гэвин внимательно смотрит на дерево, отталкивает палкой ветки, чтобы они случайно не зацепились за руль.

Пакет уже совсем близко — до него можно дотянуться рукой.

Вдруг он вскакивает, хватается лодочный багор, зацепляет пакет, дергает — тот съезжает с кроны вместе с несколькими ветками. Гэвин тащит его вверх, отмахивается от веток, швыряет на палубу.

— Господи Иисусе! — шепчет он.

Разбуженная шумом Оушен протирает глаза, смотрит на пакет с интересом.

— Папа, что это?

Сюзи лает.

— Не знаю, — отвечает он.

Пакет пухлый, будто в нем одежда.

Сюзи издает носом свистящий звук.

В кают-компании Гэвин находит швейцарский нож, раскрывает самое крепкое лезвие.

— Давай-ка посмотрим, что там, — говорит он Оушен, разрезая веревки, и делает прорезь в наружном пакете.

Под верхним слоем — еще одна оболочка, из более тонкого черного пластика. Он нетерпеливо режет и ее и обнаруживает что-то, завернутое в сырую газету. Еще один разрез — и они видят серебряную фольгу. Гэвин ковыряет фольгу острием ножа, делает дырку — оттуда высыпается белый порошок. Ахххх, неужели...

— Боже мой, — шепчет он.

Сердце тяжело ударяется в ребра.

— Папа, что это такое?

— Белая пудра, детка. Как у мамы. Тальк.

— Так много талька?

— Да.

— И тальк плавал в море?

Он один только раз нюхнул кокаину, еще будучи студентом, в Канаде. Это было на вечеринке — соседи по комнате провели снежные «дорожки» на кухонном столе, спросили, не хочет ли он попробовать. Он вдохнул белый порошок через свернутую десятидолларовую купюру, а через пару минут уже оживленно жестикулировал и болтал — вкручивал что-то белокурой девушке, которая тоже была под кайфом. Член его съезжился, кислотный вкус растекался по глотке. Это было двадцать пять лет назад.

— Да, ду-ду.

Он облизывает указательный палец, засовывает в пакет, подносит к губам.

Оушен смотрит на него не мигая.

Гэвин высовывает язык, пробует порошок на вкус. Горько, и язык сразу немеет. Такой сильный, горький, химический вкус.

— Господи, помоги мне... — бормочет он.

Несколько килограммов кокаина — как он и ожидал. Миллион долларов США на его яхте, это как минимум. Он снова окунает палец в кокаин, снова пробует. Пресвятая Дева Мария, помоги мне, защити! Настоящий кокаин, чистейший, вреднейший, белейший — возможно, прямо из Колумбии.

— Нет, — говорит он, глядя на дочь и не зная, что делать, но Оушен уже тянет маленькую ручку, окунает крошечный пальчик в белую массу. — Нет же! — кричит он, хватая ее за руку.

Шлепает по кисти, вытирает с пальца кокаин.

— Оушен, не смей даже думать брать в рот эту гадость, поняла?

Ее глаза немедленно наливаются слезами.

— Почему?

— Потому что нельзя. Это очень опасно.

Оушен раздражается обиженным плачем.

Сзади неслышно подходит Сюзи и, прежде чем он успевает что-то сообразить, сует мокрый нос в пакет, оглушительно чихает, так что белый порошок, подобно морским брызгам, разлетается во все стороны.

— Нельзя! — снова кричит он.

Сюзи лает, счастливая, ее нос выпачкан в белом.

— Не смей! — повторяет он.

Но собака не слушает его, снова ныряет головой в пакет и погружает длинную морду в уже проделанную в порошке ямку.

— Вот дура, убирайся отсюда! — Он отталкивает собаку, хватается за пакет, поднимает над головой. Пакет тяжелый, хватит, чтобы построить новую жизнь, купить новую яхту, возможно, даже частный вертолет приобрести. — Вы поняли меня? Не смейте приближаться к этому пакету! Вам обеим ясно?

Сюзи лает, потом тяжело опускается на палубу, трясет головой, трет лапами нос, фыркает.

Глаза Оушен — огромные, синие, потерянные. В ее груди бушуют эмоции, готовые выплеснуться через край. Она начинает снова рыдать с силой, какой он не слышал с тех пор, как они покинули Тринидад.

— Слезами тут не поможешь, — произносит он рассеянно, прижимая к груди находку.

Что он может с ней сделать? Кому продать? Сбыть в ближайшем порту? А вдруг поблизости шныряют пираты, ищут свое пропавшее сокровище? Может быть, ему заплатят, если он вернет им кокаин? Или коррумпированные копы возьмут его в долю? В голове проносятся тысячи возможностей, он не исключает и пули в голову или смерти от вспоротого живота, уж наверняка торгующие наркотой пираты на порядок хуже того, на Маргарите... Готов ли он оставить дочь сиротой? Нет, он должен срочно избавиться от этого пакета, нечего наркотикам делать на его яхте.

Встав на корме, он кладет пакет на перила, разрывает аккуратно упакованную фольгу и молча возносит молитву Господу, прося прощения за смерть всех рыбок, которые случайно окажутся поблизости. Затем высыпает порошок в море.

— Простите меня, рыбки, — говорит он. — Простите, рыбки.

Кокаин сыплется в море, расходится по воде белыми кругами, исчезает в соленом океане.

Он поворачивается к своим спутникам. Оушен еще в слезах, очень сердита — почему он сам попробовал порошок, а ей не разрешил?

Сюзи чихает, кашляет и мотает головой.

* * *

«Романи» уверенно двигается на запад, а Гэвин сидит в кокпите, потрясенный случившимся. Почему с ним происходят такие странные вещи? Что он делает не так? Он что, полный идиот, раз

выбросил пакет? И тут же панический страх сжимает кишки: зачем он вообще выудил из моря этот чертов пакет? Он их всех поставил под угрозу! Так опасно пребывать в дурацких фантазиях: все эти мечты, рай земной, поиски собственной души — что за чушь! Не надо было вообще уезжать из дома. В следующем порту они сдадут яхту в багаж и улетят домой на самолете. Чего его понесло в открытое море? Сначала пират, *бадджон*, теперь кокаин, что дальше? Он чувствует внизу живота ледяной холод, ему хочется зарыдать от собственной глупости.

Ладно, без паники. Меняем тактику поведения: никаких приключений на свою задницу, все по правилам. В каждом порту — в первую очередь бежим к стойке иммиграции, швартуемся с осторожностью, выбираем населенные места, и только в маринах, рядом с другими яхтами. И больше не вылавливать никаких подозрительных пакетов!

Вдалеке по левому борту виден остров Орчила. Он представляет себе, как Уго Чавес стоит на берегу, высматривая потерянный кокаин. «Ну и недоумок ты все-таки», — говорит себе Гэвин и внезапно понимает, что ему просто необходимо позвонить домой. Может быть, разрешить себе один звонок, когда они придут на Лос-Рокес?

Нет, нельзя. Он вытерпит, дождется, пока что-то изменится, ведь именно ради этого и сбежал. Он больше не мог там оставаться, просто не мог. И больше не хочет быть толстым недоумком средних лет, и не будет. И с ума не сойдет,

не дождетесь! Он не из тех, кто начинает гонку, а потом сходит с дистанции, бросается в море, исчезает навсегда, как тот француз.

Ветер играет в волосах, карибское солнце греет лицо, и настроение поднимается. Сейчас он заварит себе крепкого кофе и молча, тихо посидит в кокпите.

Глава 6

СКАЛИСТЫЕ ОСТРОВА

С юга архипелаг Лос-Рокес окаймлен длинным узким атоллom, который на карте выглядит как кривая улыбка, с востока — неровный шрам барьерного рифа. Зайти в этот маленький мир можно только с востока через узкий пролив Бока-де-Себастопол. Внутри архипелага море татуировано отмелями, островками и рифами; острова Лос-Рокес находятся к северу от Каракаса, надежно спрятанные прямо в центре Карибского моря, — крошечная точка, песчинка на фоне огромного океана.

Гэвин спускает глот, заводит двигатель и потихоньку входит в устье сине-зеленого пролива, одетого в леопардово-крапчатое платье отмелей. Вода под яхтой корчится, извивается, кишит рыбой — у бортов двигаются длинные серебристые тени, а сверху кружит целая стая пеликанов — штук пятьдесят, не меньше. Как по команде они синхронно ныряют в глубину, вновь взмывают вверх с набитыми мешками под клювом.

Глядя на них, Сюзи, сидящая на носу яхты, разражается взволнованным лаем.

— Папа, куда это мы приплыли? — спрашивает Оушен.

— Это волшебное место называется архипелаг, принцесса. — Он произносит незнакомое ей слово раздельно, медленно.

Она молчит, оглядывается по сторонам.

— Это греческое слово, Оушен, в переводе оно означает «главное море». Когда-то греки так называли Эгейское море.

Пролив довольно узкий, море такое чистое, что кажется мелким, под водой ясно виден целый коралловый лес. Если он будет идти строго по центру пролива, яхте ничто не грозит, но его снова охватывает паника. Он внимательно изучает навигационную карту, читает путеводитель — и все равно чувствует себя в центре лабиринта.

— Это очень странное, тайное место, — говорит он Оушен. — Внутри архипелага множество маленьких островов. Тебе понравится, вот увидишь.

— А здесь есть кино, где показывают мультики?

— Нет, конфетка, это скорее парк, а не город.

Середина дня. Небо отражает море, отражающее небо, отражающее море. Морская лазурь настолько яркая, что кажется флуоресцентной — при попытке снять темные очки Гэвину приходится на несколько секунд крепко зажмурить глаза. Он решает пришвартоваться в марине главного острова Гран-Рокес, — там есть питьевая вода, топливо, причал и таможня.

Их встречает маленький городок с песчаными улицами и живописными разноцветными домиками, напоминающими детские кубики, — это все гестхаусы, называемые *посадас*. Здесь есть и центральная площадь с двумя пиццериями, банк и несколько магазинов: парочка бутиков, булочная

и даже красивая церковь, выходящая к морю, где стоит неизменная разодетая и раскрашенная гипсовая Дева Мария в окружении вазонов с белыми лилиями.

Пирóги наполовину вытащены на песок, пристань забита мелкими катерами, а на посадочной полосе бродят дружелюбные местные овчарки.

В лабиринте мелких улочек они находят небольшой офис пограничной службы, где Гэвин представляется — впервые за несколько последних дней — офицеру, который должен засвидетельствовать их присутствие в мировом пространстве. Он достает бумаги на «Романи», их с Оушен паспорта, справку о прививках Сюзи. Офицер за стойкой — молодой, красивый, но туманные глаза и припухшие веки выдают в нем любителя выпить.

— Вы из Тринидада? — спрашивает он равнодушно.

— Да.

— Уехали во вторник?

— Точно так.

— Вы дошли досюда за два дня, нигде не останавливались?

— Правильно. — Гэвин бросает на дочь красно-речивый взгляд: «Не вздумай рот открыть!»

— Вы путешествуете с дочерью?

— Да, вдвоем.

— И с собакой?

— Да, с собакой.

Сюзи держится вежливо, степенно сидит рядом и внимательно слушает их диалог.

— На острове снимать собаку с поводка запрещено.

— Понятно.

— У вас есть другие домашние животные на яхте? Кошки?

— Нет, только мы трое.

— Вы трое, да? — пограничник подозрительно смотрит на Оушен, как бы говоря: «А где же мать?»

Оушен с кислым лицом прячется за ноги отца, а Гэвин глубоко вздыхает. Когда этот тип отвязается от них?

— Сколько лет вашей дочери? — продолжает допрос офицер.

— Шесть. В июне исполнилось.

Тут Оушен выходит вперед, — похоже, она начинает понимать, что здесь их могут задержать надолго, — и бросает на пограничника взгляд, исполненный королевского недовольствия.

— Вы имеете право провести на Лос-Рокес сорок восемь часов, — монотонно произносит офицер. — Если хотите остаться дольше, придется получать разрешение в Каракасе или на Маргарите. Здесь территория Национального заповедника. Теперь заплатите пошлину за пребывание и за стоянку яхты.

Вот свинство! Но Гэвину приходится раскошиться, он забирает паспорта и бумаги и выталкивает дочь на песчаную, залитую солнцем улицу.

— Давай-ка съедим по пицце, — говорит он, видя, что около пиццерии с желтыми стенами уже расставлены столы и стулья. — Ты ведь любишь пиццу, да? С анчоусами, я не ошибся?

Он берет банку пива для себя, спрайт — для Оушен и заказывает две пиццы, одну с пепперони, другую с анчоусами. Правда, Оушен сразу же

заявляет, что на самом деле терпеть анчоусы не может и пытается скормить их собаке. Сюзи нравятся маленькие скользкие рыбки, но ей не удержать их в пасти, и они падают на песок.

Между столиками, принимая заказы, ходит молодой светловолосый мужчина, похожий на американца, — то ли официант, то ли владелец пиццерии — он одинаково хорошо говорит по-английски и по-испански, а за ним по пятам следует колченогая коричневая такса.

Сюзи обычно дружелюбно относится к другим псам и дает таксе обнюхать себя: низкорослая собачка свободно помещается под брюхом Сюзи.

Гэвин вдруг понимает, что уже несколько дней не разговаривал со взрослым человеком. Такса явно очарована новым знакомством — она кружит вокруг Сюзи, напрыгивает на нее, однако старушка валится на бок, разрешая поиграть с собой, но отказываясь принимать в игре активное участие.

— Это ваша собака? — спрашивает Гэвин, когда американец останавливается рядом с их столиком.

— Кто, Джесс? Да, это мой пес. Кстати, он обожает сидеть на стуле как человек, так что смотрите куда садитесь, мог испачкать сиденья.

— Похоже, ему и на моей собаке нравится сидеть.

Американец смеется. Он кивает девочке, и Оушен милостиво улыбается в ответ.

— Мы только что прибыли, — говорит Гэвин. — Пробудем здесь пару дней. Где нам лучше остановиться, как думаете?

— А, — говорит американец, приближаясь к их столику, и Гэвин замечает, что на столешнице нарисована карта архипелага. Мужчина отодвигает

тарелки, расчищая пространство. — Восемьдесят процентов архипелага находится под охраной, поскольку это национальный парк, — объясняет он. — Кстати, меня зовут Рикардо. Между рифами без опытного лоцмана пройти сложно, так что швартуйтесь только там, где уже стоят яхты.

— Хорошо.

— Вот это место я люблю. — Рикардо показывает на группу небольших песчаных островков. — Кайо-де-Агуа, там очень тихо.

— Здесь можно слиться с природой?

— Еще как.

— Мы случайно сюда заехали, услышали об островах Лос-Рокес на Маргарите.

— О, я тоже оказался здесь случайно, только случилось это пятнадцать лет назад. Мы жили здесь в коммуне хиппи. Воду тогда привозили раз в неделю, и нас частенько заливало при шторме! Теперь-то все изменилось.

— Как изменилось?

— Ну, это место скоро станет походить на Галапагос.

У Гэвина екает сердце, когда он слышит слово «Галапагос».

— Что вы имеете в виду?

— Людей, что же еще! Они привозят сюда собак, кошек, коз. Мыши, крысы сами прибывают на кораблях, начинают здесь плодиться. Они скоро уничтожат всю местную фауну!

Гэвин с сомнением смотрит на Сюзи.

— Ну, собаки — не самое страшное, хуже всего кошки. Вот они — прирожденные охотницы,

убивают направо и налево. Рептилии, птицы сильно страдают из-за кошек.

— Но вы же говорите, здесь все находится под охраной.

— Так-то оно так. Большие рыбы — тарпон, барракуда — здесь водятся в изобилии. И спящие акулы.

— Вау!

— Акулы, папа? — подает голос Оушен.

— Не волнуйся, — успокаивает он, — мы не будем на них смотреть.

— А белые киты здесь есть? — Девочка поворачивается к Рикардо.

— Нет, но много альбул, белых лисиц.

— Белых лисиц?

— Да, это такие длинные серебристые рыбы, они могут вырастать до гигантских размеров. До шести футов в длину, представляете? Их тут обожают ловить внахлыст, просто прикола ради, потому что мясо у них невкусное.

— Мне кажется, по дороге сюда мы видели в море этих рыб, — говорит Гэвин.

— Наверняка.

— Я из Тринидада. Тобаго тоже было тихим местом пятнадцать лет назад.

Гэвину хочется излить душу, все рассказать Рикардо — о своих руках, с которых чулком сходит кожа, о том, что он не может больше работать, что он стал другим человеком. Но, кажется, американец и так понимает его без слов — он ведь тоже беглец. Оба на минуту смущенно замолкают.

— Джесс, иди сюда, мальчик!

Песик отрывается от Сюзи, лежащей на песке в довольной полудреме, и бежит к Рикардо.

— Желаю хорошо провести время!

— Так вы рекомендуете Кайо-де-Агуа?

— Да. Там можно встать на якорь без всяких проблем.

— Спасибо. Кстати, я — Гэвин, а это моя дочь Оушен.

Рикардо вежливо кивает.

— Да, там приятно провести денек-другой, только остерегайтесь пури пури.

— Это еще что такое?

— Песчаная муха.

На рассвете они отходят от Гран-Рокес и тихо плывут по аквамариновому морю, мимо россыпи белоснежных островов и песчаных дюн, мимо пальм — к более темному морю, пока не достигают Кайо-де-Агуа. На пустынном пляже никого, кроме них, нет, остров длинный, изогнутый дугой, песок настолько бел, что его можно принять за снег, море чистое, как текила.

Сюзи приходит в такое волнение от предвкушения предстоящего купания, что готова выпрыгнуть за борт.

Закрепив якорь, Гэвин выдвигает пандус, крепит его к корме.

— Ну что, девочки, вперед!

И через пару секунд они уже барахтаются в море.

Оушен и Сюзи по очереди используют пандус как трамплин для ныряния, разбегаются и бомбочкой падают в воду. Они совершенно одни — как будто прибыли на необитаемый остров, куда еще не ступала нога человека. Гэвин захватывает с яхты

поводок для Сюзи, спускает шлюпку, и вскоре они втроем выходят на пустынный пляж. Но, оказывается, они вовсе не так одиноки, как показалось вначале — пляж населен сотнями небольших черных ящериц, снующих в море и обратно. В Сюзи немедленно просыпается охотничий инстинкт — она готова гнаться за каждой ящерицей, и сразу загоняет нескольких в куст зеленой растительности, похожий на суккулент, что растет в горшке у него дома.

— Фу, Сюзи, нельзя! — Гэвин ту же натягивает поводок. Теперь он понимает, о чем говорили Рикардо и таможенный офицер. — Прекрати сейчас же! Фу!

Но собака уже пришла в неистовство. Ящерицы сверкают в ее глазах. Черные ящерицы их совершенно не боятся, наоборот, их все больше выбегает из зеленых кустов, будто они хотят поприветствовать прибывших на остров путешественников. Песок испещрен следами от хвостов этих мелких рептилий. Сюзи хрипло гавкает, рычит, оцетинилась, как при встрече с пиратом.

— А ну успокойся! — командует он. Но собачьи уши стоят торчком, она рвется из его рук, чтобы устроить наконец-то настоящую охоту на ящериц. — Нет, так не пойдет, — говорит Гэвин, обращаясь к дочери. — Придется вернуться на яхту и осмотреть пляж после завтрака.

Песчаный берег безлюден, он напоминает длинную, устланную белым бархатом улицу, украшенную пучками зеленой растительности и несколькими скрученными ветром деревьями. Как будто на глаза наложили психоделическую пленку, как

будто наелся кислоты и теперь видишь только два цвета: белый и бирюзовый.

Гэвин садится на весла и гребет обратно к яхте. Он слишком рано отстегнул поводок — Сюзи встает лапами на борт шлюпки, готовая плыть обратно, к ящерицам. Он едва успевает ухватить ее за ошейник.

— Нет, я сказал! — восклицает он, шлепая ее по задю поводком. — Никаких тебе ящериц не будет!

Оказавшись на яхте, он убирает пандус и решает приготовить вкусный завтрак: сосиски с острым соусом, яичницу на тостах, апельсиновый сок и кофе. Сюзи тоже получает порцию сосисок и яичницы.

Гэвин жует сосиски, но из его головы никак нейдет Чавес со своей нефтью. Взять это место, например, размышляет он, — это же действительно маленький рай, отделен от остального мира атоллom, превращен в Национальный заповедник, но нужно смотреть правде в глаза: нефть убивает все живое в океане. За последние десятилетия нефть убила столько тварей на земле и на море, как ни одна другая субстанция. Нефть и море вообще плохо сочетаются, она же не растворяется в воде быстро, как кокаин.

— Папочка, ну вставай, поехали на остров!

— Сейчас. Только Сюзи мы оставим здесь.

— Почему?

— Потому что она пугает ящериц.

— Они боятся, что Сюзи их съест?

— Да.

— А если бы они были большие?

— Тогда она сама бы их боялась.

— А если бы они были огромные, как монстры?

— Вообще-то, они и так похожи на монстров.

— А если бы они были больше Сюзи? Она бы их боялась?

— Да, но это не наш случай. Они же совсем маленькие.

— Ну да.

— Ладно, поехали, пора обследовать этот берег.

Оставив грязные тарелки в раковине, он помогает Оушен спуститься в шлюпку по кормовой лестнице. Сюзи скулит на палубе, просится с ними.

— Останешься за старшую! — приказывает он железным тоном.

Сюзи вроде понимает команду, но все равно разобижена, что ее не взяли.

Они ходят по пляжу в поисках сокровищ, но не находят ничего путного, кроме отломков выбеленного солнцем коралла. Кораллы разрушаются по разным причинам: от перемены температур, от механических повреждений, например, когда их собьют якорем. Среди засохших водорослей валяются пробки, бутылки, тубики, флаконы из-под шампуня — то, что ученые называют «морским мусором».

— Ой, папа, смотри, что это такое?

Оушен показывает на розовый ингалятор, которым пользуются астматики. Странно видеть его здесь, все равно что найти ампутированную ногу. Гэвин сам в детстве страдал астмой, стеснялся пользоваться ингалятором на людях, и даже сейчас ему неловко смотреть на чужой.

— Это ингалятор, ящерка.

— А что это — ингалятор?

— Такой приборчик, он помогает некоторым людям дышать.

Ингалятор розовый, поэтому нравится Оушен.

— А можно я его возьму?

— Куда возьмешь, на яхту?

— Да. Можно?

— Нет, родная, это же мусор. Кто-то выбросил его... И вообще, мы не имеет права ничего брать с этого пляжа. Все должно оставаться как есть. Здесь такие правила.

С моря доносится жужжащий звук. Они поворачивают головы — к острову приближается моторная лодка, полная людей. Капитан, заглушив двигатель, выскакивает в воду, подтягивает лодку как можно ближе к берегу, и из нее начинают вылезать пассажиры — человек восемь. Они выгружают большие белые кулеры, огромные пляжные зонтики, раскладные шезлонги. Похоже, все пассажиры приехали парами, каждая находит свой участок пространства на длинной песчаной улице. Капитан лодки суетится, бегаёт от одной пары к другой, роет в песке ямки, устанавливает шесты, поднимает вверх белые зонтики, расправляет их. За короткое время ему удастся установить четыре зонтика на равном расстоянии друг от друга. Каждой паре полагается по зонтику, кулеру и двум шезлонгам. Затем мужчина прыгает обратно в лодку и уносится прочь.

Оушен наблюдает это представление, приоткрыв рот.

— Папа, что они делают?

— Не знаю.

— Откуда они появились?

— Может быть, это туристы?

— Они хорошие люди?

— Наверное.

— Но мы же первые сюда приехали. Я думала, это наше место. Наш остров.

— Я тоже так думал.

— Это совсем не круто, братан!

Гэвин смеется:

— И не говори, братан!

Черные ящерицы снова снуют вокруг них, даже пробегают по ногам — кажется, им интересно наблюдать за людьми.

— Ну что же, теперь у ящериц появилось больше объектов для наблюдения, — говорит Гэвин.

— Да... — Оушен не нравятся неожиданные соседи, впечатление от пляжа испорчено: было тихо, сталолюдно.

Здесь появились женщины, загорелые, гибкие, в бикини. Она смотрит на них во все глаза. Скоро она вспомнит мамочку, да и он тоже. Гэвину сразу становится очень грустно и одиноко — в мире все ходят парами, почему только ему не везет! И вообще, эти сытые, ухоженные, довольные жизнью туристы отвратительны — своим присутствием они изгадили пляж.

— Ладно, русалка, поехали обратно на яхту!

Сюзи счастлива, что они так быстро вернулись.

Пока Гэвин моет тарелки в морской воде, к берегу подплывают еще три моторки, и представление повторяется: сначала выгружают кулеры, зонтики и шезлонги, затем вылезают пары — теперь на острове около сорока человек. Сорок человек

на пляже — не так уж и много, но кажется, что их четыреста.

Отец и дочь довольно долго наблюдают за туристами, даже Сюзи в недоумении. Пары плещутся в море, играют в серсо, что-то кричат друг другу по-испански, — верно, они из Венесуэлы. Две или три женщины бегают по пляжу топлес. Он уже вечность не видел так много молодых пар. Что они тут делают, почему им так весело?

— Папа! — окликает его Оушен.

— Что, ду-ду?

— Давай поедem в другое место.

* * *

Гэвин заводит двигатель и выводит яхту в центр архипелага. Они бросают якорь недалеко от острова Краски, одного из дюжины других песчаных отмелей и рифов. Здесь уже стоят две яхты, но, к счастью, нет ни веселых пар, ни зонтиков, только кафе на берегу. Вдруг ему становится стыдно: ну с чего он так взбесился? Сегодня же пятница, люди приехали отдыхать. Это они сбежали из Тринидада от дождя, прошли уже сотни миль, а дождь все равно преследует их, гонится, наступает на пятки. А на самом деле в мире полно счастливых людей, которые живут полноценной жизнью, отдыхают и радуются. Но ведь он сам решил бежать, не так ли? А есть ли вообще в этом смысл? Если он так несчастен, не легче ли сидеть на одном месте?

Они уже подъели почти все припасы, им нужна пресная вода, да и все остальное тоже. Он заглядывает в кают-компанию — здесь как будто ураган

прошел. До тошноты воняет мокрой псиной, яичницей с беконом, черт знает чем. Да уж, они — еще та команда, да и сюда дошли чисто по удаче, а не благодаря его мастерству. А теперь пришвартовались в этом спрятанном от мира раю, который, кстати, все равно уже наполовину уничтожен человеком. Если он спустит Сюзи на берег, она сожрет всех черных ящериц, он в этом не сомневается. Почему человек думает только о своих проблемах?

— Прости меня, ду-ду, — говорит он Оушен в полном замешательстве.

— Ничего, папа, — тихо отвечает она.

— Скучаешь по школе?

— Нет, не особенно.

— А по своим друзьям?

— Да, скучаю.

— Скоро ты снова их увидишь.

— Папа, я хочу, чтобы все было как раньше. Как тогда...

— Я знаю. — Он чувствует себя полным идиотом.

Дочь смотрит на него серьезно, печально. Она не жалуется, она все еще на его стороне.

— Мой братик ведь умер, да, папа?

— Да.

— Когда было наводнение?

— Да.

— И поэтому мы приехали сюда.

— Да.

Ее лицо краснеет, ей слишком грустно, чтобы плакать. Оушен смотрит себе под ноги. Она потеряна, так же как и он.

— Иди сюда, моя русалочка.

Она залезает к нему на колени, и они сидят так, прижавшись друг к другу, пока «Романи» покачивается на волнах. Он видит, как слезы тихо катятся по ее щекам.

* * *

Немного погодя они спускают шлюпку, пристегивают к ошейнику Сюзи поводок и плывут к берегу. Заходят в пляжное кафе, хипповое местечко: двери обрамляют выцветшие буи, низкие деревянные столики украшены разноцветными бутылками и выловленными из моря корягами. Пол песчаный, по периметру помещения развешаны гамаки, вместо скатертей — белые простыни, а под потолком болтается лампа с абажуром, связанным макраме. Весь пол исчиркан следами ящериц. Из-за угла появляется черная кошка, бесшумно запрыгивает на один из столов. Сюзи не реагирует.

— Здесь приятно, правда? — обращается Гэвин к Оушен.

Они садятся за стол, к ним подходит официант, чтобы принять заказ: свежий кокосовый сок, жареная курица с рисом. У стойки бара сидит целая семья, взрослые поглядывают на них с любопытством. Довольно необычно, когда мужчина один путешествует с такой хорошенькой маленькой девочкой. Впрочем, за последний год он уже привык к косым взглядам. Они молча жуют, Гэвин прокручивает в голове одну и ту же мысль: «Ничего, ничего, все будет хорошо!» Завтра он приберет в салоне, проветрит его, вымоет палубы. И Сюзи тоже помоеет, а потом они заедут в супермаркет

на Гран-Рокес. Что надо купить? Еще макарон, молока, хлеба, воды. Завтра он проведет рекогносцировку.

Он расплачивается по счету, и они бредут по пляжу назад, к своей яхте. Сюзи уже так не рвется с поводка, и он дает Оушен подержать собаку. Смешно, как быстро человек привыкает к пляжному безделью. Шлепанцы, соломенная шляпа, выгоревшие волосы, соленая кожа...

Оушен вдруг останавливается как вкопанная.

— Папочка, смотри!

Он тоже останавливается, сдвигает шляпу на затылок.

— Это же наш розовый домик! — в полном восторге кричит Оушен.

И верно — в нескольких метрах от моря стоит пляжный домик ярко-розового цвета. Они приближаются к нему с осторожностью, как к ценному музейному экспонату. Домик выстроен из дерева, с треугольной крышей, торчащей, как остроконечная шапка. На крыше уложены длинные, выгоревшие от солнца пальмовые листья — они свешиваются с ее краев неровно подстриженной челкой. Входная дверь тоже деревянная, она заперта, окна закрыты ставнями. У двери стоят два цветочных горшка, из которых растут ярко-зеленые лианы, а с крыши свисает рыболовная сеть с вплетенными в нее кусочками белого коралла. Кусочки коралла образуют своеобразную занавеску, целую стену морских косточек. Оушен с трепетом дотрагивается до одной из них.

— Папа, — шепчет она, — а можно мы будем здесь жить?

Гэвин тоже трогает коралловые косточки.

— Нет, малышка, это же не наш дом.

— Но ведь здесь никого нет!

— Может быть, хозяева тоже уехали путешествовать, как мы с тобой?

— А вдруг они не вернутся? Может, они уехали после наводнения, как мы? Может, они оставили этот дом нам?

— Детка, но у нас же есть собственный розовый домик, помнишь?

— Но этот лучше.

Он невольно усмехается. Она права, этот лучше.

— Я хочу жить *здесь*, папа.

— Это невозможно.

— Но почему? Он же пустой! Никого нет. Мы столько проплыли, папа, а этот дом мне очень нравится. Давай купим его!

— Куколка, мы не можем его купить, увы.

Надо же, чтобы из всех цветов на свете владелец выбрал именно розовый!

Сюзии терпеливо сидит на песке, и тут он вспоминает, что ее тоже смыло тогда... Она была во дворе, когда садовая ограда обрушилась под натиском воды, — все случилось в одно мгновение. Всех окрестных собак унесло на целую милю от дома. Та страшная мутно-коричневая волна по-хозяйски прошлась по его дому и забрала все, что хотела, включая его верную собаку.

Сюзии зевает, ей нет дела до этого дома. Она устала, хочет обратно на яхту, хочет пить. Понимая, что Оушен готова закатить истерику, он торопливо объясняет: здесь крайне небезопасно, ведь

розовый дом стоит всего в нескольких метрах от моря!

— Пойдем, — говорит он, берет дочь за руку и уводит прочь от розового искушения.

Да, тут очень мило, но пока им здесь не место. Им надо двигаться дальше, пройти еще немного вперед, на запад.

— Пора возвращаться на яхту, русалочка. Сейчас наш дом там.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

A.B.C.

Глава 7

РЫБЫ-ХИРУРГИ

В поле зрения по левому борту появляются белые горы. Троица белоснежных пиков — то ли сахарных, то ли снежных. Гэвин знает, что на самом деле это ослепительная и чудесная солнечная соль. Гора соли поднимается в небо, как рог единорога, а может, наоборот, нисходит на землю с далеких лунных полей. Как бы то ни было, эти белые горы представляют собой фантастическую картину, особенно посреди бесконечной синевы, как будто их, как по волшебству, доставили сюда из Швейцарских Альп. Вообще-то, соль добывают здесь в огромных количествах. На юге Бонэйр вообще превращен в одно огромное солевое болото. Морская вода под лучами раскаленного солнца испаряется, оставляя горы соли — любой может собрать ее с земли руками.

Гэвин и раньше бывал на этом острове. На Бонэйре он научился нырять, этот остров богат чудесами природы, которые хочется показать Оушен. Они идут вдоль южного побережья Бонэйра, но малышка еще спит. Вот они, *А.В.С.*-острова. — *Эй-Би-Си*, и он постоянно повторяет про себя: «*Эй-Би-Си*, *Эй-Би-Си*, *Эй-Би-Си*», разглядывая снежные горы соли, высыхающие на берегу. Он думает о Клэр,

о ее белоснежной коже, о ее молчании и о том, как все шире расходились края ее трещины отчаяния. Да, «трещина отчаяния» — так можно назвать ее состояние. Бедная жена. Он мысленно посылает ей свою любовь и поддержку.

На Бонэйре яхтам запрещено швартоваться: весь остров представляет собой природный заповедник, но, если заплатить пошлину, тебе позволят окунуть в воду палец, хе-хе.

В бухте Кралендейка есть причал и бакены, за которые можно закрепить суденышко, а вода настолько чиста, что он видит ныряльщиков издалека, когда только заходит в бухту. На пристани дежурят такси, минивэны; справа — еще одна мегапристань, у которой стоит огромный лайнер «Королева морей».

У Гэвина невольно вырывается крепкое словцо. Лайнер возвышается над морем на десяток этажей. Ряды иллюминаторов начинаются у самой ватерлинии. Ниже всех расположены каюты команды, затем идут шлюпочные палубы, еще выше — несколько палуб для туристов: сотни крошечных окошек. За стеклами, скорее всего, американцы. Он прекрасно знает породу круизных туристов: пенсионеры среднего уровня дохода, уже плохо ходят, плохо видят — такие ежегодно отправляются в путешествия. Весь год копят деньги и верят, что их ждут невероятные приключения, — еще бы, за двенадцать дней посетить восемь стран!

Круизные лайнеры уже оккупировали Порт-оф-Спейн и Скарборо, перевозят по миру тысячи людей, швыряющихся долларами, которые ловят на лету презирующие их тринидадцы. Да, все

презирают американских туристов, и за дело. Танцевать не умеют, на солнце покрываются волдырями и даже с ромом не могут справиться.

Он готовит завтрак, когда просыпает дочь, и первое, что она замечает, — гигантский круизный лайнер.

— Папа, что это?! — Она машет рукой.

— Доброе утро!

Они оба глядят на белую громадину. Оушен не может поверить своим глазам.

— Это что, тоже лодка?

Гэвин хмурится:

— Не лодка, а большой корабль.

На пристани под палящим солнцем терпеливо ждут водители такси. Три раза в неделю в гавань заходят плавучие города, и в эти дни местные жители уже могут не рассчитывать на спокойную жизнь. Три дня в неделю местные обречены кланяться, бормотать «Да, сэр!» и продавать свои задницы за американские доллары.

На круизных лайнерах путешествуют даже не туристы, а вуайеристы, зрители, они только смотрят по сторонам, щелкают фотоаппаратами да покупают местные сувениры: кукол-негрятят, сделанных из переработанных пластиковых бутылок из-под кока-колы и заполненных песком, серьги в форме шлепанцев, пепельницы, выточенные из высушенных тыков, и оригинальные подставки для бижутерии.

— А мы можем туда пойти? — интересуется Оушен.

— Нет.

— Почему? Мне нравится этот корабль.

— Неужели? И чем же он тебе нравится?

— Он очень большой, — произносит она с благоговейным трепетом в голосе.

— И что?

— Он больше нашей яхты.

— И что?

— Наша лодка старая, — с сожалением констатирует Оушен.

— Что ж, прости ее за это.

— Он такой красивый, папа! — В голосе дочери слышится зависть.

Вообще-то, в этом она права. «Королева морей» — одно из карибских чудес света. Гротескное, но по-своему необыкновенное.

После завтрака они спускаются в шлюпку и гребут к берегу, чтобы пройти пограничный контроль. Большинство такси разъехалось, но на пристани снуют продающие туры агенты. Они случайно толкают девушку-агента с длинными черными волосами — она оборачивается. У нее широкая улыбка, ясные глаза, большие, зеленые. Оушен сразу притихает.

— Привет! — здоровается девушка. — Меня зовут Лулу.

Гэвину неловко, он с трудом сдерживается, чтобы не снять перед ней шляпу и не расшаркаться.

— Только что приехали? — спрашивает агент.

— Да.

Она протягивает ему брошюру — на ней изображен катамаран, несколько подводных снимков желто-пурпурных коралловых рифов, дети в масках и ластах, огромные черепахи растопырили плавники, словно собираются взлететь.

— Катер ждет, — продолжает Лулу. — Мы отходим через час. Если хотите поплавать, понырять, увидеть кораллы, айда с нами!

— Я когда-то нырял здесь, — нерешительно замечает Гэвин. — Давно хотел показать дочке настоящий риф.

— А вы откуда?

— Из Тринидада.

Ее лицо вдруг расплывается в улыбке.

— Так я тоже!

— Неужели? — Почему эта новость так его обрадовала? — И откуда точно?

— С самого юга, из Икакоса.

— А теперь здесь живете?

— Да, вышла замуж за моряка. Мы сюда приплыли на яхте.

— И мы тоже.

Лулу бросает взгляд на Оушен: в зеркальных очках и панамке, низко надвинутой на выгоревшие волосы, дочь похожа на Бетти Риццо из ее любимого фильма «Бриолин», который она смотрела множество раз.

— Оушен, поздоровайся. Эта тетя тоже из Тринидада.

— Хэлло.

— Ну что, едем на острова? — спрашивает он дочурку.

— Да.

— А можно взять с собой нашу собаку? Она очень послушная.

Девушка окидывает Сюзи оценивающим взглядом.

— Конечно, почему нет?

— А у вас найдутся ласты на нас обоих?

— Найдутся. У нас есть и ласты, и маски, и гидрашки на все возрасты и размеры.

— Значит, отходите через час?

— Да. Вам хватит времени посетить пограничников и уладить все формальности.

— А где стоит ваш катер?

— В пяти минутах отсюда. — Она машет рукой себе за спину. — Мы пришвартованы сразу за большим казино. Вы нас ни с кем не спутаете, катер называется «Ветер в ивах».

— Ладно, увидимся через час.

Лулу улыбается, машет им рукой и отворачивается. Гэвин видит, что у дочери испортилось настроение.

— Я не хочу нырять, — заявляет она.

— Почему же?

— Мне это не нравится.

— Но ты ведь еще не пробовала нырять.

— Я не хочу никуда ехать.

— Тем хуже для тебя, потому что мы все-таки поедем.

— А я не хочу!

— Ну а мы с Сюзи хотим. Ты можешь остаться здесь, подождать нас.

Это ее немного отрезвляет.

— И вообще, Снупи, тетя очень приятная, и она из Тринидада.

— И поэтому мы едем нырять?

— Да.

— Поэтому она тебе нравится?

Гэвин смеется:

— Да.

— А там будут одни старики?

— Ты имеешь в виду, вроде меня?

Она кивает.

— Наверное. Я не знаю. — Почему-то ему становится стыдно за то, что он «старик».

* * *

Через час они уже на катере. Всего здесь собралось около двадцати человек, некоторые явно с «Королевы морей», и ему приходится примириться с тем, что нырять они будут бок о бок с голыми туристами.

Команда молодая, все загорелые до черноты. За рулем атлетического вида капитан лет сорока, руки и грудь покрыты татуировками, волосы с бочков выбриты, а остальные сбиты в выгоревший ирокез, глаза защищены зеркальными очками в белой оправе. Оушен не может отвести от него глаз, похоже, она собирается влюбиться. Гэвин и сам то и дело бросает взгляды на крепкое тело капитана, прикрывая руками свой живот гиппопотама. Лулу и вся команда — сплошной восторг. Они разносят пассажирам напитки, с шутками заталкивают их в гидрокостюмы, суетятся вокруг Оушен, которая теперь очень довольна, что едет нырять с маской.

Чуть-чуть не дойдя до Клейн-Бонэйр, маленького островка на другой стороне бухты, они кидают в море якорь, и команда начинает подбирать пассажирам ласты и маски. Все разделяются на три группы. Лулу берет на себя новичков, и Гэвин

с Оушен решают присоединиться к этой группе. Капитан обещает присмотреть за Сюзи — похоже, у них с собакой любовь с первого взгляда. Оушен выдают спасательный жилет, пару небольших ласт, детскую маску с трубкой — теперь она выглядит наполовину лягушкой, наполовину — инопланетянкой. Оушен прекрасно плавает, и когда Лулу объясняет, как надо дышать через трубку, понимает ее с полуслова.

Первые две группы туристов ныряют с кормы. Некоторые падают в воду ластами вперед, поднимая тучу брызг и переворачиваясь в воде. Лулу прыгает спиной вперед, аккуратно, и шесть учеников копируют ее прыжок. В их группе в основном слабые пловцы, кто-то уверяет, что вообще не умеет плавать, один мужчина даже побелел от испуга. Но Лулу спокойно и уверенно заявляет, что доведет до рифа всех без исключения.

— Слушай внимательно, русалка. Я прыгну первым, а затем нырнешь ты, поняла?

— О'кей.

Он прыгает.

Оушен прыгает вслед за ним, приземляясь практически ему на голову. Он берет ее за руку и говорит:

— А теперь давай заглянем в подводный мир.

Она окунает голову в воду, и он чувствует, как замерло ее тело. Он тоже погружает лицо в воду, и — ах! — он не ожидал, что им откроется *такое* зрелище. Впрочем, к подводным чудесам невозможно привыкнуть, на земле такого не увидишь никогда. Длинные лиловые щупальца анемон, широко раскинутые оранжевые кружева кораллов, желтые

шишечки среди полей красного бархата, покрытого стелющимися волосками, косяки желто-серебристых, лазоревых, алых, лимонно-желтых рыб. Прямо под ними сбилась вместе целая толпа неоновосиних мелких рыбок. Это голубые хирурги, они живут среди колышущегося поля бордовых волосков. Овальной формы рыбы с сине-фиолетовым окрасом тела, но их спинные и хвостовые плавники переливаются всеми оттенками сине-голубого и желтого. Грациозно и синхронно двигаясь в своем водном танце, они напоминают карнавальную группу, часть общего большого праздника, уникального и необыкновенного. От такой красоты Гэвина охватывает странное чувство: он и подавлен, и печален, и одновременно полон восторга — готов зарыдать в свою маску.

Он кидает взгляд на Оушен — она тоже увидела голубых хирургов, следит за ними, затаив дыхание. Ее кожа под водой выглядит изжелта-белой, руки опущены вниз, ноги раздвинуты, ласты едва шевелятся. Лицо за маской кажется огромным, глаза расставлены слишком широко. Он еще не видел свою дочь такой: подвешенной в соленой воде, загипнотизированной фантастическим зрелищем, дышащей как рыба. Она напоминает морское чудовище, дитя морской свиньи или раздутую, сияющую рыбу-луну. Вот за этим он и привез ее сюда, чтобы показать сказочную страну.

Он смеется, из трубки вверх поднимается каскад пузырьков. Она его не замечает, ей не страшно, как будто она покинула свое тело. Он снова берет ее за руку, они вместе плывут за Лулу, которая легко ныряет на глубину, зависает в воде, рукой указывая

на самые интересные растения или рыб, затем выныривает на поверхность и объясняет, что именно показала. Они как будто погрузились в параллельную вселенную; ее обитатели занимаются своими делами, развлекаются, ходят по магазинам, судачат; стайные рыбки гуляют все вместе, косяками, одиночки прячутся за коралловыми веерами, здесь есть и обычные тусовщики, и распальцованные надменные задиры; есть стилиаги и модницы, клоуны и арлекины: им всем даны достойные их экзотические имена.

Лулу перечисляет их, как стихи читает: тигровые груперы, сотовые коровы, французские ангелы, полуночные рыбы-попугаи, белолобые крапчатые, рыбы-трубы, испанские бодианы, рыбы-водолазы, морские яйца, щетинковые полихеты, голотурии, или морские огурцы. А затем Лулу ныряет еще ниже, тычет пальцем в сторону дна, потом поднимается на поверхность и объявляет:

— Ура, осьминог!

Они смотрят вниз, но ничего не видят. Лулу снова ныряет, погружаясь почти до самого дна, показывает рукой песок, который вдруг, как в замедленной съемке, начинает превращаться в нечто зыбкое, колеблющееся, распускаться как гигантский цветок. Осьминогу не хочется подниматься с песчаной постели, он неохотно встает на свои резиновые ноги. Оушен под маской пищит от восторга.

— Осьминог! Папа, ты видел?

Он кивает, и она снова погружает голову под воду.

Мимо них проплывает небольшой коврик в черно-белую крапинку, у него очень длинный хвост.

— Смотрите, орляковый скат! — кричит им Лулу.

Похоже, ската вовсе не смущает такое количество зрителей. Оушен хватает отца за руку, вдвоем они следят за изящным подводным полетом. Гэвин почти счастлив в эту минуту.

Он не замечает, как проходит час сноркелинга⁵. Ему и радостно, и грустно, он сам себя не узнает; кажется, он *вернулся*. Вернулся в мир своей молодости, где был так счастлив, к морю, которое так любит, которое он предал с земной женщиной. Здесь он у себя дома, ему передаются все симпатии этого мира и его эмпатия, здесь все движется и дышит как единый организм. Здесь можно обрести потерянный смысл жизни.

Лулу ведет группу обратно к катеру, они переезжают на новое место и снова ныряют, а между заплывами пьют ромовый пунш, свежий сок гуавы, с удовольствием пробуют местную похлебку на обед. Оушен притихла, покраснелась, похоже, она тоже пьяна впечатлениями, накачалась морской водой. Они с Сюзи безоговорочно влюбились в табуированного капитана с ирокезом. Сюзи теперь сидит позади него на палубе как настоящий помощник, палубная собака. Это не вызывает в Гэвине ревности. Он счастлив. Он наконец-то свободен. Свободен, черт побери!

Позже, когда они уже подходят к берегу, он беседует с молодой женщиной, подводным фотографом.

— Ну и работенка у вас! — говорит он.

— Да уж. — Она улыбается. — Во повезло мне!

— Как давно этот риф находится под охраной?

---

⁵ Вид плавания под поверхностью воды с маской и дыхательной трубкой и обычно с ластами.

— Да уж лет шестьдесят, не меньше. Чтобы убе-
речь риф, его нужно очень тщательно охранять. Ни-
где в мире таких рифов больше не осталось.

Под словом «охранять» подразумевается охра-
нять от человека.

— Когда я был молод, риф Бакку на Тобаго был
таким же, как здесь, — делится воспоминанием Гэ-
вин. — На пляже ступить было некуда от раковин.
А теперь вся живность там вымерла. Погублена яко-
рями, яхтами... туристами.

— Ой, представляете, здесь снова появились кры-
латки.

— Не может быть!

— К сожалению, это так. Пока их немного, но все
же они уже здесь. У нас тут целая группа пенсио-
неров-энтузиастов готова положить остаток жизни
на то, чтобы их извести.

Да, крылатки... Эти рыбы раньше водились
за много миль отсюда, в Тихом океане. Они, конечно,
красавицы, все в тигриных полосках, окутанные
мягкими лентами плавников, крепящихся на кожи-
стых перепонках. Но крылатки — опасные хищ-
ницы, они заглатывают добычу целиком, особенно
мелких рыбок. Шесть крылаток улизнули из аква-
риума во время урагана Эндрю во Флориде в 1992
году: они начали неудержимо размножаться, про-
двигаясь все южнее, вдоль Антильских островов,
пока не зашли в Карибское море.

— Боже правый!

— И не говорите. Нам никак не избавиться от этих
тварей. Местные говорят, что, пока мы не откроем
суши-бар, где будут готовить крылаток, извести
их невозможно.

Он слушает, качая головой, но для него эта опасность так же далека, как американская трагедия 11 сентября или резня в Сребренице. А местные рыбки не могут обратиться в НАТО с просьбой защитить их от крылаток.

Девушка показывает фотографии Оушен, которая под водой выглядит как морская черепашка.

— Я куплю у вас несколько штук, — говорит он.

Сама Оушен так устала, что не в состоянии ни на что реагировать. Завернутая в полотенце, вся покрытая гусиной кожей, привалилась к нему, посапывает. Переохладилась. Он выносит ее на пристань на руках, капитан передает ему поводок Сюзи.

— Хорошая у вас собака, — произносит он с уважением,

— Вы с ней хорошо смотрите вместе, — шутит Гэвин.

— Я знаю. Когда-то у меня был песик такой же породы, я назвал его Мампс. Лучшая собака за все время.

— Правда?

— Точно. А сейчас у меня кот. Он живет со мной на катере.

Погрузив Оушен в шлюпку, Гэвин гребет к яхте, глядя, как огненный шар солнца закатывается в море, а небо привычно меняет цвет — от розового с оранжевыми всполохами до серебристо-серого. Они с Сюзи на двоих выпивают двухлитровую бутылку воды, падают на спальные в кают-компании и мгновенно засыпают без ужина, а он даже не переодевшись.

Море высосало воду из его тела, он смертельно устал, не может шевельнуть ни ногой, ни рукой.

Слыша собственный храп, погружается в сон, но этот сон отнюдь не мирный. К нему приплывает полосатая крылатка с мрачным лицом самурая, она появляется снова и снова, напоминая о чем-то очень тоскливом. Ураган разрушил океанариум во Флориде, рыбы-убийцы вылились вместе с водой в Тихий океан, доплыли до Карибов. Волна обрушилась на его дом в Тринидаде, разбила, смыла их красивый домашний аквариум, оставив в грязи лишь трупики золотых рыбок. Он видит безмятежное спящее лицо Клэр — до наводнения они жили в уверенности, что ничего плохого с ними случиться не может. Подумаешь, дождь! В Тринидаде каждый год идут дожди. Клэр — креолка, и хотя ее кожа белая, как снег, наследство прадедушки шотландца, она — потомок плантаторов, которые несколько веков назад торговали какао-бобами. И там, где она росла, угроза ураганов существовала постоянно, она с детства знакома со штормовыми ветрами, безжалостными ливнями. Но в ночь наводнения она как будто замерла, а с тех пор и вообще затихла, поникла, завяла.

Гэвин спит, но его мозг пульсирует, а сердце бьется в груди, пытаясь понять и принять его собственное участие в той роковой ночи.

Глава 8

БЕЛЫЕ ГОРЫ

Утром Гэвину становится легче, он понимает, что привык к новому ритму жизни, знает, какие работы необходимо выполнить на «Романи». Он вспомнил ее забытое тело, она вспомнила его: ведь они благополучно добрались до островов Эй-Би-Си! На самом деле их следовало бы назвать Эй-Си-Би, ведь сначала идет остров Аруба, за ним — Кюрасао, а уже потом Бонэйр⁶. Гэвин решил, что они встанут на якорь в Кралендейке и простоят как минимум неделю. Он немного устал от моря: одну минуту он уверен в своих силах, а в следующий момент его охватывает паника... Что за вечные смены настроения! Острова Лос-Рокес вызвали тоску, а вот на Бонэйре он чувствует себя счастливым. Сегодня они сойдут на берег и поедут осматривать остров. Оушен понравятся фламинго.

Гэвин берет в аренду машину и направляется прочь от моря. Выехав на основную трассу, поворачивает на юг. На восточном побережье Бонэйра море не такое спокойное, нежное, здесь нет манящих морских лесов, подводных пейзажей. Этот берег гораздо суровее, волна такая высокая, что пришвартоваться

---

⁶ Испанские названия островов: Aruba, Curaçao, Bonaire. Их первые буквы составляют аббревиатуру А.С.В.

невозможно, а дайверов подстерегают акулы-людоеды. Поэтому здесь так мало населенных пунктов.

Они едут вдоль побережья, рассматривают высокие кактусы-свечки и приземистые опунции, проезжают стада диких ослов, которых пятьсот лет назад завезли сюда из Испании, снова видят ящериц. Множество ящериц. Только эта разновидность серого цвета, они бородатые, а самцы достигают двух метров в длину. Ящерицы застыли на обочине дороги, как бетонные статуи, греются на солнце или отдыхают в зелени кустов. Они похожи на конквистадоров своими заостренными, покрытыми шипами шлемами, оловянными доспехами, переливающимися всеми цветами радуги. Он останавливает машину, чтобы полюбоваться на них.

— Папа, это кто? — с испугом спрашивает Оушен.

— Тоже ящерицы, детка, только очень большие.

— Какие страшные!

— И не говори. Их называют игуанами.

— Как та, что упала с дома бабушки Одри?

Гэвин невольно ухмыляется. Рядом с домом его матери в Тринидаде жила игуана, которая часто забиралась на кокосовую пальму, засыпала на солнце и падала прямо в сад.

— Да, примерно такая же.

— А эти ящерицы тоже могут забираться на дерево?

— Да.

— И падать нам на голову?

— Ну, только если заснут.

— Ну нет, только не на мою! — и Оушен картинно закрывает руками головку в панамке.

— А ты знаешь, что они приплыли сюда из Южной Америки? Дрейфовали вместе с морскими течениями иногда по несколько дней подряд, а если повезет, находили упавшее дерево и плыли на нем.

— Как тот белый порошок?

Гэвин снова ухмыляется:

— Именно так, котенок.

— Ящерицы и белый порошок путешествуют на деревьях?

— Бывает.

— В Карибском море?

— Особенно здесь. Правда, в нашем море и кое-что похуже можно найти.

— Что, например?

— Старый ингалятор.

Они едут дальше на юг, пока земля не становится ровной и не приобретает цвет пепла. Здесь тоже идут дожди, и серая земля, как тигриными полосками, покрыта длинными серебристо-синими лужами. Недалеко от побережья дождевая вода скопилась в низине, образовав болото, одно из пяти, имеющих на острове. В прошлый его приезд на этом месте были лишь засохшие равнины, но сейчас среди водной глади как островки торчат зеленые кочки. Фламинго обожают кормиться в солоноватой воде, здесь в изобилии водятся креветки и разные вкусные личинки. Впрочем, сейчас вода тут пресная, ведь недавно шел дождь, и фламинго пока не прилетели.

Они едут дальше, дорога идет между мерцающими под солнцем болотистыми озерцами, то тут, то там появляются ветряные мельницы, а вот

и солончаки обнажились, огромные плоские бассейны, глубиной всего в несколько дюймов, сюда вода поступает прямо из моря. Значит, пора тормозить. И правда, впереди они видят шесть фламинго, стоящих на одной ноге и роющих горбатыми клювами в соленой отмели.

— Ну, смотри на красоту! — Он показывает рукой.

— Ой, розовые птицы!

— Да. Это фламинго.

— Можно подойти к ним, папа?

— Они довольно стеснительны, но мы можем попробовать.

Оставив небольшую щель в заднем окне для Сюзи, они выходят из машины и, взявшись за руки, идут вдоль пустой дороги в сторону фламинго.

Птицы видят их, но не проявляют никакого беспокойства. Гэвин останавливается в десяти метрах от них.

— Папа, они нас не боятся? — шепчет Оушен.

— Видишь, пока нет.

— А как они летают с такими ногами?

— Сначала хорошенько разбегаются, а потом взмывают в небо.

— А если мы ближе подойдем, они улетят?

— Давай попробуем. Пошли, — говорит он, беря Оушен за руку, и они придвигаются к птицам еще на несколько шагов.

Оушен ступает осторожно, как Армстронг на Луне. Ближе, еще ближе.

— Папа, они нас вообще не замечают.

— Похоже, ты права.

Фламинго такого же роста, как и его дочь, каждая птица балансирует на одной розовой спице. Их оперенье розово-оранжевое, цвета лосося, цвета вареной моркови.

— Какие смешные птицы, — говорит Оушен.

Гэвин приседает, чтобы быть вровень с дочкой, но это движение дает птицам сигнал. Как по команде фламинго поворачиваются прочь и бредут по болоту в противоположном направлении, методично качая головами вверх и вниз, выуживая горбатыми клювами из воды сочных крабов и рачков. Они немного похожи на роботов, неуклюжие и одновременно невероятно изящные со своими петлеобразными шеями. И вдруг все как один раскрывают крылья, мгновенно превратившись в пушистое розовое облако. Бегут, набирают скорость, теперь они похожи на жирафов, мчащихся через саванны Африки.

Оушен от изумления застывает на месте, открыв рот. Все шесть птиц разгоняются, как маленькие самолеты, и взмывают вверх, не забыв убрать внутрь свои ноги-шасси.

Гэвин и Оушен стоят по щиколотку в теплой синей воде, глядя, как фламинго улетаю прочь в сторону солнца. А когда птицы исчезают за горизонтом, переводят взгляд вниз, на воду. Оушен пристально вглядывается в зеркальную водную гладь, наклоняется все ниже и вдруг полностью погружает голову в воду.

— Оушен!

Его дочь стоит попой кверху, голова вместе с панамкой и темными очками — под водой.

— Да что же ты творишь! — Он дергает ее за руку. Девочка выныривает, моргает, трясет головой, но не отвечает ничего. Потом закрывает голову руками.

— Ох, папа!

— Что еще за «ох»?

— Я просто хотела попробовать.

— Что попробовать?

— Быть птицей.

— Чокнутая девчонка!

— Если рыбы могут летать, может быть, я тоже смогу. Если эти птицы летают со своими ногами, почему я не могу?

— Потому что дети рождены ходить по земле.

— Но я ведь уже умею нырять. Умею дышать под водой.

— Ну, это совсем другое дело! — Он встречается с ней глазами.

Дочь выводит его из себя, ему хочется топнуть ногой, рывкнуть: «Хватить уже допрашивать меня!» — потому что частенько он и сам не знает ответов. Оушен ставит руки над головой треугольником, «я в домике», и смотрит так, как будто боится, что мир сейчас обрушится на нее.

Они едут дальше на юг, и снова на него наплывают воспоминания о времени «до», о том, каким он был, пока не рухнула стена, — наивным, счастливым. Ходил по дому босиком, слушал Нила Янга, а Клэр на улице готовила карри из краба. Пил утром на кухне кофе в шортах и футболке, счастливый семьянин, отец двоих детей. Совсем недавно жизнь шла так, как он мечтал. Ему это нравилось, он был центром своей семьи.

Гэвин с силой жмет на тормоз, взвизгнув, машина останавливается. Оушен снова открывает рот от изумления. Перед ними — целый городок розовых домиков. В них уже никто не живет, эта маленькая колония давно расселена. Когда-то крыши были покрыты пальмовыми листьями, а теперь сверху набит шифер. Стены некоторых домиков расписаны граффити, разобрать которые невозможно, то ли на голландском языке, то ли на креольском, где-то штукатурка отвалилась от стен. Домики, построенные из кораллового камня, такие же рыжевато-розовые, как фламинго, как будто их помыли морковным соком, громоздятся рядами в нескольких метрах от моря. Островки зеленой травы придают им вид опрятных коттеджей. В каждом домике два окна, через некоторые можно увидеть бирюзовое море.

На секунду Гэвина охватывает паника: «Как же это я забыл про цвет?! Вот это я недодумал...» Но они уже здесь, окруженные домами, что стоят по обе стороны дороги.

— Паааапа!

— Да-да, я знаю.

Домики крошечные, прямо игрушечные, точно они находятся на заброшенной детской площадке. Ему не хочется к ним подходить, ведь это знаменитые хижины, в которых на Бонэйре держали рабов. Но они все равно выходят из машины, пристегивают Сюзи на поводок.

Оушен медленно осматривает домики, заглядывает в окна, даже заходит в одну хижину. Гэвин встает на колени и тоже заглядывает внутрь. В центре домика — лужа. Как она здесь образовалась? Как

вообще можно было тут спать, ведь ноги не помещаются в крохотном пространстве. Дочка прыгает внутри домика, стараясь достать до потолка, осматривает помещение, как будто примеривает на себя новое жилище.

— А кто здесь жил, папа? Другие детки?

— Нет.

— А кто?

— Мужчины, вроде меня.

Оушен не верит, смотрит с подозрением:

— Но ты же слишком большой.

— Люди, которые здесь жили, были не такие крупные, как я, но многие были высокими, их ноги не помещались внутри. Они не могли здесь ни встать, ни сесть.

— И могли только лежать?

— Да.

— Кто были эти люди?

— Рабы. Так их называли — рабы.

— Кто такие рабы?

— В основном черные люди из Африки. Их заставляли работать против воли. Бесплатно. Они искали соль на болотах, соль, которую приносит сюда из моря.

— Здесь жили черные люди?

— Да.

— Как Жозефина?

— Ну, Жозефина у нас работает далеко не бесплатно.

— Жозефина не поместится в этот дом.

— Да уж.

— Жозефина огромная!

Он кивает.

— Папа, здесь как-то странно...

— Как это, странно?

— Странно... понимаешь? Как... мама.

Гэвин морщится, отворачивается. Да, похоже...

Он тоже чувствует странность. Не надо быть суперчувствительным, чтобы уловить меланхолию этого кусочка суши, затерянного на краю острова. Хотя призраки замученных рабов не населяют их бывшие жилища, горечь и грусть очевидны. Здесь произошло так много трагедий, что само это место травмировано. И таких много в Карибском регионе — тут жили рабы, а там произошла резня, и ужас, горе, боль осели на камне, на стенах и крышах.

— Они прямо тут жили, на берегу моря?

— Да-да, здесь, на краю острова.

— А почему они не уплыли прочь, как ящерицы? Могли бы на деревьях уплыть...

— Думаю, кое-кто из них и пытался. Но у многих были семьи на севере, и раз в неделю им разрешали навещать родных в городке Ринкон.

— Знаешь, папа, я не хотела бы здесь жить. — Оушен говорит уверенно, как будто приняла решение раз и навсегда.

— Ну и хорошо.

— Здесь очень грустно.

— Согласен.

— Как мамочка. — Она выходит из хижины, садится на землю рядом с Сюзи, облокотившись о розовую стену, смотрит на ровное, безмятежно-синее море.

Так они и сидят втроем, подставив лица солнцу и морскому ветру. Он видит, что Оушен, как и он, пытается найти объяснение случившемуся: почему их дом снесло гигантской волной? Почему волна пришла с горы? Где ее мама? Почему взрослые дяди жили в детских домиках? Как ящерицы могут плыть по морю на деревьях? Его маленькая дочка сидит на краю земли, пытаясь познать жизнь. И пока они оба справляются с жизнью. Но еле-еле.

* * *

Они едут обратно на север, в сторону Кралендейка. Вдоль дороги высятся огромные горы белой соли. На этот раз Оушен обращает на них внимание.

Он притормаживает, спрашивает ее:

— Правда, они похожи на лунную поверхность?

Дочь согласно кивает.

— Люди-рабы построили эти белые горы? — спрашивает она.

— Да, но тогда горы не были такими высокими. Рабы доставали соль из моря, свозили ее к пристани, а затем торговые корабли увозили соль в другие страны. Когда корабли вставали на якорь, к ним подводили узкие мостки, что-то вроде трапа. По этим мосткам рабы бегали туда-сюда с корзинами соли на головах.

— Куда же уходили корабли?

— В Голландию прежде всего, ведь эти земли когда-то принадлежали Голландии, а голландцы обожают соленую селедку.

— Голландцы?

— Да.

— Гондоны голландские!

— Что? — От неожиданности он сбавляет скорость. — Что ты сказала?

— Голландские гондоны вот что!

— Оушен, где ты набралась таких слов?

— Альфонс так их называет.

Альфонс? Он смутно вспоминает разговор на пирсе. Да, Альфонс что-то сморозил, но Гэвин не помнит, что именно, так он стремился поскорее убраться оттуда.

— Что именно сказал Альфонс?

— Что голландские гондоны продают задницы америкосам.

— Во-первых, это неправда. А во-вторых, прекрати говорить это слово. Это очень грубое слово.

— Голландские гондоны, ха-ха-ха!

— Оушен! Такие слова на Бонэйре произносить нельзя, это неприлично, поняла? Альфонс очень сильно ошибается. Он сам гондон, этот Альфонс! Ясно тебе?

— Нет, не ясно.

— А должно быть ясно! И нечего со мной спорить!

Оушен надувает губы и отворачивается к окну.

Он тоже надувает губы.

Их уже не волнуют соленые белые горы, каждый смотрит в свое окно. Они проезжают мимо целых стай фламинго, чудесных розово-серебристых завитков из тонких ног-спиц и пушистых перьев, собирающих креветок на залитых водой

полях. Оба молчат, пока Гэвин не задается вопросом, а не он ли сам главная задница?

Недалеко от Кралендейка он паркует машину рядом с казино. Оушен уснула в своем кресле, но теперь просыпается — они видят, что «Ветер в ивах» пришвартован у пристани. Сейчас пять вечера, на катере копошатся Лулу и капитан с ирокезом.

— Пошли поздороваемся, — предлагает Гэвин.

Сюзи топает за ними к причалу, заметив капитана, фыркает, раздражается радостным лаем — они встречаются как старые друзья. При виде Лулу Оушен снова смущается, но Гэвин берет ее за руку.

— О, это вы! Привет! — радуется Лулу. — Как ваши дела?

— Хорошо, спасибо. Немного сонные, но довольные. Спасибо вам за вчерашнее путешествие. Нам очень понравилось.

Оушен кивает.

— А хотите пойти с нами в море сейчас?

— Прямо сейчас?

— Да, мы иногда выходим в море по вечерам. Ко мне брат из Тринидада вчера приехал, я хочу показать ему риф. Ну что, рискнете? Тут собрались одни земляки.

Гэвин смотрит на пришвартованный к причалу огромный катамаран.

— Только мы поедем?

— Да, и еще Чарльз. — Лулу кивает в сторону татуированного капитана.

Ах, так его зовут — Чарльз? Гэвин улыбается: это строгое имя не подходит к образу шкипера с ирокезом. Но почему бы и нет?

— Ну что же, поехали! — Держа на руках Оушен, он шагает на кат.

Девочка рада встрече с капитаном. Сюзи тоже переносят на борт.

— Приятная неожиданность, — улыбается Гэвин. — Мы-то просто остановились на минутку, ехали обратно на яхту поужинать.

— Что у нас на ужин? Ромовый пунш! Угощайтесь.

Спустя десять минут они уже плывут в сторону острова Клейн-Бонэйр: на палубе Лулу, ее брат, его жена и они с Оушен. Чарльз молча сидит на руле, не снимая зеркальных очков, и Гэвин испытывает миг острой зависти, который, впрочем, сразу проходит — приятно оказаться среди земляков.

Они говорят о карнавале, кто как собирается одеться, о Рождестве, о том, каково живется на Бонэйре, что и правда весь остров сейчас находится под охраной, и вода, и суша. И как Ивана Трамп хотела купить Клейн-Бонэйр и построить на нем казино, но ей не позволили, и сейчас — слава богу! — остров принадлежит народу, и так будет во веки вечные. Пунш течет рекой, Гэвин чувствует, как уходит напряжение, слипаются глаза, волнами наплывает радость, по крайней мере, рядом с Лулу чувство радости его не покидает.

Оушен села между ним и Лулу и не сводит с девушки глаз. Лулу хорошенькая, молоденькая, с гладкой, сияющей кожей. Когда разговор на минуту затихает, Оушен вступает со своими вопросами.

— У вас есть муж? — спрашивает она.

«Заткнись, Оушен, прошу тебя!» — Гэвину страшно неловко, но Лулу добродушно улыбается:

— Да, у меня есть муж.

— А дети у вас есть?

— Есть, трое. Два мальчика и маленькая девочка вроде тебя.

Гэвин закатывает глаза в молчаливом извинении. От рома он размяк, даже не пытается удерживать дочь.

— У меня есть мама, — продолжает Оушен.

Лулу кивает. Она внимательно слушает, даже капитан по имени Чарльз вроде бы прислушивается к их разговору, так же как и брат Лулу.

Лицо Оушен розовеет от волнения.

— Из-за наводнения моя мама потерялась, — начинает она. Видимо, она уже придумала свою легенду, ей надо произнести ее вслух. У Гэвина начинает щипать в глазах. — Она стала русалкой. Теперь она живет с моей бабушкой Джеки, той бабушкой, которая ее мама. Это случилось, когда умер мой братик. Она ждет, когда он вернется домой. Она ждет нас в Тринидаде. Она вяжет братику носки, поет песни и каждый день плавает в бассейне у бабушки Джеки, потому что превратилась в русалку. Мы пошли в море на яхте, чтобы ее найти.

— Оушен, — шепчет он, — довольно, милая. Хватит.

Он смотрит на Лулу и одними губами произносит «Простите!», но Лулу качает головой.

Чарльз поднимает очки на лоб, и они все смотрят на него.

— Мой брат тоже погиб, — говорит Чарльз, обращаясь к Оушен. — Неудачно нырнул. Это случилось много лет назад. Он тоже стал русалкой.

— Правда?

— Да, и я знаю, что он плывет рядом каждый раз, когда выхожу в море.

— И я! — Оушен оживает. — Мой братик тоже рядом, он плавает вместе со мной.

— Да, я тебя хорошо понимаю, — кивает головой Чарльз.

— Иди сюда, ду-ду. — Гэвин крепко прижимает дочь к себе.

Она послушно дает себя обнять, но смотрит на Чарльза. Девочка рада, что рассказала им о себе и что такой большой взрослый дядя с ней согласился. Гэвин уверен, что Клэр тоже понравилась бы такая версия событий.

Они подходят к острову.

— Ну а теперь кто хочет посмотреть на черепах? — спрашивает Лулу.

— Я! — кричит Оушен.

— И я! — поддерживает ее Гэвин.

Через несколько минут все уже экипированы и барахтаются в воде. Сейчас ранний вечер, на рифе не так много рыб, и море кажется более просторным. Лулу ныряет в глубину, показывает рукой — вначале они ничего не видят, но затем, приглядевшись, замечают небольшую коричневую черепаху, спрятавшуюся в кораллах. Голова у нее желтовато-коричневая, похожая

на булыжник. Черепаха выбирается из своей пещерки и, неторопливо шевеля лапами, проплывает мимо них, как большое летающее блюдо.

Весь следующий час они плавают с черепахами — тех штук двадцать, а может быть, тридцать. В это время суток они любят прогуливаться на глубине. И снова Гэвина поражает, как море ставит все с ног на голову: с яхты оно выглядит как зыбкая земля, а снизу из-под воды — как голубое небо, наполненное нежными черноглазыми рептилиями, безмолвно помахивающими плавниками-крыльями.

Глава 9

«КУДРЯВЫЕ КИСКИ»

Целых две недели они проводят на Бонэйре — *bo'ne:ra* означает «низкая страна».

Они с Оушен путешествуют, забираются высоко в горы, паркуют машину там, где отмеченные желтым камнями обещают хороший вид, любуются на море. А днем плавают на рифе, ныряют в разных точках западного побережья. Во время купания они обычно оставляют Сюзи на пляже.

Под водой перед ними открываются целые коралловые города, богато украшенные фасады, принадлежащие *ancien régime* — старому режиму. Пряничные домики, свисающее с резных балконов белоснежное кружево; купольные башни, шпили, причудливые виньетки, которые и сегодня можно найти в домах Вест-Индии, где до сих пор сохранились стили барокко и рококо. Все эти постройки выполнены самой природой из кораллов, от них слезятся глаза, потому что кораллы действуют на оптический нерв своими флуоресцентными охристыми и пурпурными окрасками.

— Папа, а знаешь что? — говорит Оушен однажды по дороге домой.

— Что?

— Жизнь-то налаживается!

Гэвин смеется:

— Я рад.

— А у тебя жизнь налаживается?

— Да.

— Я люблю рыбок, — говорит она.

— И я тоже.

— Они же как люди.

— Правда?

— Да. Они вечно спешат по своим делам. И они такие милые.

— Ну а еще почему?

— Они живут в воде.

— И?

— И никогда не утонут в ней.

— О, я как-то не думал об этом.

Оушен смотрит в окно, довольная. Кажется, она постепенно примиряется с наводнением, начинает получать удовольствие от этого путешествия. Но Гэвину все равно не по себе: она еще очень мала, его дочка, совсем крошка. А волна была слишком большой.

Они едут на север, приезжают в старинный городок Ринкон, где когда-то жили рабы. Сегодня здесь открыт уличный базар. Гэвин покупает венесуэльский пирог из кукурузной муки — такие продают и у них в Тринидаде, — и еще они осматривают огромный черный голландский байк, выставленный на продажу.

Дальше к северу пейзаж меняется, земля становится бугристой, как будто остров выталкивает вверх огромные куски горной породы, образующей неровные террасы и скалы, где полно пещер летучих мышей. По обочинам высятся трезубцы и свечи

кактусов, в зарослях клещевины — из ее семян делают касторовое масло — пасутся дикие козы. Иногда на земле шевелится огромный серый хвост: это папа-игуан уползает в подлесок.

— А почему земля такая неровная? — Оушен смотрит на вывернутую в небо скалу, как будто пытающуюся сделать рывок вверх.

— Иногда земля двигается, — объясняет Гэвин.

Ему не хочется рассказывать ей о землетрясениях.

— Как корочка на мамином пироге, — замечает она.

— Действительно похоже.

— Это из-за землетрясения?

Гэвин притормаживает, бросает на дочь косой взгляд.

— Просто иногда земля начинает смеяться, — говорит он.

— Смеяться?

— Да, и вертится с боку на бок в своей постели.

— Неправда! Я тебе не верю.

— Не хочешь верить, не надо.

— Земля не может смеяться, — качает головой она.

— Может быть, ты просто пока этого не слышала.

— Ха-ха-ха, — произносит Оушен без тени улыбки. — Вот так?

— Ого, ну и сарказм!

— Что такое сарказм?

— Неважно. Земля умеет смеяться, ты просто раньше об этом не знала.

— Мне только шесть лет, — говорит она.

— Вот именно.

— А когда я вырасту, я услышу, как смеется земля?

— Да, только если будешь внимательно прислушиваться.

— Странно как-то, — пожимает плечами Оушен.

Продвигаясь все дальше на север, они достигают плоского озера Гото, где микроклимат совсем другой, а пейзаж напоминает средние широты, как в Ирландии или Канаде. Здесь хранятся огромные металлические чаны с рафинированным маслом, которое Уго Чавес продает остальному миру.

В Кралендейке они ужинают бургерами и жареной рыбкой ваху. Гэвин теперь не готовит на яхте — слишком жарко. На набережной Кралендейка тоже есть фламинго, но они выложены из морской гальки на тротуарах. Вечерами группы подростков учат друг друга танцевать сальсу.

Везде слышится креольский говор, папьяменто, которого раньше он не встречал, — смесь португальского, африканского и нидерландского. Понять этот язык невозможно, на нем говорят только здесь, на островах Эй-Би-Си. Как он смог выжить в современном мире? Ведь язык — вещь очень хрупкая, эфемерная. Но папьяменто не погубили ни запретившие его когда-то голландцы, ни американские фильмы, ни видео «Ютьюба». Его придумали рабы для собственной защиты, его правила менялись как будто сами по себе. Это один из сотни других национальных языков Карибского бассейна. Он был изобретен для того, чтобы белый человек не смог понять, о чем говорят черные, и теперь белым людям самим приходится его учить.

Они с Оушен с легкостью вписались в местную тусовку: стали мягче друг к другу и к окружающим, как будто морская вода растворила покрывавшие их иголки. И оба поздоровели физически. Со дня их бегства прошло несколько недель, они загорели, их ноги и руки покрыты укусами комаров, волосы выгорели на солнце, и у обоих немного нездешний, мечтательный вид. Дочка вообще чувствует себя здесь как дома. А он? Гэвин не ожидал, что, пытаясь спастись, откроет для себя новый космос — океан.

Клайв, Петала, Джеки, его собственная мать Одри остались далеко позади, за тридевять земель, в тридевятом царстве. «Когда-нибудь мы пойдем на запад!» — часто говорил Клайв во время их походов на «Романи». «Пошли на запад, приятель!» — но они никогда далеко не заходили. Проблема не в том, чтобы дойти, а в том, как вернуться обратно против ветра, против течения. Это их и останавливало тогда.

Ну а сейчас он здесь, заново обследует острова, которые сильно изменились, но он знает, что они являются частью единого огромного архипелага.

* * *

Они выдвигаются в сторону Кюрасао на рассвете. На календаре середина декабря 2010 года. Ближе к полудню, спустив паруса, они заходят в лагуну *Спаанс Вотер*, «Испанские воды», включают двигатель, идут мимо огромного отеля «Хаятт» с тремя сотнями номеров, в которых могут разместиться целые фирмы. Лагуна представляет собой водное пространство размером с поле для гольфа. Это

настоящее сердце Кюрасао, само название которого, по мнению некоторых, происходит от испанского слово *corazón*, что значит «сердце».

Хотя Гэвин не планирует надолго задерживаться здесь, он находит для «Романи» причал стоимостью всего в десять долларов за полгода. Их окружают суперяхты, у кромки воды высятся принадлежащие миллионерам виллы. Когда Карибы называют игровой площадкой для богатых, люди имеют в виду именно это место, Спаанс Вотер на Кюрасао, где богачи прячутся от окружающего мира.

Однако Гэвин поражен, насколько скромно выглядят жилища богатых мира сего. Суперяхты не скроешь, конечно, а вот виллы на побережье весьма умеренны по размеру, сидят низко над водой, некоторые обшитые вагонкой фасады выходят прямо на воду, и к ним ведут узенькие мостки. Заросшие травой лужайки выглядят уютно, по-домашнему, как будто люди действительно живут здесь, а не приезжают только сорить деньгами. И никаких признаков американского шикарного безвкусица, пошлости «новых денег». Этот уединенный мир избранных открыт и для обычного моряка. А за просторами лагуны возвышаются башни нефтеперерабатывающего завода в Виллемстаде, изрыгающие потоки черного дыма.

Уго Чавес арендует у голландцев этот завод, здесь он перегоняет нефть. Гэвин не раз слышал, что Чавес только и ждет, чтобы присоединить острова к своему государству. Если он только попробует... это будет означать войну на Карибах.

Надув шлюпку, они пристают к ближайшему пирсу. Им предстоит пройти пограничный контроль

в Пунде, посетить супермаркет, прикупить нужных мелочей в Салине... Дел накопилось немало. На пристани собралась небольшая толпа — все обступили мужчину и мальчика, которые прямо на деревянных мостках разделяют серо-голубую барракуду.

Гэвин и Оушен тоже подходят поближе. У мужчины загорелая до красноты кожа, длинные волосы забраны в хвост, торчащий из-под бейсбольной кепки. Мальчику около одиннадцати лет, они общаются друг с другом на папьяменто. Оушен пробирается сквозь толпу, садится на корточки, не сводя глаз с рыбы со вспоротым брюхом.

— Вы будете ее есть? — спрашивает она мужчину.

— Конечно, крошка! — отвечает тот по-английски.

Уголки губ Оушен опускаются в гримасе неодобрения.

Гэвин наблюдает за процессом разделки рыбы, чувствуя смутное беспокойство. Рыбалка вообще дело кровавое: тут есть и борьба, и смерть, и кровь. В молодости он и сам ходил на крупную рыбу, вытягивал и тарпонов, и небольших рифовых акул, и барракуд. Но пока он не бросает леску с крючком за корму «Романи», ему и так хватает хлопот с ребенком и собакой.

Мужчина сует руку рыбе в брюхо, захватывает внутренности, вытягивает их; нежные петли кишок выпадают наружу — белые, розовые, сероватые. Что-то в этом процессе смертельной чистки поражает Гэвина так, что начинает щипать в глазах. Одним движением мужчина сметает блестящие скользкие внутренности в воду.

Гэвин видит, что лицо Оушен побелело. Мертвая барракуда наблюдает за ними немигающим черным глазом. Им пора уходить.

— Оушен, пошли, — говорит он.

— Я хочу посмотреть.

— Мы уходим.

Он берет ее за руку, слегка тянет, но она не двигается с места.

— Ну вставай уже! Мы же собирались в магазин за покупками.

Оушен медленно поднимается на ноги.

Теперь мужчина держит длинное рыбье тело за жабры, а мальчик поливает на барракуду водой из ведра. Рыба выглядит как пустой чемодан, только черный глаз все так же блестит и все так же уставлен на них. Сами рыбаки не обращают на зрителей внимания; для них это просто улов, за свою жизнь они разделали сотни рыб. Они разговаривают друг с другом на равных, Гэвин замечает, что мальчик называет мужчину по имени — Рафаэль, а не «папа», хотя паренек — копия мужчины в миниатюре и явно во всем ему подражает.

Только теперь до Гэвина доходит, почему при виде их ему захотелось разрыдаться в голос или убежать. Или закричать. Потому что у него никогда не будет сына. Он потерял этот шанс. Не будет совместной рыбалки и разделки рыбы тоже не будет.

Он тянет Оушен за собой, и на этот раз она, не сопротивляясь, позволяет себя увести.

— Папа, рыба стала пустая.

— Да.

— Мне ее так жалко!

— Мне тоже.

В Салине они заезжают в «Бургер Кинг», потому что это автокафе и не надо выходить из машины, и съедают по огромному гамбургеру, скармливая остатки Сюзи.

В Салине есть три больших такелажных магазина. В одном Гэвин покупает более подробную карту островов Эй-Би-Си, лампочку, заплатки для шлюпки (она явно где-то протекает), новую портативную систему УКВ — старая вот-вот отдаст концы.

В Пунде, более ориентированном на туристов районе Виллемстада, они проходят пограничный контроль и таможеню, затем некоторое время бесцельно слоняются по улицам. В магазинах продают бриллианты и трусы от Келвина Кляйна, везде торгуют цветным ликером «Кюрасао»: оранжевым, зеленым, синим, красным. Правда, вкус у него всегда один — апельсиновый. «Синий Кюрасао» — одно название вызывает боль в печенке и глубокую печаль.

На береговой линии дома старые, построены в стиле барокко, с голландскими фронтонами и завитушками, похожими на напомаженные усы. Раньше они использовались как склады, а нынче выкрашены в нарядные пастельные цвета.

Из Пунды до Отробанды, что означает «другая сторона», через пролив Святой Анны перекинут качающийся мост. Они наблюдают, как мост медленно раскачивается вперед-назад, как в гавань входит баржа и, пыхтя, двигается по проливу внутрь острова. У огромной пристани пришвартован многоярусный, словно торт, круизный лайнер «Миллениум», обшитый голубой сталью.

Мост перестает качаться, и они решают перейти на другую сторону.

По пути Оушен разговаривает сама с собой:

— Мамочка, мы сюда приплыли на яхте, и Сюзи тоже с нами...

Время от времени она начинает бормотать, и он не мешает ей: ведь это ее душа, разум и сердце говорят одновременно.

— С нами все в порядке, — продолжает объяснять дочка. — Мы едем в путешествие. Папа говорит, что земля умеет смеяться, а я ему не верю. Я видела дельфинов. Я больше не хожу в школу. Сюзи мой лучший друг. Я видела розовый дом. Я сюда сама приплыла. Я помню наводнение, мамочка. Ты поправишься. Мы уехали в далекий город, он называется город сердца. И он в форме сердца, так папа говорит.

Гэвин сжимает дочери руку. Он и сам точно так же разговаривает с собой. Солнце снова садится, небо розовеет. Такое знакомое зрелище — закат на Карибах.

В Отробанде царит другая, более привычная им атмосфера, — здесь старинные фасады, не дождавшись ремонта, осыпаются, как в некоторых центральных районах Порт-оф-Спейна. Они подходят к просторной площади, где собралась толпа молодежи. Спортивного вида юноши выполняют сложные трюки: ходят на руках, делают сальто назад через голову, крутятся на голове, двигаются лунной походкой Майкла Джексона, шлепаются грудью прямо на асфальт, останавливая тело всего в нескольких сантиметрах от земли, и продвигаются вперед спазмоподобными толчками на манер гусениц. Оушен в восторге хлопает в ладоши и вместе с отцом продвигается ближе к центру толпы.

Из установленных на асфальте колонок, подсоединенных к бумбоксу, льется американский хип-хоп. Молодые люди — все черные, в кроссовках и вязаных шапочках, у некоторых на ногах наколенники, другие перебинтовали себе локти. Гэвин снова удивлен, он не ожидал увидеть столько брейк-дансеров здесь, в центре Кюрасао. А кого же он ожидал увидеть? Настоящих голландцев, белых женщин в сабо с покрытыми платками головами, пекущих ржаной хлеб? Возможно, но уж никак не этот Гарлем, не черных парней, напоминающих молодых бычков на rodeo. Мимо них на большой скорости пролетают юноши и девушки на скейтбордах.

— Пойдем, ду-ду.

На центральной улице блестят и сверкают неоновые рождественские украшения, подмигивают рекламные плакаты. И верно, ведь через несколько дней наступит Рождество! Но ему не представить себе праздник, они как будто зависли в неопределенном времени. Для них не существует календарных дат, они купили себе право бездумно бродить по улицам, глядя по сторонам, не думая о днях недели. Темные подворотни патрулируют тощие бездомные собаки, и Сюзи то и дело натягивает поводок.

Около парадных дежурят мрачные люди в черном, тут не встретишь выложенных галькой фламинго. Здесь полно баров, закусовых и рюмочных, бутиков и киосков, где продают лотерейные билеты. На тротуарах в открытых кафе люди пьют пиво и газировку с лаймом, некоторые стоят, задрав одну ногу и оперев ее о стену — привычная для Карибов поза мужчин всех национальностей. Здесь и казино

имеется, правда, в другой стороне. Бритый мужчина с томными глазами улыбается ему с откровенным призывом.

Оушен зачарована этим местом, да и Гэвин тоже. Здесь все так напоминает креольский замес Тринидада, где грани старого мира стерлись, изменились до неузнаваемости. Та же атмосфера царит в Гаване, Джорджтауне, Порт-оф-Спейне, Виллестаде, где грандиозные старинные здания обрушиваются прямо на улицы, некоторые даже приходится укреплять досками. На крышах растут деревья, барочные вывески прошлой эпохи стерлись и заменены неоновыми — «Крейзи» и «Секси бэби».

— Здесь как дома, да, папа? — замечает Оушен.

— Ага.

— Только все говорят на этом смешном языке.

— Это папьяменто.

— А мы на каком языке говорим в Тринидаде?

— На английском.

— Но не все говорят на английском!

— Почему? Все говорят.

— Не все люди в городе.

— Представь себе, это тоже английский.

— Городской английский?

— Что-то в этом роде.

— А мы раньше говорили на голландском языке в Тринидаде? — После «голландских гондонов» Оушен впервые снова поднимает тему голландцев.

— Нет.

— А почему не говорили?

— Потому что голландцы не доплыли до Тринидада.

— А капитан Ахаб был голландцем?

— Нет.

— А кем?

— Американцем.

— Он был толстый?

— Нет.

— Ахаб доплыл до Тринидада?

— Нет, детка. Его вообще не интересовали Карибы. Он гонялся за китами.

Уже совсем стемнело, и небо потускнело до темно-серого цвета. Под крышами опустевших зданий мелькают летучие мыши.

— Пить хочешь? — спрашивает Гэвин.

— Да.

Они покупают холодную колу в рюмочной, садятся на улице под обширным зонтиком. Здесь шумно, полно народа. Вдруг Гэвин видит тех самых мужчину и мальчика, что потрошили рыбу на причале: они сидят за соседним столиком. Мужчина встает, чтобы заказать что-то у бара, и оставляет сына в одиночестве. Оушен тоже замечает его и сразу включает свой образ Бетти Риццо: буравит незнакомца надменным взглядом за убийство рыбы. Мальчик, не мигая, буравит взглядом ее в ответ.

— Оушен, води себя прилично! — предупреждает Гэвин.

Пацан встает, подходит к ним.

— По-английски говорите? — спрашивает он.

Они кивают.

— Рафаил тоже говорит по-английски. — Он явно заинтригован поведением Оушен, рассматривает ее как какую-то неведомую, но занятную зверушку.

Мальчик застревает у их столика, они с Оушен начинают строить друг другу гримасы. Появляется

отец с пивом и стаканом колы, подходит к ним. Похоже, он их тоже вспомнил.

— Привет, малой не слишком вас достает?

— Все в порядке, — улыбается Гэвин. — Похоже, наша молодежь уже влюбилась друг в друга.

— Ха! Это правда, ему нравятся молоденькие. — Мужчина говорит с американским акцентом. — А это вас мы видели сегодня утром на причале?

— Да. Хорошую рыбу вы выловили, большую. — Гэвин снова чувствует непонятный укол в сердце.

Эти двое — команда, союзники, мальчик ведет себя в присутствии мужчины с молчаливой, но уверенной грацией. А мужчине, похоже, нравится, что Оушен старается строить из себя крутую даму.

— Я — Рафаил, — он протягивает руку. — А это мой сын Джон.

— Гэвин, а это Оушен.

— А, названа так в честь моря.

— Да.

— Ты любишь море, крошка?

Оушен кивает.

— А что тебе больше всего нравится в море?

— Рыбы.

Гэвин улыбается.

— Я тоже люблю рыб, — ухмыляется Рафаил.

Оушен кривит губы с негодованием старой монахини, и Рафаил раздражается смехом.

— Что это с ней?

— Не знаю, — пожимает плечами Гэвин. — Она иногда бывает...

— А, вся в мамочку?

Гэвин холодеет.

Оушен хмурится и высовывает язык.

— Смешная у тебя девчонка!

Как же Гэвин соскучился по разговору на равных, особенно со взрослым мужчиной! Рафаил и Джон присаживаются за их столик, заказывают еще выпивки. Рафаил настаивает, чтобы Гэвин попробовал *штобу* — разновидность мясного рагу с рисом и горошком. Разговор течет непринужденно. Гэвин выясняет, что Рафаил родился в Колумбии, переехал на Кюрасао еще ребенком вместе с родителями. Даже поступил в университет в Нидерландах, но вылетел оттуда и завербовался в голландскую армию — там он выучился стрелять и водить танк.

— Вау! — Гэвин впечатлен.

Рафаил производит впечатление человека, крепко стоящего на ногах. Такой не будет спасаться бегством, не будет отбывать офисную повинность с девяти до шести, и он не смотрит на часы, опасаясь, что опоздает к жене на ужин. И в то же время Гэвину хочется задать вопрос, который вертится у него на языке: а где же жена-то? Где мать мальчика? Почему отец и сын болтаются по миру вдвоем?

Но он не спрашивает, вместо этого позволяет себе напиться. Всего-то три кружки пива, и он уже хорош. Оушен так и засыпает на стуле, положив голову на стол, под которым Сюзи во сне дрожит и сучит лапами, охотясь на кошек.

Джон уходит куда-то в угол, не мешает отцу общаться. Проходит еще час, еще пара кружек пива, и Гэвин неотчетливо соображает, что не сможет сесть за руль и вернуться обратно, в гавань. Он даже

не помнит, где оставил машину, не говоря уже о яхте...

* * *

Гэвин приходит в себя на пассажирском сиденье белого фургона Рафаила. Оушен и Джон спят на скамейке в пассажирском отсеке, Сюзи похрапывает на полу. Они стоят на огромной парковке. Одиннадцать вечера. Он так не вырубался с того дня, как заснул, стоя в офисном туалете. Зачем он так напился? Голова гудит.

— Где это мы? — хрипло спрашивает он Рафаила.

— В Кампо Аллегро. Это «Хэппи кэмп».

— А что это такое?

— Да просто курорт. Ну, мужик, ты и спать! Так сильно устал?

— Мне уже лучше, — Гэвин потягивается, зевает.

— Да ты и выглядишь лучше. Ладно, не буду задавать лишних вопросов.

— Лучше не надо.

— Слушай, мне кое-кого надо тут повидать. Не надолго, о'кей?

— О'кей. Я посторожу.

— Да ладно тебе, не глупи. Пошли со мной, с детишками все будет в порядке, у Джона есть мобила на всякий пожарный. Давай поднимайся.

— Ты серьезно?

— А как же! Это место охраняется, тут везде сигнализация. Ворота заперты и все такое. Я здесь ночевал много раз, уж поверь мне. Самая охраняемая парковка на всем острове.

— Тут все выглядит как в армейском бараке.

— Так это и были бараки. Когда-то.

И правда, повсюду ходят мужчины в армейской форме.

— Нет, я не могу оставить дочку. Ее мать удар бы хватил... Да ладно, что это я. Я остаюсь, а ты иди.

— Хорошо, хорошо. А если я позову мою кузину Лейлу присмотреть за детьми? На часик или около того. Тогда пойдешь?

— Кузину?

— Да, у меня их целых три. Они все здесь работают: Лейла, Тина и Марианна. Хорошие женщины. Они тоже из Колумбии, а Лейла — сама мать, уж поверь мне. Хорошая мать, как мама твоей девочки. Давай пошли, я куплю тебе выпить.

Снова выпить? Но почему бы и нет? Когда он позволял себе радоваться жизни? До того, как женился? Гэвин замечает, что его голова радостно кивает сама по себе.

Рафаил воспринимает это как согласие, вытаскивает телефон, что-то говорит в рубку по-испански. Через несколько минут появляется Лейла, пухленькая, симпатичная, в обтягивающих джинсах и куртке со стразами. Темно-карие глаза обведены синим, как крылья бабочки-махаона, но смотрят серьезно. Она кивает Гэвину, садится на его место, открывает журнал «Хэлло!».

Пройдя по лабиринту улиц, они останавливаются перед дверью, возле которой выстроилась небольшая очередь из мужчин. Всех тщательно обыскивают. И только после того, как они входят внутрь, Гэвин наконец понимает, где оказался.

— Это что, бордель?

— Да.

Они стоят посреди дворика в окружении откровенно одетых женщин. Их соскй закрывают крошечные разноцветные лепестки, между ног протянуты узкие полоски ткани. Некоторые щеголяют жилетками из ленточек, на других — мини-юбки и олени рога, кто-то вообще обернул себя мишурой наподобие рождественской елки... И на всех — туфли на высоченных каблуках. Девушки в основном темнокожие, совсем юные, их длинные волосы распущены, голые ноги натерты ароматическими маслами. Они выглядят потрясающе: сильные, как амазонки, и одновременно грациозные и нежные, внушающие и страсть, и ужас.

Посредине дворика расставлены столы как для пикника, женщины пританцовывают под музыку на небольшом танцполе, над ним развешаны плазменные экраны. На одном экране голую белую женщину с бритым лобком сзади обнимает мужчина. Она стонет от наслаждения, просит продолжения. Внезапно Гэвин ощущает движение там, где не чувствовал ничего уже много месяцев.

— Вау! — восклицает он.

— Вот именно! — откликается Рафаил.

Сам Гэвин общался с проститутками только на мальчишнике перед собственной свадьбой. Обычно в этих случаях нанимают двух-трех профессионалок, которые исполняют для жениха приватный танец с раздеванием, а затем натирают его пеной для ванны. И на его мальчишнике такое было — он не смог убедить друзей в том, что это его не интересует... Но вот так, наедине с проституткой, Гэвин не был ни разу. И не видел ничего подобного.

— Расслабься, проституция здесь легализована, — заявляет Рафаил. — Это огромная кормушка для птичек, самая большая на Карибах. Тут работают около ста пятидесяти женщин. И мои кузины тоже подвизаются на постоянной основе. Во-первых, здесь безопасно, а во-вторых, платят очень хорошо, причем наличкой.

Как раз в этот момент к ним подплывает девочка-женщина, покрашенная и максимально обнаженная — на ней только флуоресцентные стринги и микроскопический топ, на голове — серебристый парик а-ля Клеопатра. Ей около восемнадцати, и такое впечатление, что она только что вернулась с бразильского карнавала.

— Моя кузина, — с гордостью представляет ее Рафаил. — Тина, это Гэри.

— Гэвин, — поправляет он.

— Ну да, Гэвин. Он приехал из Тринидада. Может быть, познакомишь его с подружками?

— Нет, не надо! — Гэвин поддается панике.

— Но почему же?

— Я это... вы понимаете... Я слишком толстый.

— Ну ты даешь! — Рафаил раздражается смехом. — Вес еще никому не мешал заниматься сексом.

— Рафаил, а сам-то ты женат?

— Да, и счастливо! Моя жена — шкипер, она знает, что кузины здесь работают, знает, что я иногда навещаюсь сюда.

— Классная у тебя жена.

— Согласен. А твоя не такая?

— О, это долгая история...

Они направляются к бару, Рафаил заказывает два пива и по рюмке текилы. К ним присоединяются подружки Тины; одна садится Гэвину на колени, на ней красные стринги, а грудь прикрывают лишь красные лепестки. Удивительно дело — лепестки не падают, но когда Гэвин спрашивает почему, девушка молча улыбается, видно, не понимает по-английски.

Пиво течет рекой, и вскоре Гэвин уже танцует с девушкой в красном, а его член распирает брюки. Он ведь так и не переоделся с утра — настоящий моряк: с плавания сразу отправился в бордель. Гэвин чувствует что-то вроде любви к партнерше по танцу. Ему хочется обнять ее, помахать перед ней своим членом, рассмешить, как когда-то смешил жену. Он прижимается к ней, заставляет член покивать, но девушка не смеется, лишь вежливо улыбается.

— Вы хотите иметь секс со мной? — спрашивает она.

— О... Да. Я бы хотел. Но, наверное, мне надо сказать нет. Я ведь женат.

— Я хорошо делаю секс.

— Я в этом не сомневаюсь.

Она кладет руку на его вздыбленный член, улыбается хищной, волчьей улыбкой. Эрекция сразу спадает.

— Видишь? — смущенно произносит Гэвин. — Он снова мягкий. Я женат, и моя жена следит за нами.

Она с деланным ужасом смеется. Они снова начинают танцевать, с каждым шагом все ближе к бару, но тут к ним подходит Рафаил.

— Пойдем со мной, — говорит он. — Тина пригласила нас к себе выпить.

— Пойдем! — Гэвину весело, он чувствует себя в безопасности. Видимо, его член все-таки принадлежит жене.

Они идут по аллее, которая называется «Кудрявые киски». Вся улица состоит из маленьких домиков-квартирок. Двери открыты, внутри видны расстеленные кровати, на порогах сидят девушки всех цветов и мастей, полненькие, худенькие... Кто-то принимает душ, кто-то валяется на постели, обнимается с подружками. А некоторые двери закрыты, и над ними горит красный фонарик.

Рафаил заходит в комнату к Тине, садится на стул около кровати. Видно, он сильно накачался, разговаривает с ней по-испански. Гэвину неловко, он идет по аллее дальше, по дороге здоровается с девушками, и каждая по-своему приглашает его: кто-то медленно облизывает губки, кто-то раздвигает ноги, показывая вульву, кто-то сует руку между бедер и начинает себя ласкать. Он улыбается, качает головой: «Нет, спасибо!» — и вдруг утыкается в дверь, у которой стоят три женщины.

На их спинах прикреплены пушистые крылья — черные женщины с белыми крыльями, одна — в прозрачной рубашке. Он видит ее идеальные груди, две черные фиги, соблазнительную выпуклость живота, золотое колечко в пупке. Она приподнимает подол рубашки, вертит перед ним изящными бедрами, а две другие хихикают.

— Хочешь иметь со мной секс? — спрашивает богиня в прозрачной рубашке.

Он не знает, как ответить. Он никогда в жизни не встречал столь божественного, прелестного существа.

— Нет, я в порядке, спасибо.

— Неужели? — Красотка медленно расстегивает пуговицы на рубашке, показывает ему обнаженную грудь: идеальные конусы, оканчивающиеся позолоченными сосками.

Она проводит пальчиком вокруг одного из сосков, и тот сжимается, вырастает вверх. Гэвин чувствует, что тоже растет вместе с этим соском. Как же он соскучился по жене!

— Хочешь меня купить? — спрашивает девушка и, смеясь, исполняет что-то вроде самбы для него и своих подруг.

— Да, — слышит Гэвин свой голос, — да, хочу.

Она берет его за руку, заводит в комнату, поворачивается спиной, и Гэвин, не в силах справиться с собой, падает на колени, погружая лицо в ее плоть, пробуя на язык душистую солоноватую свежесть.

Глава 10

ТАНЦЫ С ДЕЛЬФИНАМИ

Гэвин просыпается на борту «Романи». Солнце лупит в стекло, рядом с ним мирно посапывают Оушен и Сюзи, из пасти собаки несет тухлятиной. Жара прямо-таки удушающая, но он не может пошевелиться, не может вспомнить, что с ним произошло. Как он сюда попал? Голова раскалывается, как будто мозг записнули в слишком маленькую черепную коробку. К горлу подступает тошнота. Он с трудом доползает до палубы, перегибается через борт. Его отчаянно рвет в море. Едва удерживаясь, чтобы самому не упасть в воду, он пытается передохнуть, но его снова выворачивает — наружу вылетает текила вперемешку с пивом и всем тем, что пыталось ферментироваться в его желудке за последние двенадцать часов.

Вернувшись в кокпит, Гэвин валится на скамью, щурится на ослепительное синее небо, набирает в бутылку пресной воды, выливает себе на голову, жадно пьет. Вода стекает по нему волнами одиночества, его трясет, кожа покрывается мурашками. Он не может понять, что чувствует, но по щекам неудержимо ползут слезы. Его тело попало в полосу шторма, его качает то вправо, то влево, рассудок отказывается подчиняться.

Постепенно в памяти всплывают фрагменты прошедшей ночи. Крылатые женщины, господа, их же было трое! Ну и оргию они устроили в маленькой комнатке... Он ведь купил всех троих! С одной занимался сексом у стены; она повисла на его шее, обхватила ногами, подпрыгивала. Это продолжалось довольно долго. Он был в пьяном бреду, но отчетливо помнит, что объяснялся ей в любви, как только что вернувшийся с войны влюбленный солдат. Он даже пел ей. Ну не идиот ли? Пьяный в стельку жирный идиот. Трахал шлюху и пел песни, — боже, как же низко он пал!

Как далеко он сейчас от женщины, которую любит по-настоящему. «Отдайте мне назад мою жизнь, — молит Гэвин, роняя слезы. — Отдайте! Я хочу в свою кровать, домой, в объятия моей жены». А прошлой ночью со шлюхами был не он, а какой-то другой Гэвин. Он вспоминает, как лежал на огромной кровати, и одна женщина сидела на его лице, другая — на члене. Кто они вообще такие, эти женщины? Он не знает их имен, они разговаривали на тяжелом испанском наречии, в основном друг с другом. А он хохотал, орал песни и вообще производил очень много шума.

Там его и нашел под утро Рафаил, без которого он вообще не смог бы уйти от них. Сколько же времени он провел с крылатыми жрицами любви? Они не снимали пушистых крыльев даже во время секса. Он выложил двести гульденов. Рафаил притащил его обратно к фургону, и он заплатил еще и Лейле, за то, что сторожила его спящую дочь и собаку.

Гэвин припоминает, как греб в темноте к яхте и над головой мерцали звезды. Этот секс, эти

женщины... Их соленый вкус до сих пор стоит у него во рту.

Боже милосердный! Он должен срочно возвращаться домой, в Порт-оф-Спейн! Ползти на коленях в свой офис, проситься обратно. Чем плоха была его старая жизнь?

— Папа? — В проеме двери появляется Оушен.

— Да, ду-ду?

— Ты что, болен?

Она выглядит помятой и сонной. Как и он, она любит поспать, как и он, медлительна по утрам. Она подходит к нему, пытается обхватить его маленькими ручонками.

— Да все в порядке, детка. — Он кладет руку на ее шелковистую головку.

— Фу, ты плохо пахнешь.

— Знаю.

— Ты просто ужасно пахнешь, папа.

— Ну, извини.

— А что мы будем сегодня делать?

— Сегодня, — говорит он, слегка сжимая ее, — я отвезу тебя в одно волшебное место.

— В какое?

— Это секрет.

Он пытается вспомнить, какой сегодня день. Воскресенье, да, точно, воскресенье, 19 декабря. Где они оставили машину? Ах, он же сам доехал до пристани. Рафаил высадил его по дороге, прямо около арендованной тачки. К тому времени он немного протрезвел, смог доставить свои сокровища до гавани в целости и сохранности. Ну и дела... Вот почему люди вроде него толстеют, вот почему предпочитают проводить время в офисах, — ведь

скатиться до вчерашнего состояния так просто, были бы деньги. И один бог знает, на какие неприятности можно нарваться.

Но постойте, ведь неприятности начались гораздо раньше, задолго до вчерашнего дня, до проституток, до выкинутого в море мобильного, до отъезда. Он вообще — одна ходячая неприятность. Десять лет жирел на работе, жил не своей жизнью под каблуком у жены... Наводнение в один миг смело его прошлое, как карточный домик.

И что же он сделал после того, как у него отняли жизнь? А ничего особенного: построил новый дом, только хуже прежнего. Пошел обратно в офис, от которого хотелось блевать. Кислый вкус во рту, изжога, шелушащиеся руки, бесконечные чашки кофе... Столько кофе, что даже моча стала темного цвета и изо рта воняло. «Вам пирожок с картошкой, мистер Уилд? Может быть, пончик?» Сколько пончиков он сожрал на завтрак за всю свою жизнь? Миллион? А те вчерашние шлюхи, господи ты боже мой! Он так хорошо не чувствовал себя лет десять, а то и больше. Почему жена никогда не садилась ему на лицо? Почему не носила крылышки во время секса, не золотила соски, не навешивала на них кисточки? Почему не трахала его с такой страстью, чтобы ему хотелось петь?

Он стал совсем не тем, кем хотел. В молодости, когда они с Клайвом ходили в море на «Романи», он был больше похож на себя настоящего. А потом превратился в обычного толстяка, женился на приличной девушке, обзавелся домом и двумя детьми, работал как проклятый, пока пришедшая с горы волна в один миг не разрушила всё.

Вчера он снова, хоть и ненадолго, побывал самим собой.

Он смотрит на дочь и говорит:

— Сегодня мы как следует повеселимся, моя русалочка.

* * *

Лулу рассказала ему об океанариуме на Кюрасао, расположенном рядом с морем: «Обязательно побывайте там, поплавайте с дельфинами!»

Сейчас они стоят в очереди за билетами, на Оушен зеркальные очки и джинсовый комбинезончик. Кажется, она немного подросла за это время, а он похудел: смешно, что он уменьшается в объеме, в то время как этот маленький цветочек стремится ввысь.

— Помнишь тех дельфинов, которых мы встретили в море? — спрашивает Гэвин.

— Да.

— Одних мы видели, когда только отошли от Тринидада, а других — когда пересекали пролив.

— Да.

— Ну а сегодня мы сами поплаваем с дельфинами.

— Как, прямо в море?

— Не совсем, скорее в большом бассейне с морской водой.

Океанариум занимает огромную территорию и часть пляжа недалеко от Спаанс Вотер, рядом с океаном. В разных бассейнах тут живут тюлени, акулы и скаты, их можно покормить, так же как фламинго и черепах. Сквозь высокие стеклянные стены

виден риф с его разнообразием морских рыб. Но Гэвину хочется показать Оушен именно дельфинов.

В маленькой комнате кроме них еще шесть человек: две молодые женщины, наверное подруги, супружеская пара и мать с дочерью. Дочке лет сорок, у нее зеленые волосы и кольцо в носу, у матери трясется голова, как при болезни Паркинсона.

Молодая девушка-инструктор рассказывает, как вести себя с дельфинами: они не любят, чтобы их трогали за нос или катались на них, как на мотоцикле; боятся и нервничают, когда кто-то плещется в воде или издает громкие звуки. Их нельзя тыкать пальцем и скрести ногтями, но им нравятся легкие поглаживания по корпусу.

— И вообще, если ваши вибрации им не по нраву, — говорит инструктор, — они даже не подплывут к вам.

Группу снаряжают ластами и надувными жилетами, и вот уже Оушен сама превратилась в крошечного дельфинчика. Его девочка — дитя водной стихии, в море она чувствует себя как дома.

Они проходят к части аквариума, отгороженной от моря только прозрачной стенкой. На низком моле их ждут три инструктора в гидрокостюмах, а в бассейне плавают шесть дельфинов.

— Круто! — восклицает Оушен, и у него в груди снова начинается что-то подрагивать.

Все осторожно, парами, спускаются в воду. Гэвин держит Оушен на руках. Каждый инструктор закреплен за конкретным дельфином. Отдавая команды, он свистит в свисток или хлопает в ладоши. По хлопку дельфины всплывают в бассейн, и вот они уже снуют между людьми, серо-синие, гладкие.

Один проплывает совсем рядом, и Оушен протягивает маленькую ручку и гладит его по боку. Гэвин тоже дотрагивается до шершавого, как наждачная бумага, бока; кожа дельфина испещрена белыми шрамами, полученными в играх или драках. Дельфин выгибается тугой дугой, взмывает вверх так, что хвост оказывается над водой, обрушивается вниз. И вновь Гэвин поражается силе и гибкости этого животного. Вблизи дельфины представляют собой что-то среднее между тунцом и анакондой, акулой и гусем. Они — трогательные, добродушные создания, но все же не совсем ручные. Считается, что по развитию дельфины достигают уровня восьмилетнего ребенка.

— Ему нравится, когда его гладят, да, пап?

— Мне кажется, да.

— А я ему нравлюсь?

— Очень.

— Он ведь большая рыба, правда, папа?

— Вообще-то, он млекопитающий, как кит. У него теплая кровь, наверное, поэтому ты ему нравишься. Как будто вы с ним одной крови.

Дельфин оплывает их по кругу, внимательно следит круглым темным глазом. На его удлиненной морде ясно написана довольная улыбка, но в пасти скрываются сотни острых зубов. Кажется, Оушен интересна дельфину больше, чем он, и Гэвин ослабляет хватку, отпуская дочку в одиночное плавание. Вскоре они с дельфином уже плавают рядом, морское животное не отплывает далеко от ребенка, а когда Оушен поворачивает обратно к отцу, сопровождает ее, как собака. Вдруг дельфин глубоко подныривает под девочку и, появившись на поверхности,

поддевает ее своим носом и поднимает в воздух. Оушен сидит, как на троне, и визжит от восторга.

Дельфин ныряет в бассейн, затем снова поднимает Оушен высоко над водой.

— Не бойтесь, — успокаивает инструктор. — Это она так играет. Она любит детей.

— Она?

— Да, это самка, у нее скоро свои детеныши появятся.

Дельфиниха теперь пихает Оушен носом, как мячик, свистит, набирает воды и окатывает ее, и когда они вместе приплывают обратно, Оушен прямо светится от счастья, сияет, как раскаленная спираль в лампе. Он рад, конечно, но ему немного грустно, как тогда, на рифе.

Млекопитающие — матери природы, они питают своим молоком детенышей, держат их при себе длительное время. Иногда даже берут на воспитание сирот, сочувствуют им, как и люди. У дельфинов есть свои особенные радары. Наверное, эта будущая мать просканировала и его дочку-сиротку.

— Ну как, русалка, ты не устала?

— Нет!

Весь следующий час они плавают с дельфинами, играют с ними, танцуют. Инструкторы показывают, как приказать дельфину выполнить тот или иной трюк, например двигаться спиной вперед, стоя хвостом на воде.

Затем Оушен забирается Гэвину на спину, и два дельфина катают их по всему бассейну. Гэвин крепко держится за их спинные плавники. Остальные посетители тоже прекрасно проводят время. Кстати, пожилая женщина с Паркинсоном за все это время

умудрилась не намочить волосы: дельфины поднимают ее в воздух, аккуратно ловят и опускают в воду, возят за собой по воде с большой скоростью, а затем притаскивают к молу с сухими волосами.

Усталые и довольные, они выходят наружу, в свой старый мир, отпирают машину, выпускают Сюзи, покупают мороженое. И бродят дальше по океанариуму, через стеклянную стену любуясь на риф и стаи разноцветных рыбешек. В следующем павильоне видят несколько стоящих на одной ноге ручных фламинго. Под ними — мелкий пруд, полный зеленых черепах. Гэвин поднимает Оушен на руки, чтобы ей было лучше видно. Странно глядеть на черепах и фламинго, заключенных в стеклянную тюрьму, ведь еще недавно они наблюдали за такими же на воле.

В пруду копошится огромная зеленая черепаха. Интересно, зачем они держат такую здоровенную особь в маленьком озерце? И вдруг Гэвин замечает, что с животным что-то не так. Вместо передних плавников торчат лишь два подергивающихся обрубка, как будто ей ампутировали передние лапы. Почему-то эти обрубки больно колют в сердце, напоминая ему себя — его незажившая рана тоже причиняет много страданий. Наверное, лапы обрубил какой-нибудь негодяй, *баддджон*, своим кривым ножом или еще чем-нибудь похуже.

Гэвину приходит на память еще одна мучительная картинка: однажды на пляже Лас-Куэвас в Тринидаде он наткнулся на лежавшую на спине огромную черепаху, столетнюю, не меньше. Все четыре лапы у нее были обрублены, но черепаха была еще жива — из-под панциря торчала ее морщинистая доисторическая

голова. Сколько же времени она умирала там, на пляже, под палящим солнцем... И сейчас подергивание обрубков заставляет его покраснеть от стыда, как будто луч совести нацелился на его сознание и копается в нем, выискивая постыдные воспоминания. Оушен тоже замечает раны черепахи.

— Ах, боже мой, папа! — восклицает она. На ее глазах немедленно появляются слезы. — У черепашки ножек нет.

— Точно.

— Бедняжка!

— Да уж.

— Папа, а почему у нее нет ножек?

— Не знаю.

— Может быть, их кто-то откусил?

— Все возможно.

— Ей, наверное, так больно, да, папа?

— Думаю, да.

— Как капитану Ахабу?

— Не меньше.

* * *

Пообедав в Пунде, они бродят по улицам, пока не оказываются напротив высокого, похожего на церковь здания лимонного цвета с изящно вырезанными арочными окнами в голландском стиле. А заглянув внутрь, обнаруживают, что на самом деле это синагога. Рядом с ней, на той же тихой площади, расположены музей и сувенирный магазин.

Привязав Сюзи к столбу на улице, Гэвин берет Оушен за руку и, осенив себя крестом, заходит в прохладный зал синагоги. Ее внутреннее

убранство поражает: на белом песке высятся белые колонны, балкончики верхней галереи выполнены из полированного красного дерева, на сиденьях лежат бордовые бархатные подушки, а в центре установлено подобие алтаря, над которым висит люстра, играющая множеством стеклянных подвесок.

Рядом с входной дверью — заполненная кипами корзина, он выуживает одну маленькую тубетейку, аккуратную, как чепчик, и кладет себе на темя. Достает еще одну для Оушен, накрывает ее спутанные волосы и говорит:

— Теперь тише, детка, в этом месте нельзя разговаривать, только молиться.

Сефардские евреи — одна из достопримечательностей Кюрасао, наряду с брейк-дансерами — потомками рабов, которыми здесь торговали, как специями, ромом, сахаром и солью на большом рынке в Кура-Хуланде, городе на другой стороне острова. Подобно им, евреи являются неотъемлемой частью Голландских островов, но, в отличие от выходцев из Африки, они приехали сюда по собственной воле.

Гэвин опускается на скамью, Оушен усаживается рядом.

— Папа, для чего эти маленькие шапки?

— Это дань уважения, — объясняет он. — Религиозные люди всегда носят шапки. И евреи, и христиане... Даже папа римский носит шапку. Наверное, для того, чтобы душа не выскользнула из головы через затылок.

— Душа?

— Душа, детка. Часть человека, которая отвечает за его жизнь. Как электричество. Душа работает таким же образом: ты ее не видишь, она невидима.

— Как привидение?

— Да.

— А шляпа удерживает душу внутри нас?

— Да, но только в тех местах, где ей легче вылететь. В церкви, например. А так-то душе нравится жить внутри нашего тела.

— У меня внутри живет привидение?

— Нет, душа. Привидение — это тоже душа, которая не смогла улететь на небо, когда отделилась от тела.

— Значит, когда я в шапке, душа не отделится от тела.

— Ни в коем случае.

— Сейчас не отделится?

— Не бойся, не отделится. Шапки напоминают нам, что у нас есть душа и что есть небеса обетованные.

— Поняла, — кивает Оушен.

Какое-то время они сидят молча. Здесь нет разодетых Дев Марий под стеклянными колпаками, нет ничего, кроме благословенной тишины пустого зала, затерянного посреди старого города Нового Света. Гэвин возит босыми ногами по песку и решает себе подумать о погибшем сыне и вознести молитву за то, что его душа ушла на небо вместе с телом. Он вспоминает маленький белый гробик, аккуратно вырытую прямоугольную яму на кладбище и как он вез гроб на своей машине, как сам тащил к месту погребения. Сам и закопал сыночка, сам и в церкви помолился, одинокий скорбящий. Жена не смогла прийти, а никого другого он на похороны не пригласил. Только отец Эндрю произнес короткую службу на могильном холме в Маравале.

— Давай помолимся за твоего братика, — говорит он. — Я знаю, что у евреев есть особая молитва за усопших, но не представляю, что надо говорить.

— Давай, — кивает Оушен.

— Может быть, ты хочешь что-нибудь сказать?

— А что надо сказать?

— Не знаю, говори что хочешь.

Оушен водит ногой по песку, поправляет кипу, скидывает на него серьезный взгляд.

— Дорогой Бог, благослови моего брата, храни его рядом с собой. Он был совсем маленький, когда умер, но я надеюсь, он видит нас сейчас и путешествует с нами на яхте. Я видела черепаху без ножек. У мамы есть душа, но она заснула, когда наводнение забрало нашего Алекса. Мы здесь носим шапочки, чтобы души не улетели. Я люблю моего братика, хочу, чтобы он был с нами, но если нет, пусть сидит на небесах с тобой и капитаном Ахабом. Аминь.

— Аминь, — говорит Гэвин.

Солнце начинает садиться, они едут обратно в гавань, проезжая по дороге множество коралловых домов, построенных рабами для рабов, а за их спиной дымятся трубы Венесуэльского нефтеперерабатывающего завода. После обильных дождей природа ожила: пустыня заросла зеленой травой, мясистые кактусы распустили бутоны, вдоль обочин разлились озерца. Вулканический, суровый Кюрасао сейчас выглядит как его зеленый брат Бонэйр.

На перекрестке они останавливаются, чтобы повернуть налево. Дорога загружена, машины со свистом проносятся с обеих сторон, и как раз в это время громадная игуана высовывает из кустов бронированную грудь и решает перейти дорогу.

Они замечают ее одновременно.

— Нееет! — кричат они в унисон.

Но, подобно черным ящерицам Лос-Рокеса, игуана не понимает, чего нужно опасаться, и не принимает летящие на большой скорости машины за хищников. Медленно, уверенно перебирая лапами, она добирается до середины трассы.

— Ах нет же! — невольно вскрикивает он.

Оушен закрывает глаза руками.

Почему-то Гэвин уверен, что водители объедут игуану, но тут — хрясь! — первая же машина переезжает прямо через нее и уносится, оставив на дороге истекающее кровью, изуродованное тело. Гэвин хлопает дверцей, пересекает колонну движущихся автомобилей, останавливается на разделительной полосе. Ящерица длиной около метра еще дышит. Жестами он велит машинам затормозить, смотрит в умирающие глаза, говорит «Прости». Берет игуану на руки, несет к обочине дороги, кладет в те же самые кусты, из которых она только что выползла. И всю дорогу клянет раздавившего ее водилу, клянет всех водителей, которые думают, что имеют право давить тварей Божьих.

Глава 11

ОДИН СЧАСТЛИВЫЙ ОСТРОВ

В ночь под Рождество они отбывают на Арубу. Море встречает их тяжелыми гладкими валами, дышит глубоко, спокойно, мягко перекатывая яхту по толстому брюху вперед, на запад. «Романи», чуть виляя широким корпусом, уверенно пробирается сквозь безбрежную синеву.

Утром в сочельник они швартуются в Оранже-стаде кормой к пристани. На марине «Ренессанс» собрались лодки всех видов и типов: здесь и молоч-но-белые суперяхты, и рыболовные катера с двой-ными палубами и рубками, и возвышающийся над остальными судами круизный лайнер «Мечта», и крошечные пироги с намалеванными на бортах на-званиями типа «Морская муха». И снова Гэвина по-ражают демократические условия местных марин: здесь все суда находятся в равном положении. Все, и миллионеры, и бедняки, платят по десять баксов за стоянку. У каждой лодки есть свое имя, свое лицо: тут на палубе стоят велосипеды, там сушится белье, а у кого-то даже герань растет в горшках на подокон-никах. В этом плавучем сообществе по-домашнему уютно, со всеми обращаются как с равными, несмо-тря на расположенную неподалеку вертолетную площадку — явный признак больших денег.

Небо уже набухло черно-фиолетовыми облаками, но пристань выбелена солнцем и населена игуанами. Аруба, третий из Антильских островов, расположен ближе всего к Соединенным Штатам. Берег испещрен валунами вулканической породы, и практически на каждом, подобно уродливой русалке, восседает игуана. Здесь игуаны обращают больше внимания на людей, даже пытаются подавить их своим авторитетом. Здоровенные ящерицы снуют туда-сюда, вылезают на пристань прямо под ноги туристам, загорают, подставив солнцу толстые брюхи, заставляя обходить себя по большой дуге. Эти миниатюрные аллигаторы захватили весь пирс. В воде у берега царствуют огромные синие крабы, да и вообще здесь рай для бронированных созданий.

Прямо напротив причала, несмотря на раннее утро, работает казино. Оно заполнено моряками, в качестве приза у входа выставлена красная «тойота». На ее номерном знаке внизу приписка: «Один счастливый остров».

Гэвин и Оушен выходят на берег и сразу отправляются завтракать. В аркаде марины много закусок, тут и «Сабвэй», и «Данкин Донатс», и «Тако Белл». На этом голландском островке больше казино, чем на других островах, здесь расположены самые многоэтажные, самые дорогие отели. Гэвин пытается разобраться: почему ему легко принять более ранние вторжения голландцев с их причудливой архитектурой или испанцев с их дикими осликами, но его так раздражают захватчики двадцатого века, принесшие казино и «Тако Белл»?

Не потому ли, что, в отличие от цивилизованных европейских захватчиков, американцы и сами дикари? Представители Нового Света не строили величественных городов, как испанцы, британцы или голландцы, не везли сюда людей, деревья, растения, животных, не насаждали свой язык. Америка еще молода и захватила местные острова недавно, исподволь, без боя, через кабельное телевидение и цепочки фастфуда. И теперь здесь все пьют кофе в «Старбаксе», заказывают апельсиновый смузи и донатсы.

Игуаны шныряют мимо них по траве, и Гэвин покрепче привязывает Сюзи к стулу. Оушен замечает, что кафе названо именем помощника Ахаба.

— Папа, а Старбак был хороший человек?

— Да, очень. Мягкий, вежливый, умный. Он-то не хотел, чтобы Ахаб гонялся за белым китом.

— Почему?

— Потому что кит — дикое животное, зверь, который думает по-своему, не так, как мы, люди. Да, кит покалечил Ахаба, но ведь он защищался! Это Ахаб сначала хотел поймать кита, верно? Вот кит и укусил его. Старбак думал, что мстить животному — чистое безумие.

— А Ахаб хотел сильно наказать кита?

— Да. Хотя Старбак и говорил ему, что неразумно воевать с природой. Мне кажется, Моби Дик — воплощение Бога, понимаешь? Божественной сущности великой Природы.

— А когда нас накрыла волна, это тоже Природа сделала?

— Да.

— И покалечила нас?

— Да.

— Но ведь Природа не хотела нас покалечить?

— Нет, конечно, не хотела. Просто Природа живет по своим законам.

— Папа, я боюсь.

— Чего, крошка?

— Я боюсь Природы.

— Не глупи, малышка. Ты сама — часть Природы, как и мы все.

Недалеко от них, устрашающе надув грудь, прохаживается игуана, подбирая крошки, которые бросают ей сидящие за соседним столиком туристы.

Сюзи издает низкий рык.

Игуана замирает, поводит головой, ищет источник опасности. Сюзи готова броситься на нее, устроить кровавую схватку. Гэвин на всякий случай берет ее за ошейник.

— Папа, а если игуана укусит Сюзи, она ее укусит в ответ?

— Конечно.

— Может быть, Ахаб думал, что он тоже кит?

— Нет, но он был изранен, понимаешь, нес в себе много душевной боли. Вот только выместить боль он решил на Моби Дике. Звери тоже дерутся, но по-другому, не так, как люди. Они не хотят обидеть чувства друг друга, просто им нужно выживать. Но Ахаб дал волю своим эмоциям.

— А у Сюзи разве нет эмоций?

Официантка ставит на стол тарелку со свежими булочками, но Оушен не замечает, увлеченная поиском смысла жизни.

— Папа?

— Конечно, у Сюзи есть интеллект, и эмоции тоже есть, как и у дельфинов. Животные могут испытывать боль, страдать, печалиться, иногда даже дуться. Но у них короткая память, они не помнят обид, нанесенных им в детстве, их не обуревают жажда мести.

— Жажда мести?

— Именно она. Давай ешь свои булочки.

Он кидает на нее выразительный взгляд: «Утомила ты меня своими вопросами, замолчи уже и жуй!»

Гэвин отламывает кусок хрустящей корочки и думает о том, сколько боли он сам испытал в жизни. Вспоминает, как однажды, еще до знакомства с Клэр, его бросила женщина, которую он любил, — походя, по телефону. Он тогда рыдал, как ребенок, полгода ходил как в воду опущенный. Может быть, Клэр тоже бросила его, а он и не знает? Его столько раз отвергали, может, поэтому он построил свой дом-крепость, но и его разрушила волна... А в ответ он снова строит стену, еще выше. Но невозможно отгородиться от горя, от боли. Нет понятия «безопасная жизнь», «надежная работа». Он и сейчас не знает, как залатать дыры, заделать трещины, как избежать наводнений, белых китов, капризов природы, способных поранить, искалечить или вообще убить.

После завтрака они идут гулять по Ораньестаду. Из всех магазинов звучит ритмичная музыка калипсо, улицы уставлены карамельного цвета голландскими домиками с барочными фасадами, а в магазинах продают белоснежные летние

платья. И снова звучит креольский говор вперемешку с папьяменто — и этот остров, который когда-то захватили голландцы, в череде веков выплавил собственный стиль.

Они заходят в магазин, где Оушен в качестве елки выбирает краснолистное растение в горшке. Тут же покупают рождественский пудинг, цыпленка барбекю, апельсины, воздушные шарики и шоколадный мусс. Нагруженные пакетами, возвращаются на яхту. Сюзи ведет их, натягивая поводок.

Около марины при входе в морскую лавку висит большой щит с объявлениями о наборе команды на катера и яхты. Гэвин подходит ближе, начинает читать. Большинство объявлений написано очень давно. Он ставит пакеты на землю, в задумчивости чешет бороду. Ему уже приходила в голову мысль о помощнике — когда они только прибыли на острова Эй-Би-Си. От Арубы до Картахены идти далеко, этот переход известен своей сложностью. Ветры сильные, дуют с разных сторон, на широтах чуть севернее Колумбии свиваются в миниатюрные вихри. Дальше — Колумбия, печально знаменитая пиратскими рейдами. Если они и дальше пойдут на запад, им придется пробыть в открытом море дня три, не меньше. Пока они перепрыгивали с острова на остров, иногда позволяя себе ночной переход, все было нормально. Оушен могла спокойно спать внизу, они шли по гладкому, добродушному морю, от порта к порту, без происшествий, исключая разве что Маргариту.

— Погоди-ка, ду-ду, — говорит он, шаря в карманах.

Находит маленькую записную книжку, достает из бумажника любимую ручку, быстро пишет объявление:

Отправляюсь на Картахену в течение следующей недели или двух. Одинокий шкипер с ребенком и собакой на борту. Ищу команду / ночную смену для трех дней открытого плавания. Яхта «Романи», стоит на причале напротив казино.

Он прикрепляет свое объявление прямо в центре щита.

— Папа, ты что написал?

— Объявление.

— Зачем?

— Нам нужна помощь, если мы собираемся и дальше идти на запад.

— Какая помощь?

— Еще один моряк, вроде меня.

— На нашей яхте?

— Да, он будет нашим гостем. Всего на три дня. Это будет весело, правда?

— Я не люблю гостей.

— Он нам пригодится.

— Тогда хотя бы пусть этот гость будет не таким большим, как ты.

— Хорошо, колбаска, постараюсь найти для тебя маленького морячка.

Они бредут сквозь аркаду магазинчиков, когда в небе раздается громкий треск, сопровождаемый низким грозovým ворчанием. Сюзи жалобно скулит, и Гэвин берет Оушен за руку.

— Пошли скорее, — торопит он, и они бегут по траве на причал, по которому уже барабанят капли дождя.

Не успевают они укрыться на «Романи», как небеса разверзаются, проливаются сплошной стеной ливня, разворачивающего небесные складки как бесконечные отрезы серебряного шелка. Он поднимает на мокрую палубу сначала Оушен, потом Сюзи, затем и сам перепрыгивает через перила, с удивлением отмечая, что теперь делает это с легкостью.

Они укрываются в кают-компании, насквозь пропахшей мокрой псиной и сырным соусом. Гэвин ставит чайник, начинает распаковывать пакеты, расставляя продукты по полкам и шкафчикам. Насквозь мокрые Сюзи и Оушен сидят рядышком, наблюдая за ним с одинаковым ожиданием в глазах. Он растирает их одним полотенцем, обе как будто одинаково виляют ему хвостиком. По крыше барабанит дождь, не хуже чем в Порт-оф-Спейне. Такой же дождь, как тот, что разрушил их дом, сплошным потоком льет с неба.

Оглушающий ураганный дождь, такой сильный, что яхта раскачивается, такой громкий, что приходится перекрикивать его. Оушен смотрит вокруг большими глазами, но молчит. Не плачет, не устраивает истерик.

Гэвин вынимает диск с рождественскими песенками, ставит на полную громкость, начинает подпевать «Колокольчики звенят».

Оушен смеется, Сюзи гавкает.

— «Колокольчики звенят, грязные носки воняют», — поет Гэвин.

Оушен заходится смехом.

— «Грязные носки воняют!» — с восторгом подпевает она.

— «Дед Мороз, Дед Мороз, потерял в дороге нос»...

— «Потерял в дороге нос!»

Так они поют все вместе под знакомые мелодии. Оушен прыгает, дрыгает ногами, танцует диско в ритме рождественских песнопений, а дождь стучит и стучит по крыше — весь день и даже вечером.

Вечер Рождества — значит, они уже месяц в пути. Они проплыли пятьсот морских миль, дошли до точки невозврата. Им уже не повернуть обратно, на восток: идти по бурному морю против ветра практически невозможно. Но идти дальше, на запад, пожалуй, еще тяжелее: придется выйти в открытое море, бороться со столкновением ветров в парусах, с неизвестными морскими течениями. Правда, у него есть мечта, та самая, которую он никогда не смел высказать вслух. Когда Оушен внезапно падает на спальник и засыпает глубоким сном, Гэвин раскрывает бортовой журнал и записывает:

Галапагос. Я хочу дойти именно туда. Некоторые зовут эти зачарованные острова краем мира. Сам Мелвилл посетил Галапагосские острова, а я мечтал добраться до них с самого детства. Сколько раз мы обсуждали это с Клайвом? Сколько раз мечтали, как вырвемся на волю, отдадимся на милость своим желаниям? Я хочу побывать

там, где кончается Земля. Посетить остров Санта-Крус, который называют Индефатигабл — «Неутомимый».

На следующий день дождь не думает прекращаться, и яхты в марине жмутся друг к дружке, будто пытаясь согреться. На других яхтах жизнь кипит: кто-то поет песни, кто-то трубит в рожок — дождь всех моряков запер в кают-компаниях. Причал потемнел от сырости, стал скользким, игуаны пропали, морские птицы улетели.

В салоне Гэвин стелет на стол яркий платок, расставляет тарелки, разрезает цыпленка барбекю, произносит тосты за мир на земле и за мамочкино здоровье. На гарнир подает пюре с горошком, на десерт — пудинг. Гэвин смотрит на свои руки: кожа на них зажила, стала розовой и гладкой, как у ребенка, — болезнь вошла в стадию ремиссии, все раны вдруг зажили. Но через какое-то время откроются снова.

Он рад, что выкинул в море телефон. Это была хорошая идея, лучшая за долгое время. Теперь никто не сможет позвонить из офиса, не потянет обратно в старую жизнь. Иногда стоит совершать радикальные поступки. И компьютер он тоже оставил в розовом доме, так что имейлов тоже можно не страшиться — он не представляет, кто писал ему, ругал, вразумлял. Теща? Начальство? Друзья? Он не знает, передал ли Пако его слова Клайву, вспомнил ли хотя бы главное, что они «ушли на запад»? А сейчас он общается с картами, навигатором, со своим журналом. Месяц свободы уже кое-что! За это время он смог отстраниться от старой жизни, взглянуть

на нее со стороны, немного залатать измученную душу. Но с выздоровлением приходят новые вопросы, и главный: что же он натворил? Пока сил разбираться в себе не было, кроме невнятного «я сбежал», он ничего придумать не мог. Почему сбежал? Да потому, что не мог выносить жизнь в розовом доме, потому что умирал, засыпал, стоя в туалете, выбился из сил. Сбежал, потому что хотел выжить.

С самого начала путешествия ему практически ничего не снилось. Сны были пусты, как сыпучие пески. Иногда мимо проплывала одинокая крылатка, шевеля полосатыми крыльями, скорбно опустив уголки рта. Крылатки, игуаны, рыбы, рептилии заполняли его ночные часы. Странно, но ему совершенно не стыдно за свой побег, и его любовь к жене во время путешествия не уменьшилась.

— Папа?

— Что?

— А мама будет праздновать Рождество?

— Да, конечно, вместе с бабушкой Джеки.

— Как ты думаешь, она уже проснулась?

— Что ты имеешь в виду?

— Когда мы поехали провести ее, она спала, помнишь?

— А... не знаю, ду-ду. Правда.

— Почему она заснула?

— Чтобы поправиться.

— Она поправляется?

— Да.

— Можно позвонить бабушке?

Гэвин обдумывает это предложение. Сейчас ему кажется, что он уже сможет поговорить с Джеки и ничего ужасного не произойдет. Он стал сильнее,

в голове меньше тумана. Вчера он заметил недалеко от марины международные телефоны-автоматы. Может быть, тогда и у него промелькнула мысль о возможном звонке?

— Хорошо, ду-ду, давай позвоним, когда дождь утихнет.

Дочь громко жует пюре, чавкает, не закрывая рта, ожидая его реакции.

— А мне можно с мамой поговорить?

— Можно, если она подойдет к телефону.

— А с бабушкой?

— Да. Теперь закрой рот и ешь медленно, а то подавишься.

Сюзи тоже обедает цыпленком с пюре, бормочет себе под нос, хочет тоже участвовать в разговоре. Собака окрепла за время путешествия, как и дочь. Ни одну уже не укачивает, даже при сильном волнении, и он чувствует гордость за них и за себя.

— А кстати, — говорит Гэвин, обращаясь к дочери, — я ведь купил тебе подарок на Рождество.

Лицо Оушен расплывается в широкой восторженной улыбке.

— Вот, держи! — Он умудрился незаметно купить игрушку в туристском ларьке около марины и завернул в бумагу, пока дочь спала.

Оушен выхватывает подарок, разрывает бумагу и извлекает плюшевую игуану.

— Ай! Это же игуана! — визжит она.

— Верно.

Оушен осматривает игуану, пытаясь решить, как реагировать на такой подарок и достаточно ли он хорош для Рождества.

— Смотри, какая она мягкая, пушистая и милая, — ободряюще произносит Гэвин.

Она сначала хмурится, потом улыбается, кивает, понимая, что игуана ей нравится, садится на корточки, тычет игуаной в мордочку Сюзи.

— У-у-у-у-у-у!

— Как ты ее назовешь?

— Не знаю.

— У каждого животного должно быть имя. Хочешь назвать ее «У-у-у-у-у»?

— Нет! Лучше я назову ее мистер Ахаб.

— Мистер Ахаб-игуан?

— Да!

— Что ж, капитан Ахаб действительно чем-то напоминал старую ящерицу.

Чуть позже дождь кончается, хотя небо еще закрывают плотные облака, глядящие на землю древними серо-синими лицами. Гэвин втискивает Оушен в махровый комбинезон, и она вскидывает на него серьезные глаза.

— Ты поговоришь с мамой?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ну-у-у, а вдруг ты испугаешься?

— Нет, ду-ду, я не испугаюсь.

Она опускает глаза, нижняя губа дрожит, выдвигается вперед.

— Ну ладно, признаюсь, я немножко боюсь.

— Маму боишься?

— Да.

— Почему?

— Вдруг она еще не проснулась? Не сможет подойти к телефону?

— Ты этого боишься?

— Да.

— А если она сможет поговорить, мы поплывем обратно?

— Да. Если она уже проснулась, мы вернемся домой. Обещаю.

Взявшись за руки, они доходят до телефонных будок. Те поставлены здесь специально для моряков, принимают как монетки, так и кредитные карты.

Гэвин вставляет карту в щель, набирает номер тещи. Живот прихватывает от страха. Он закрывает один глаз, ждет, пока пройдет соединение: в Тринидаде звонит телефон — один гудок, два, три... Оушен обеими руками крепко держит его свободную руку.

— Алло?

— Привет, Джеки.

Тишина.

— Джеки, это я. Мы с Оушен. Счастливого Рождества!

— Господь всемогущий!

— Спокойно, Джеки, не будем ссориться. Рядом стоит твоя внучка, она хочет с тобой поговорить.

Молчание.

— Передаю ей трубку. Поздоровайся с бабушкой, солнышко.

Оушен берет трубку, здоровается застенчивым голосом, осмелев, начинает рассказывать про игуан, черепах, голландцев и летучих рыб. Бесконечно долго щебечет о коралловых рифах, гигантских лайнерах, о мальчике по имени Джон.

— Ладно, детка, хватит. — Гэвин забирает у нее трубку.

В трубке тишина.

— Джеки, как ты?

— Как я? — Голос тещи полон холодной ярости. — Что за вопрос! Удивительно, что ты беспокоишься.

— Конечно беспокоюсь! — Гэвин кривит душой, ему никогда не нравилась Джеки.

Она так давно овдовела, что забыла, как можно быть счастливой в браке, а ее дыхание пахнет застарелым никотином и жвачкой от курения.

— Где, черт побери, ты пропал, Гэвин?

— Я уехал.

— Я в курсе. Мы все в курсе. Где ты сейчас находишься?

— На Арубе.

— С моей внучкой?

— Точно так.

— Немедленно верни ее. Немедленно. Слышишь?

— Джеки, не стоит говорить со мной в таком тоне.

— Клайв думает, что ты собираешься дойти до Галапагоса. Говорит, ты и раньше хотел добратся туда. Это правда?

— Возможно.

— Ты представляешь себе, какой скандал разразился здесь, когда ты сбежал? Все были вне себя. Тебя уволили с работы, ты это знаешь? Тебе плевать, конечно, но мы думали, что ты уже МЕРТВ! Не вышел на работу, телефон молчит, дом заперт — мы боялись, что ты... убил себя и ребенка... Пока Клайв не передал слова Пако, пока не нашли твою машину на стоянке, не обнаружили, что яхты нет, мы вообще...

— Я не умер, как видишь. Мы оба хорошо себя чувствуем.

— Я никогда тебе этого не прощу.

— Понимаю.

— Не могу поверить, что можно вот так просто взять и... уплыть в этом старом корыте. Мы не стали звонить в полицию, хотя могли бы! Могли объявить тебя в розыск! Тебя вообще стоит арестовать за то, что ты без спроса увез Оушен. Интерпол хорошо работает в Венесуэле. Но я послушала Клайва. Мы понимали, как тебе тяжело, ясное дело, мы все переживаем, как же иначе! Но я думала, ты хотя бы к Рождеству вернешься. В школе я сказала, что ты забрал Оушен навестить родственников в Майами.

— Хорошо. Говори что хочешь, мне все равно. Передай Клайву, что я в порядке. И маме скажи, что я скоро позвоню ей.

— Кстати, Одри тоже вне себя.

— Передай ей, что у меня все хорошо.

— Ты мог бы рассказать нам, пожаловаться. Мы помогли бы, что-нибудь придумали.

— А вместо этого я сам себе помог. Как Клэр?

— Клэр?

— Да, моя жена. Мать Оушен.

— Немного лучше.

— С ней можно поговорить?

— Нет. Гэвин, она не знает о вашем отъезде.

— Ну и хорошо.

— Когда ты собираешься вернуться?

— Пока не знаю.

— Клайв говорит, что на борту «Романи» живет призрак, что яхта проклята, полна привидений.

И что поэтому ты совершил то же самое, что и тот старый шкипер.

— Что «то же самое»?

— Исчез.

— Что же, возможно, так и есть.

— Клайв говорит, на яхте лежит заклятие.

— Джеки, мне пора идти.

— Что? О нет, Гэвин, подожди, не вешай трубку, мы...

— Позаботься о моей жене.

— Она столько говорит о тебе...

— Пожалуйста, позаботься о ней.

Глава 12

ШОКОЛАДНЫЙ ГОРОД

Двадцать седьмое декабря, а дождь все не стихает, настойчиво роняет легкие, редкие капли, пускает пузыри на лазурной поверхности моря. От соленого тумана все стало скользким, как будто намазано маслом. Уже два дня они не покидают яхту: готовят еду, играют в настольные игры, поют песни — в результате кают-компания превратилась в настоящий свинарник. Пол заляпан томатным соусом, растекшимся сыром, размокшими кукурузными хлопьями. На столе потеки сахарной пудры, спальные липкие — Гэвин подозревает, что Оушен потихоньку таскает в постель бутерброды с сахаром. У них не осталось ни чистой одежды, ни чистого постельного белья; иногда ему хочется собрать все их имущество в большой тюк и выбросить на помойку, вместо того чтобы тащить такую тяжесть в соседний Ландромат. Он задумчиво осматривает окружающую грязь, помешивая свой кофе, и тут слышит женский голос:

— Хэлло, есть кто-нибудь дома?

— Ой, папа, там какая-то тетя, — испуганно говорит Оушен.

— Мистер Уилд, вы на борту? Хэлло!

Гэвин тоже вздрагивает от испуга — целый месяц никто не называл его «мистер Уилд». Он открывает дверь, вглядывается во влажный туман. На причале стоит женщина — небольшого роста, загорелая, с короткими светлыми волосами, в плаще и с гитарой за спиной.

— Хэлло! — кричит он в ответ. — Я Гэвин Уилд.

— Я пришла по объявлению. К вам в команду.

— Что-что? — Он выходит в кокпит. — Не понимаю, вы о чем?

— Вы еще ищете человека в команду?

— В команду? — Только сейчас он вспоминает про объявление. Конечно ищет, но мужчину... маленького морячка с мускулистыми руками, способного в одиночку поднять парус, метнуть в кита гарпун. Никак не блондинку. — Э-э-э, вообще-то, да, ищу.

— Я прочитала ваше объявление. Я бы хотела пойти с вами.

— О!

— У меня есть удостоверение капитана. Получила его в Швеции.

— Удостоверение?

— Всё есть: справки, диплом Морского колледжа. Я шкипер с большим стажем.

Маленькая блондинка улыбается. На вид ей лет двадцать пять. Он хочет сразу же отказаться, ведь он ищет не женщину.

— Давайте лучше встретимся на берегу. К нам на борт пока заходить нельзя, у нас не убрано. В «Тако Белл» минут через десять, вас устроит?

— О'кей, — Она поворачивается и идет по причалу в сторону берега.

Он смотрит на висящую на спине гитару, на крепкие точеные икры. Боже. Затем поворачивается к дочери:

— Оушен, быстро одевайся, мы будем завтракать на берегу.

Убранство «Тако Белл» состоит из полированного тика и фиолетового пластика. По стенам еще развешаны мигающие рождественские гирлянды, красные шарики, звезды. Они встают в очередь, заказывают мексиканские пиццы — чалупы, мягкие лепешки, апельсиновый сок, кофе.

Молодая женщина уже сидит за столиком, цедит черный кофе. Он садится напротив, Оушен — рядом с ним. Сюзи, понимая, что сейчас произойдет важный разговор, внимательно следит за их собеседницей.

Девушка улыбается.

Гэвин и Оушен открыто рассматривают ее.

— Меня зовут Фиби, — говорит она спокойно, естественно, — Фиби Вульф.

Глаза у нее большие, голубые, ясные, чуть раскошены к вискам. Загар золотистого оттенка, светлые волосы убраны назад, губы розовые, пухлые. Изыщная, сильная, стремительная, как молодая дельфиниха. Она повесила плащ на спинку стула, и сейчас на ней только сильно поношенная черная жилетка. Обе руки покрыты татуировками. На одной изгибающаяся синяя рыба-молот тянется от плеча к локтю, на другой причудливым шрифтом выбито странное слово: «Далше!»⁷.

---

⁷ «Далше» (англ. — *Furthur*) — название путешествия и автобуса «Веселых проказников» — членов известной неформальной коммуны, существовавшей в США в период с 1960 по 1970 год.

Опасаясь реакции Оушен — она может или истечь восторгом, как перед Мадонной в стеклянном ящике, или разразиться речью о мамочке, — он переводит взгляд на дочь: поразительно, как она похожа на эту женщину!

— Я — Гэвин, — говорит он, — а это моя дочь Оушен. И наша собака Сюзи.

Фиби улыбается Оушен:

— Привет!

Оушен смотрит на нее не мигая, не в силах открыть рот.

Гэвин вдруг осознает, что его уже не тянет признаваться первому встреченному им взрослому человеку в своем поступке, не тянет рассказывать о побеге, исповедоваться, жаловаться. Наверное, телефонный разговор с тещей расставил все точки над *i*. Теперь они уже не беглецы, ведь родственники знают об их планах. Конечно, он потерял работу, да и выглядят они с Оушен как дикари, но зато они гораздо спокойнее, больше не паникуют из-за дождя. Они сменили статус, стали обычными путешественниками, как тысячи других.

— Мы собираемся идти на Галапагос через Панамский канал, — говорит он.

И только когда слова вылетают изо рта, Гэвин понимает, что сию минуту сделал первый реальный шаг к осуществлению своей мечты. До этого момента мечта витала над ним как зыбкий, невесомый сон, а сейчас оформилась, проявилась в словах. Он ведь даже Оушен не рассказывал о Галапагосе.

— Я знаю, что переход от Арубы до Картахены крайне тяжел, — продолжает он, — займет не меньше трех дней. Мне одному не справиться.

Фиби кивает.

— Я уже однажды ходила этим маршрутом, — заявляет она. — Вы правы, идти в одиночку по нему небезопасно. Мой бойфренд ведь тоже моряк. Он ждет меня в Панаме, так что я могу дойти с вами только туда. А после мы собираемся поехать на север, в Мексику.

При слове «бойфренд» Оушен не может скрыть облегчения, к тому же это загадочное слово будит в ее воображении картинки собственного увлекательного будущего. Признание Фиби произвело впечатление и на него, хоть и обратного действия — эта девушка могла бы быть младшей сестрой Клэр.

— Хорошо, давайте подождем, пока погода прояснится, хотя бы до конца года, решено? Можем отчалить в начале января. Нам все равно надо привести яхту в порядок, прибраться, кое-что починить. Я закуплю провизии. А хотите, вместе пойдем по магазинам? Накануне отплытия. Яхта наша немолода, но еще очень крепкая, это модель «Великий датчанин».

— Да, я заметила. — Ее лицо смягчается, в глазах мелькает искорка. — У моего отца была такая.

— Не может быть! — Гэвин открывает рот.

— Представьте себе! — смеется Фиби. — Я училась ходить на ней в Швеции.

— Но это невероятно! Удивительно. Таких моделей в мире очень немного.

Она кивает, опускает глаза, по лицу пробегает тень.

— У этих яхт хорошая репутация. Я страшно удивилась, увидев вашу красавицу в этой марине. Вот

уж не думала, что встречу «Великого датчанина» здесь, на Карибах. Не удивлюсь, если узнаю, что «Романи» — единственная яхта этой модели, которая смогла дойти до южных широт.

Гэвин задумчиво покачивает головой. Надо же! Фиби прошла тест, который он и не думал ставить перед ней. Откуда взялась эта девушка? Небольшого роста, хорошенькая и в то же время шкипер со стажем. Женственная и одновременно физически сильная на вид. Ее явно послали небеса с какой-то целью.

— В юности я ходил на «Романи» со своим лучшим другом, — объясняет Гэвин. — Всю свою молодость провел на палубе. Предыдущий владелец привел ее в Тринидад через Атлантику. Мы ее у него купили.

Фиби понимающе кивает.

Зачем он солгал? Таким образом он строит для них с Оушен новое будущее — в котором на яхте уже не лежит проклятие, где он — обычный турист, моряк, путешествующий на запад, к крошечному архипелагу, затерянному в огромном океане в районе экватора. И никакие призраки не должны им помешать.

— Итак, вы ходили на «Великом датчанине». И окончили Морской колледж?

— Да, я практически выросла на яхте, пошла учиться, только чтобы получить диплом. Я всю жизнь в море, управлять яхтой — все, что я умею. Если не хожу под парусами для своего удовольствия, выполняю поручения других людей. Развожу товары, занимаюсь доставкой.

— Неужели в одиночку?

— Бывает и в одиночку, но только в Средиземном море.

— Впечатляет. Немногие женщины рискнут самостоятельно управлять яхтой.

Фиби улыбается.

Теперь и Оушен не может скрыть улыбки, прямо светится от восторга.

— Простите мою дочь, моя жена... — Гэвин на секунду замолкает, внезапно понимая, что в силах рассказать этой девушке правду. Что ему уже не стыдно. — Моя жена осталась в Тринидаде. Год назад мы потеряли маленького сына при трагических обстоятельствах. Она еще не пришла в себя.

— Понимаю. — Фиби опускает глаза, она явно знакома с болью потерь. — И очень сочувствую вам.

— Мне кажется, вы должны это знать. Если мы собираемся провести несколько дней вместе.

Оушен прижимает его руку к себе.

— Мы уже месяц как в море, обветрились, набрались опыта. Даже наша Сюзи стала полноправным членом команды — она обожает море.

— Но не любит ящериц, — застенчиво добавляет Оушен.

Они договариваются встретиться в новом году. Фиби переедет к ним на яхту, они вместе запасутся продуктами, узнают прогноз погоды, выберут дату отхода. Выйдут в открытое море и дойдут до Картахены, сказочного города, где на деревьях живут дикие обезьяны, где изумруды валяются на улице вместо камней, а кокаин продают как сахарный песок на каждом углу. К этому времени Гэвин поймет, готов ли он в одиночку совершить следующий

переход по открытому океану. Пока он намерен двигаться только вперед.

* * *

За ночь небо полностью очистилось от облаков, и Гэвин решает взять напрокат машину и съездить на юг Арубы в местечко Синт-Николас, на пляж Бэби-Бич, известный своими тихими бухтами и прекрасным рифом. Для поездки они выбирают маленькую серебристую «хонду». Пожилой менеджер с козлиной бородкой спрашивает, какое место острова они хотят посетить.

— Мы едем в Синт-Николас.

— А, в Шоколадный город?

— Куда-куда?

— Так его называют местные.

— Правда? А почему?

— Да там сплошь черномазые живут.

Гэвин выдавливает из себя смущенный смешок. Конечно, в Тринидаде открытый расизм весьма распространен, ведь у всех друг на друга имеется зуб: и у африканца, продающего на улице сувениры, и у индийской домохозяйки, и у ливанского бизнесмена, и у китайца — владельца продуктовой лавки, всех и не перечислишь. Все за что-то таят обиду. Это делает общество одновременно и напряженным, и гармоничным: у каждого рыльце в пушку, каждый учится сдерживать раздражение, быть терпимым к окружающим. Не смешно ли, что расисты-тринидадцы в результате демонстрируют полную толерантность? А вот «Шоколадный город» — это слишком.

Губы Гэвина невольно складываются в недоуменную гримасу.

— Да ладно вам, — смеется Козлиная Борода. — Черные сами его так называют. Они работают на нефтеперерабатывающем заводе. Все негритосы острова собрались в одном месте, представляете?

— Сомневаюсь, чтобы черные сами назвали свой город «Шоколадным», — замечает Гэвин, вспоминая «голландских гондонов». Этот голландец его уже немного достал.

— Я не шучу, сами его так называют, правда!

— Ладно, нам пора! — обрывает его Гэвин.

Он тащит Оушен за собой на парковку, надеясь, что она не вздумает повторять слова Козлиной Бородки, выразительно взглядывает на нее, строго сведя брови.

Оушен молча залезает на переднее сиденье. Сюзи прыгает на заднее. Гэвин заводит двигатель, и настроение у него повышается: они снова превратились в трех первооткрывателей, снова мчатся вперед, к новым приключениям.

Они двигаются на юг в течение часа, пока впереди не вырастают вышки нефтеперерабатывающего завода. За ним расположен знаменитый Бэби-Бич, пляж, где, как пишут местные путеводители, море до того тихое и спокойное, что даже младенцы могут плескаться в воде в полной безопасности. Идеальное место, где можно отдохнуть, расслабиться, для мужчины-туриста в компании ребенка и собаки. Он уже прочитал в буклете, что здесь к тому же довольно мелко.

Однако он не учел, что рождественские каникулы в разгаре и что другие туристы тоже читают

рекламные брошюры. Пляж оказывается забит людьми, а парковка — машинами. Они едут вдоль нескончаемого ряда припаркованных авто, пока не находят свободное место. На песке полно женщин, загорающих топлес, многим за шестьдесят. Бродячие собаки роются у помойки, из кафе доносятся музыка семидесятых. Афиши рекламируют сваренное в Арубе пиво «Балаши», по всему пляжу установлены огромные парусиновые зонты, под которые забились десятки туристов. Вода мутная, молочно-бирюзовая, слева какой-то каменистый волнорез, и рядом с ним целая группа людей занимается сноркелингом. Гэвину совсем не улыбается перспектива нырять среди голых тел, но Оушен уже открыла дверцу и выбралась наружу, не сводя широко открытых глаз с ныряльщиков.

— Папа, папа, пойдем! Здесь можно нырять!

— Хорошо, сейчас.

Гэвин расстилает большой платок в тени покрытой пальмовыми листьями хижины, привязывает Сюзи к столбу, наливает ей в миску воду. Позже она тоже искупается.

Он намазывает Оушен кремом от загара, натягивает на нее специально купленную миниатюрную детскую маску, — теперь его девочка только и бредит сноркелингом. Они надевают ласты и, переваливаясь, как пингвины, топают в сторону лагуны. Гэвин посматривает на переполненное людскими телами море с опаской: ведь известно, что ад — вода, блестящая от солнцезащитного крема.

В воде они плывут в сторону группы ныряльщиков. Гэвин сразу же замечает сильное течение и на всякий случай берет Оушен за руку, но девочка

уже с жадностью рассматривает подводную жизнь. Она высовывает голову из воды, кричит:

— Папа! Смотри!

Он тоже погружается под воду, затем рефлексивно притягивает к себе Оушен. В море вокруг них собрались сотни рыб. Крупных рыб. Жирных, перекормленных переростков. К ним устремляется агрессивная на вид рыба-попугай с рядом острых, как бритва, зубов, нарезает круги вокруг их ног. Гэвин оглядывается по сторонам и видит, что ныряльщики бросают в воду кусочки бананов и сыра. Рыбы берут корм прямо из рук людей.

— Эй! — возбужденно кричит им пожилой голландец, стоящий по пояс в воде. В восторге от ажиотажа, который его банан произвел в рыбьей стае, он протягивает Оушен кусочек. — Хочешь покормить рыбок, девочка?

Гэвин не успевает остановить дочку. Оушен снова опускает голову в мутную воду, держа кусок банана перед собой как полицейский жезл. В следующую секунду два десятка жирных серебристых рыб уже несутся к ней, ощерив зубы.

— Папа! — визжит она.

— Хорошо, хорошо, — одобрительно кивает голландец, поднимая кверху большой палец.

— Нет! — Гэвин выдергивает дочь из воды, прижимает к груди.

— Ааааа! — Она поднимает руку, в ужасе глядя на свой окровавленный палец.

— Вы что, идиот?! — кричит он голландцу. — Не знаете, что рыб кормить нельзя? Это же дикие создания, *дикие*, понимаете? Оставьте их в покое!

Голландец растерянно смотрит на него.

— Это же просто рыбки... — мямлит он.

«Боже, дай мне сил!» — Гэвин неуклюже выби-
рается на берег, едва сдерживаясь, чтобы не набро-
ситься на голландца с кулаками. У него на руках за-
плаканная Оушен причитает: «Больно, мамочка!»

Добравшись до своего места, сбрасывает маску,
ласты, усаживает дочку, осматривает палец —
к счастью, ничего страшного, только царапина.
Он целует пальчик, дует на него, заматывает в уго-
лок полотенца.

— Ну что, ду-ду, уже не так больно?

Она кивает, но ее личико все еще дрожит от слез
и испуга.

— Папа, что случилось с теми рыбками?

— Они стали жадными. Рыб не следует кормить
бананами и сыром, любовь моя.

— Папа, я же не знала.

— Ничего страшного, конечно ты не знала. Но,
наверное, нам лучше уехать.

Оушен кивает, вопросы роятся на ее лице. Она
снова пытается понять, как устроена жизнь, и сно-
ва он не может ей помочь. Гэвин прижимает к себе
дочку, впервые после отъезда из Тринидада жалея,
что рядом нет жены, его спокойной разумной поло-
винки. У Клэр были ответы на все вопросы. Сейчас
она быстро разобралась бы в ситуации, растолко-
вав им обоим непонятное.

Они возвращаются назад вдоль восточного по-
бережья. У всех островов А.В.С. одинаковая бе-
реговая линия — изрезанная недружелюбным мо-
рем, беспокойным, грозящим им белыми шапками
на волнах. Земля на этом безлюдном побережье
Арубы состоит из твердых вулканических пород,

в которых вода промыла арки и пещеры. Суровое море даже вырезало в скалах естественные мосты, они как раз проезжают мимо одной такой обрушившейся ажурной конструкции. На каждом из островов присутствует эта двойственность — гламурный карибский запад противостоит дикому, суровому востоку. С одной стороны — пляжи, туристы и сноркелинг, с другой — засасывающие водовороты и острые камни.

Он думает о Клэр, ее нелюбви к воде, бледной коже и морской болезни, ее естественном стремлении оставаться на суше. Сейчас он вернулся в свою стихию, — но только потому, что она первая улизнула в неведомую страну, погрузилась в себя. А ведь он прекрасно помнит, почему когда-то бросил море, дававшее ему непередаваемое ощущение близости к стихии: чтобы быть с ней. С его приземленной, крепко стоящей на ногах Клэр, рожденной быть матерью.

Он начинает замечать странные каменные конструкции, раскиданные вдоль всего побережья. Десятки плоских камней уложены друг на друга, как тотемные столбы. Эти сооружения явно рукотворные, они напоминают каменные замки, которые мог бы построить ребенок или чертенок — ночью, из озорства. Некоторое время они с удивлением рассматривают эти удивительные сооружения, чернеющие на фоне бурного моря, и в конце концов, увидев у изгиба дороги мужчину с тачкой, копающего землю недалеко от своего пикапа, останавливаются.

— Простите, можно вас на минутку? — Гэвин высовывает голову в окошко.

Мужчина поворачивается к нему, вытирает пот со лба.

— Извините, что отвлекаю. Мы не местные... Просто нам стало интересно, что это за каменные замки?

— Какие еще замки?

— Я имею в виду странные нагромождения камней, расставленные по всему побережью.

— Ах, эти! — Мужчина машет рукой. — Это туристы строят.

— Зачем?

— Их привозят сюда на автобусах, рассказывают, что на Арубе такая традиция.

— Строить каменные замки?

— Да. Якобы замки приносят удачу в казино. Так туристы тратят больше денег.

— Это что, местная шутка?

— Точно.

Гэвин смеется. Действительно смешно. Поделом этим набитым деньгами богатеям, приплывающим из Америки на огромных лайнерах!

Они едут дальше мимо заброшенного золотого прииска, крошечной часовни на берегу моря, въезжают в бедняцкий квартал. Дворы здесь — настоящие помойки, видно, семьи тащат в дом что ни попадя. В одном дворе стоит явно украденный из магазина манекен, одетый в белую мини-юбку и красную бархатную накидку с капюшоном, видимо изображающий Санта-Клауса. Рядом, среди разросшихся кактусов, с которых свисают елочные игрушки, устроена настоящая сцена Рождества, украшенная высохшими коричневыми банановыми листьями и пластмассовыми

фигурками. Ряд пластмассовых пупсов, одетых в накидки из малиновой и фиолетовой фольги, охраняет ворота.

— Папа, остановись, пожалуйста! — просит Оушен.

— Конечно.

Девочка с трепетом оглядывает странный дом.

— Мы сюда переезжать не будем! — на всякий случай твердо заявляет Гэвин.

— Папа, кто здесь живет?

— Люди.

— Американцы?

— Нет.

— А кто тогда?

— Наверное, свободные художники. Или те, у кого крышу совсем снесло.

— Когда я вырасту, у меня будет такой дом.

— Когда заведешь себе бойфренда?

— Да. Мои бойфренды тоже будут стоять на улице. В таких же красивых костюмчиках.

— Что, все?

Оушен смеется:

— Да, все.

— Сколько же бойфрендов ты заведешь?

— Десять.

— Зараз?

— Да.

— И ты нарядишь их в костюмы и поставишь на улице возле дома?

— Да.

Он фотографирует ее рядом с манекеном в короткой юбке. Оушен шесть с половиной лет, но она

уже выработала жизненную программу. Она станет королевой собственного царства, поселит во дворе женихов в униформе из цветной фольги.

— Ладно, нам пора домой, русалка.

— На яхту?

— Да.

— Я люблю нашу яхточку, папа.

— Я рад. Но нам надо хорошенько прибраться до приезда нового члена команды.

— Фиби?

— Да.

— Она мне нравится, папа.

— Мне тоже.

— Она настоящий моряк?

— Да.

— И у нее татушки. Мама не сделала бы себе татушки.

— Никогда в жизни не стала бы.

— Интересно, у Фиби есть мама?

— Полагаю, ты сама сможешь ее спросить об этом.

Они возвращаются в марину под вечер — небо уже стало жемчужно-серым, яхты качаются на волнах, как пеликаны. Невдалеке выстроились в ряд машины, на номерном знаке каждой — приписка: «Один счастливый остров». Но ему не было хорошо на Арубе, этом острове перекормленных рыб.

Скоро они выйдут в открытое синее море, направятся в сторону Южной Америки. На этот раз их цель — Колумбия, бывшая испанская колония, а не голландская, и не остров, а материк, но история схожа: старый мир когда-то вторгся и сюда.

Проживавших в стране индейцев тоже застигли врасплох, перебили, захватили, поработили. Поэтому ему надо опасаться не только сложностей перехода, но и местного населения.

Южная Америка находилась под игом рабства долгое время, ее коренные жители до сих пор несут в себе боль. Народ не может оправиться от бесконечных пыток и унижений всего за сто лет. Полное выздоровление наступит еще очень нескоро. Такова история всего Карибского бассейна.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
«ДАЛШЕ»

Глава 13

ПРИЗРАК

Они начинают готовиться к переходу на Картахену-де-Индиас: сдувают шлюпку и укладывают в носовую часть; весла и небольшой подвесной мотор помещают в ящик кокпита; закрепляют все вещи в салоне. Вроде он ничего не упустил. В зоомагазине Ораньестада, покупает собачью конуру с решетками и деревянным каркасом, немного похожую на курятник, и устанавливает ее в кают-компании. Покупает страховочный трос для Фиби, новый фонарь на мачту. Они с Фиби вместе сходили в магазин. Теперь у них много пресной воды, лапши, горошка, консервированных сосисок. Он нашел и прачечную, сумел выстирать, высушить и убрать на полки постельное белье. Сюзи будет жить в основном в своей будке, Оушен — внизу, в кают-компании. На палубу обоим подниматься слишком опасно.

Они с Фиби отдают себе отчет, что не смогут все время пользоваться автопилотом, в этом море надо быть начеку. Они будут стоять на вахте у руля по три часа, это непросто, конечно, но возможно. У Фиби мало багажа, только защитная одежда от непогоды, небольшой рюкзак да гитара. Ее спокойное присутствие придает ему уверенности — и как

им повезло, что раньше она уже ходила на «Великом датчанине»!

Конечно, он искал сильного мужчину, а Фиби, со своим компактным, крепким телом, скорее напоминает мальчика-подростка. Но на борту она сразу продемонстрировала навыки опытного моряка и знакомство с конструкцией яхты. Слава богу! Они общаются мало, в основном по делу, но понимают друг друга легко, практически без слов.

Когда они отдали швартовы в марине Ренессанс, яхта устремилась в море уверенно, по-деловому. Он отдал Фиби штурвал, а сам пошел проводить Оушен и Сюзи. Кажется, его девочки понимают, что шутки кончились, и им предстоит подчиняться новым, более строгим правилам во время этого перехода.

— Ну что, черепашка, готова? — спрашивает Гэвин.

Дочь кивает, усаживается поудобнее, поправляет спасательный жилет.

— Папа, сейчас волны большие? — В ее тоне слышится: «Я готова к бурному морю, а ты?»

— Да, пару ночей волны будут очень большие. Ты приняла таблетки от укачивания, так что все в порядке, но все равно приготовься к суровой качке, как в первый день, помнишь?

— Помню.

— Если надо, держись за все, за что сможешь, или залезай под сетку. — Он специально укрепил над лежанкой сеть, чтобы дочь не сбросило на пол. Сюзи большую часть времени проведет в будке, так что Оушен будет спать одна. — Видишь кольца

над лежанкой? Держись за них или за эти ремни, поняла?

Она кивает, глядя на него большими серьезными глазами.

На закате ветер усилился, пришлось выбрать рифы на гроте. Они идут со скоростью десять узлов, затем пятнадцать, потом разгоняются до двадцати пяти: он с удовольствием наблюдает, как его старушка, распустив паруса, как пышные юбки, мчит по ветру. Ветер еще больше усиливается, поэтому Фиби держит грот и стаксель приспущенными. Яхта легко, изящно перекачивается с волны на волну. Ветер меняет направление, Гэвин помогает девушке снова поднять грот. Они почти не разговаривают, но работают слаженно, как настоящая команда.

Волны нарастают, сначала метр, потом два; начинают захлестывать палубу, забрасывать пеной кокпит — ух! Море злится, сердито накидывается на них, волны вырастают еще выше, они уже как башни, накатывают регулярно, одна за другой. Море пугает их, кипит невидимой энергией и все же не проглатывает, как могло бы.

Фиби крепко держит румпель и, улыбаясь стихии, восклицает:

— Как я люблю ходить под парусом!

— Вот и прекрасно, — откликается он.

— Весело, правда? — Она встает, крепко прижав бедром румпель, — волосы мокрые, с лица капает вода.

— А то! — Гэвин невольно посмеивается.

Фиби молодец, в ее обществе он чувствует себя вдвойне уверенно. На ней спасательный жилет,

и она пристегнута страховочным тросом, так что за борт ее не смоеет. Где-то в глубине души тихий голос шепчет: «Вспомни, как ты сам когда-то любил ходить под парусом в шторм!»

Спускается ночь, чернильные волны огромными горами подбираются к яхте, но «Романи» спокойно, невозмутимо забирается на каждую. Что происходит там, в невероятной глубине морской пучины? Почему именно здесь вода бурлит, дышит так тяжело, как будто ворочается на смятой постели в поисках удобного положения, не в силах заснуть? «Прыгай! — зовет она. — Упади в мои сладострастные объятия, усни в моих волнах среди роскошных изгибов моего тела».

Он влюблен в море, но его начинает укачивать. Впервые за много лет он боится морской болезни, боится, что его начнет рвать. Он чувствует, как шевелятся кишки, как внутренние органы меняют свое положение в теле. На ум приходит выпотрошенная барракуда на причале: лиловые внутренности стекают в море, мертвый глаз уставлен на него как обвиняющий перст прокурора. Вспоминается его малыш, новорожденный сынок, унесенный неведомо куда всеразрушающей волной.

Несколько часов они по очереди управляют румпелем, пьют чай, заваривают себе лапшу и быстрорастворимый суп, беседуют с ребенком и собакой, выкачивают воду, закрывают клапаны, пытаются мочиться в крошечном гальюне. Внизу передвигаться практически невозможно. Их шатает и болтает, они натыкаются на ящики и острые углы,

хватаятся за ремни и кольца, но колени и локти уже разбиты в кровь. Яхта идет вперед, треща досками, как костями. Побледневшая Оушен молча сидит, вцепившись в сетку.

— Ничего, малышка, скоро болтанка закончится, — ободряюще говорит он.

Она молча кивает.

Сюзи в своей клетке, как монашка в келье, по-нурилась, что-то бормочет про себя.

— Хорошая собака, давай помолись за всех нас. Помолись большому морю, — шепчет он.

— Гэвин, не хотите поспать пару часов? — предлагает Фиби.

— Что, правда?

Она реально думает, что справится одна? Но по ее лицу он видит, что она не шутит, а пара часов сна ему не повредит. Фиби не только моложе и здоровее его, в ней больше твердости и задора.

— Я вас разбужу в пять утра.

— Вы уверены, что сможете выстоять?

— Конечно, не волнуйтесь. — Она глядит на море.

Волны стали еще больше, но уже не такие неровные, движутся с предсказуемой грацией.

— Хорошо, спасибо. Но если возникнут проблемы, будите меня сразу же!

Приятно будет принять горизонтальное положение, но он вряд ли заснет. Гэвин ложится к дочери, обнимает ее, чувствует, как тяжелеют веки. Яхта укачивает его, как ребенка в материнских объятиях. Мозг заполняют бессвязные образы: коричневая муть, болтающаяся в грязной воде мебель,

двухметровая ограда, рушащаяся под напором толщи воды.

* * *

Когда он открывает глаза, уже светло, в салоне тяжело пахнет соленым морским воздухом. Оушен крепко спит рядом, ее личико спокойно, грудь ритмично поднимается с каждым вздохом. Он глядит на часы — шесть утра.

Вот черт, проспал!

Гэвин вскакивает, шатаясь, поднимается наверх, в кокпит. Над морем горит рассвет: в лиловом небе встает огромное белое солнце. Море все так же полно высоченных волн. Фиби лениво щурится на него. И с ней этой ночью произошла перемена: теперь кровь в ее жилах бежит в такт морским течениям, сердце играет песню волн. Может быть, поэтому она выглядит как сытая молодая кошечка или как удовлетворенная любовница, медленно потягивающая в баре красный ром?

— Вы как, в порядке? — спрашивает он.

Фиби только улыбается. Конечно она в порядке! Она ведь прекрасно знает эту яхту, такую же, как та, которой она управляла в детстве вместе с отцом.

— Идите отдохните, я подежурю, — предлагает он.

— Спасибо! — Она встает, потягивается.

— Что-нибудь интересное за ночь произошло?

Фиби останавливается на пороге двери, ведущей в кают-компанию.

— Да... Я видела в море черный плавник акулы. И еще... — Она смотрит на него с сомнением, настороженно, серьезно. — Я знаю, в море легко

поддаться галлюцинациям, но я видела очень четко... Того моряка. Он всю ночь стоял на носу.

— Моряк?

— Он боролся с ветром. Хотел спустить стаксель. Всю ночь мне мешал.

— Что, стоял прямо здесь, на палубе?

— Да.

— Ничего себе! — Гэвин даже поежился.

Ему хочется расспросить ее поподробнее, но она бросает на него особенный взгляд. Так иногда смотрит Оушен, так смотрела его жена, когда хотела сказать: «Мы еще обсудим это. Позже».

* * *

Раннее утро, ситуация на море не меняется. Они идут сквозь череду синих водяных гор, теперь они не только моряки, но еще и скалолазы. Он уверенно держит румпель, грот наполнен ветром, гик закреплен, яхта делает узлов шесть. Волны гладкие, ровные, никакой подлянки не предвидится. Их сопровождают несколько дельфинов, танцуют то с одной стороны, то с другой, выпрыгивают из воды, делают сальто у носа яхты, по очереди взмывая в воздух. Вдалеке появляется очередной супертанкер, держит курс немного вбок.

Гэвин в шляпе, которую он привязал к голове тесемкой, напевает под нос песенку-калипсо о бедном моряке-пирате:

— *«Он выстрелил мне в грудь, и за борт я упал...»*

Все утро он проводит в медлительном раздумье, почти медитации; в мыслях беспорядочно

появляются и исчезают жена, сын, Клайв, Пако, Джеки, даже Петала. Образы из его старой, реальной жизни мелькают перед глазами, как будто пришли поздороваться. И мама Одри тоже тут, и даже игуана, падавшая каждый день с дерева в ее саду.

Его мать — хорошая женщина, сейчас ей немало лет, восемьдесят стукнуло, и выкуривает она по пачке в день, поэтому кости хрупкие, склонна ломать конечности. Хотя с чего бы ей их ломать? Днем она прикована к «Фейсбуку», вечером — к телевизору. А он чем собирается заняться в старости? И нужна ли ему она, эта старость? Не лучше ли вовремя броситься в море? Он почесывает бороду, понимая, что пока ничего не может ответить на этот вопрос ни Петале, ни Клайву, ни даже себе. А вот Джеки, возможно, и права: на его яхте действительно обитает призрак бывшего шкипера, которого смыло за борт, когда он пытался спустить парус.

На палубе появляется Фиби, за ней Оушен.

— Я ее покормила, — говорит Фиби. — И собаку тоже.

— Спасибо! — Он с трудом сдерживается, чтобы не спросить: «А ты сама хочешь стать матерью?»

Но вовремя вспоминает, что для личных вопросов время еще не настало, чувствует, как лицо заливают краской.

Они меняются местами у руля.

Все трое сидят в кокпите, надежно пристегнутые страховочными тросами, одетые в защитные костюмы, так что непогода им нипочем. Оушен снова занавесила глаза зеркальными очками, но ведет себя тихо, о чем-то думает, наблюдает... Как же сильно

она изменилась с тех пор, как они шли мимо Устья Дракона!

— Папа, мы когда-нибудь увидим кита?

Неужели об этом она размышляла последние пятнадцать минут?

— Возможно. Но вряд ли прямо здесь.

— А где?

— На другой стороне, в другом океане.

— Как называется *этот* океан?

— Это Карибское море.

— А другой океан как называется?

— Тихий.

— И там водятся киты? И мы увидим одного?

— Только если очень повезет.

— Папа?

— Что?

— Ты назвал меня в честь которого океана?

Гэвин смеется:

— В честь их всех, вместе взятых, детка.

— Почему?

— Потому что в каждом океане полно чудес, как в тебе.

Оушен поджимает губы, смущенная комплиментом.

— Ладно, — через какое-то время говорит она.

Они проводят на палубе весь день. Волны не стихают. Сюзи начинает беспокоиться внизу, и Гэвин выводит ее из конуры прогуляться и погадить на кусок газеты. Дает попить воды, гладит по голове, чешет за ушами, и они беседуют о том о сем. Правда, наверх он ее не пускает.

До самого вечера они борются с ветром и неспокойным морем. И Фиби ни разу не совершает

неверного движения. Она знала, на что идет, выполняет нужные действия с автоматической точностью. Теперь он видит, что она подготовлена к морскому переходу гораздо лучше его. Ему становится стыдно, что на берегу, в «Тако Белл», он подверг ее такому допросу, что спрашивал себя: «На что способна эта девчонка?» А она ответила на все интересующие ее вопросы еще до встречи с ним — и пришла, уже приняв решение. Наверняка хорошенько рассмотрела «Романи» в марине, и не только ее.

Надо же, встретить «Великого датчанина» на Карибах! Конечно, ей захотелось вспомнить прошлое, посмотреть, как знакомая яхта будет вести себя в открытом море. Но если бы они с Оушен не приглянулись Фиби, она не постучалась бы к ним. Он недооценил эту воздушную, хрупкую русалку с гитарой за спиной, с ее голубыми глазами и волосами цвета льна. И теперь именно она, а не он ведет их через бурное море к материку. Вот такое юное чудо оказалось на борту старенькой «Романи», — вынырнувшая из недр морских копий его собственной жены.

Они перекусывают лапшой с сыром, выпивают по кружке чая — при такой качке нормальной еды не приготовить. Солнце исчезает за горизонтом, ветер начинает свистеть в парусах. «Далше!» — надо же, какое слово она вытатуировала себе на руке. Что же это значит? Может быть, и ему стоит сделать татуировку? Якорь, например, или розу. Или написать красивым шрифтом имя жены. Или просто интересное слово, которое придаст ему загадочности...

Фиби исподволь наблюдает за ним.

— Похоже, в мыслях вы уплыли очень далеко.

— Точно.

— Я тоже все время уплываю. Море заставляет человека постоянно размышлять о жизни.

— Вы правы.

— Постоянно спрашиваешь себя, а как же проходит твоя жизнь.

Оба смотрят вдаль на крутые голубые дюны волн.

— Ну и как проходит ваша жизнь? — спрашивает он, поражаясь собственной смелости.

Фиби издает короткий смешок.

— Неплохо, спасибо.

— Никаких замужеств, разводов?

— А вот и не угадали, я была замужем.

— Неужели? — Он искренне удивлен.

— Я вышла замуж в восемнадцать лет.

— Ого!

— Да. Никто и не думал, что брак будет удачным. И я тоже так не думала.

— Ничего себе! А зачем же тогда...

— Он был очень милым. Еще мальчиком, собственно. И я была девчонкой. Сейчас мы дружим, но... Тогда жизнь нас развела, мы пошли учиться в разные колледжи. К тому же он никогда не любил море.

— А сейчас он где живет?

— Примкнул к какой-то коммуне в Испании. Мы уже давно в разводе, и не думаю, что мне захочется снова выйти замуж, по крайней мере пока. Но в юном возрасте это казалось страшно романтическим.

— А сколько вам лет, простите за вопрос?

— Двадцать восемь.

— А я женился поздно, в тридцать пять. С женой познакомился, когда мне исполнилось тридцать.

Мы встречались какое-то время, я все тянул... Я ведь страшно любил море.

— Понимаю, море не любит конкуренции.

— Я тоже чувствую это.

— Море — ревнивая женщина, вы же знаете! Посмотрите, сколько здесь одиноких мужчин. Именно мужчины ходят на яхтах в одиночку, не женщины. Мужчины рвутся в море, потому что море жадное — как страстная, ревнивая любовница, бросает им вызов и хочет обладать ими полностью. Тысячи одиноких мужчин принадлежат его безбрежным просторам, все с утра до вечера занимаются с ним любовью.

Гэвин смущенно опускает глаза.

— Да, похоже, вы немало повидали, — замечает он.

— Это точно. Многие моряки не мыслят жизни без парусов. Большинство от чего-то бежит, конечно, ну, кроме профессионалов, занимающихся доставкой, или персонала наемных яхт. Все остальные, уж простите, — сбежавшие из города новички. Их привлекают опасность, приключения... — В ее глазах вспыхивает озорной огонек. — Некоторые, вроде меня, из богемной среды и путешествуют с гитарами.

— Я ведь тоже сбежал, — вдруг признается Гэвин.

Фиби кивает. Похоже, она уже это вычислила.

— Я ничего не мог с собой поделать. Однажды просто вышел из офиса и не вернулся. Долго в себя не мог прийти от того, что сотворил. Сейчас-то мне стало намного легче.

— Да это нормально. Правда. Сделать то, что сделали вы.

— Вы тоже от чего-то бежали?

— Я сбежала из дома. От своего отца. Он бил маму, меня и младшего братишку. Так что в шестнадцать лет я сорвалась с места в первый раз.

— Бил вас! Ужас какой.

— Да уж. — Она улыбается. — Мне точно лучше быть одной.

— Мне очень жаль...

— Мне тоже жаль того, что случилось с вами.

— А разве не рискованно путешествовать вот так, наедине с женщиной?

— Риск не так уж и велик, поверьте. Ведь всегда выбирает женщина. Это ведь я решила идти с вами. У вас чудесный ребенок, крутая собака и великолепная яхта.

— Я знаю. — Развеселившись, Гэвин ударяет себя по колену, хохочет.

Она тоже начинает хохотать, эта милая, юная Фиби Вульф со своими татушками.

Снова настает ночь, дочь спит в салоне под сеткой. Ветры завывают в парусах, кажется, они не прекратятся никогда. Гэвин и Фиби сидят в темноте, почти не разговаривают, замороженные движением темных теней, формой волн. Фиби держит румпель.

— Итак, — вдруг произносит она, — вы мне еще не рассказали о призраке.

— Эх... — Гэвин даже постанывает от нежелания обсуждать эту тему. — Ну что сказать... Я-то сам никогда его не видел. За все эти годы — ни разу. Но легенда действительно существует.

— И?

— Я это... соврал вам.

— Соврали???

— Да. Уж извините. Заговорился.

— Так о чем соврали-то?

— Ну, я действительно владел яхтой совместно со своим другом Клайвом, только мы ее ни у кого не покупали.

— Как так?

— «Романи» нашли дрейфующей, на борту никого не было, только хлопали паруса. Ее привели местные рыбаки, владельцы яхт-клуба оставили гнить в марине. Целый год она простояла беспризорной, и ее уже собирались потопить у выхода из залива. Тогда мой друг предложил купить ее по дешевке, вот сделка и состоялась. Нам тогда было столько же лет, как вам сейчас, а может быть, и меньше. Мы всегда мечтали о яхте.

— И вы не знаете, что случилось с тем шкипером?

— Нет.

— Он, наверное, упал за борт во время волнения. Такого, как это.

— Да. Бедняга. Он и не пытался предотвратить падение — даже не пристегнут был. О чем он вообще думал?! Если упадешь в воду, через минуту останешься один посреди моря.

Проходит еще несколько часов, ветер рычит, завывает, рвет паруса. «Романи» ускоряет свой бег, без усталости забирается с одной крутой горы на другую, ровно и быстро, как всегда.

— Она так уверена в себе, — замечает Фиби.

— Напоминает вам о вашем детстве?

— Да, мы с отцом часто выходили в море. Но в нашей семье я единственная любила это занятие. Он брал меня с собой, когда я была еще малышкой.

— Такой, как Оушен?

— Да.

— Он еще ходит на этой яхте?

— Нет, давно продал ее.

— Что же, я очень рад, что вы нашли нас и что решились пойти с нами.

Ночью они снова устанавливают вахты, и на этот раз Фиби идет спать первая.

Два часа ночи. Сейчас ему не помешала бы трубка, так приятно попыхивать, сидя в темноте. Правда, вокруг и так происходит множество событий, да и в голове продолжается кавардак. «Романи» качается на волнах, как плот или щепка, паруса гудят, нос яхты с сопением погружается в воду, выныривает снова. Гэвин крепко сжимает румпель, осматривает воду, палубу, слегка убирает парус на гроте, помогая яхте справиться с ветром. За «Романи» нужно следить постоянно, в бурном море ее ход может легко нарушиться. Она инстинктивно реагирует на движение волн и силу ветра, а он, так же инстинктивно, реагирует на ее нужды. И ей хорошо, его старенькой яхте, она счастлива.

Всю ночь он то встает, то снова садится, не отпуская руль, не сводя глаз с темноты впереди. «Бух, бух!» — нос зарывается в очередную волну, пропахивает ее, брызги и пена летят в кокпит. «Ух ты!» Соль разъедает глаза, грудь болит, и кишки сводит, но эта боль лишь заставляет его яснее, острее ощущать восторг жизни. Море может сделать с ним что

заблагорассудится: заморить до смерти или вылечить от горя, от прошлых неудач. У его жены сердце разорвалось напополам. Как же я люблю тебя, милая! И я понимаю тебя, правда. Где ты сейчас, Клэр? В своей комнате в доме матери, где окна выходят на высокое дерево с красными листьями? Что ты делаешь? Смотришь телевизор? Вяжешь? Спишь? Не ешь, не пьешь, не разговариваешь, увядаешь с каждым днем?

Всю ночь, держа руки на штурвале, он размышляет о том, какой жизнью хочет жить. Возможно ли начать ее заново? Он вглядывается в темноту, но не видит на носу ни борющихся с гротом призраков, ни движущихся по палубе темных теней, лишь огромные черно-синие холмы вздымаются вокруг. Куда его занесло? От этого места веет смертельной опасностью, почему же он так счастлив? Он всего лишь маленький человек на маленькой лодке, окруженный такими огромными волнами, которые ему еще не приходилось видеть, но он счастлив, что снова может назвать себя мужчиной и моряком.

Глава 14

MIRA!

Под вечер в четверг они прибывают в Картахену. Переход занял больше трех дней. Гавань отгорожена от открытого океана узкой косой элитного района Бока-Гранде, где колумбийцы выстроили собственную версию Манхэттена. Марину обступают высотные дома, они похожи на разодетых гостей, спешащих к морю на вечеринку по мелкому серому песку.

Переход совершенно вымотал их, даже Сюзи лежит в будке без сил. Они бросают якорь, выпускают собаку на свободу, отстегивают страховочные тросы, льют пресную воду себе на головы. Наконец-то земля! Они в гавани, в безопасности — не чудо ли это?

— Спасибо! — обращается он к Фиби. — Вы просто спасли нас. Разрешите пригласить вас на ужин в качестве благодарности?

— Конечно, с удовольствием. Как долго вы планируете пробыть здесь?

— Даже не представляю... Наверное, неделю, не меньше.

— Мой друг сдает неподалеку дешевое жилье. В районе Хетсемани. Я бы предпочла пожить какое-то время на суше, если не возражаете. В комнате с душем и телевизором.

— Конечно, как скажете.

— А вы не хотите снять комнату?

— Мы?

— Да, вы. Когда последний раз вы принимали нормальный душ? И спали в нормальной постели?

— Эээ... больше месяца назад.

— Вот видите. Может, стоит устроить себе передышку?

— Может, и стоит. Но как быть с Сюзи?

— Я спрошу друга. Уверена, он сделает исключение для такой милой собаки. На несколько ночей, по крайней мере. Он и сам очень милый.

В ту ночь они спят все вместе глубоким сном, как младенцы в объятиях Картахены-де-Индиас. Во время перехода от недосыпания, непомерного напряжения и бесконечного потребления кофеина его потребности сократились до минимума: он чувствовал себя легким, как птица, но сейчас находится на грани нервного срыва. Эти три дня измотали его, но одновременно зарядили новой уверенностью в своих силах. Ведь он снова выстоял! И посмотрите, как далеко они уже заплыли.

Утром они надувают шлюпку, прикрепляют навесной мотор, пакуют одежду на несколько дней, переплывают залив и оставляют шлюпку привязанной к причалу. Проходят паспортный контроль, завтракают в Манге: кофе с молоком и круассаны. Фиби и Оушен заняты друг другом, играют в «камень-ножницы-бумага».

Кажется, он знает Фиби очень давно, так хорошо она вписалась в их команду. Она делом доказала, на что способна. Оушен наблюдает за ней с открытым восхищением, перенимает ее движения, манеру

говорить — явно нашла себе новый образец для подражания. Гэвин с удивлением признается себе, что не испытывал к Фиби сексуального притяжения: видимо, потому, что она ведет себя без тени женского кокетства. Как легко она устранила все возможные проблемы нового знакомства: просто приняла их такими, как есть, и они ее тоже.

Позавтракав, они переходят по мосту из Манги в Хетсемани, квартал бедноты, названный так в честь Гефсиманского сада — того самого, у подножия Елеонской горы, где Христос молился накануне распятия.

Здесь улицы узкие, заполнены людьми, буквально на каждом углу вывеска «*LLAMADAS*⁸» — под ней стоит человек с мобильным телефоном, продающий звонки. Здания когда-то выглядели роскошно, но сейчас явно нуждаются в ремонте. С резных балкончиков свисают пышные лозы пурпурной бутенвиллеи. Они проходят мимо парка с сухой коричневой травой, в темных кафе с высокими потолками молодые мужчины пьют кофе и курят. Они сворачивают еще на одну улочку, и Гэвина охватывает непонятный страх. Впервые с момента путешествия он явно чувствует опасность. Люди здесь высокие, двигаются медлительно, как будто лениво, бросают на них косые, оценивающие взгляды.

Фиби понимающе кивает.

— Здесь действительно небезопасно, — говорит она. — Особенно вечером, после девяти. Будьте осторожны. Не носите с собой ценностей. И вас будут точно останавливать пушеры.

---

⁸ Звонок (исп.).

— Какие еще пушеры?

— Кокаиновые.

Они подходят к кованым железным воротам, Фиби просовывает руку и изнутри нажимает кнопку вызова. Ворота открываются.

В комнате, куда они зашли, довольно темно, работает телевизор, вокруг него вповалку валяются вялые туристы с рюкзаками, за стойкой — бритый наголо колумбиец. Его глаза вспыхивают радостью при виде Фиби, они здороваются по-испански. Затем она указывает на них рукой:

— *Si, Franco, este hombre es mi amigo, Gavin, y su hija, Océan, y Suzy.*⁹

Гэвин чувствует неловкость из-за своей соломенной шляпы и клочковатой бороды. Грязные, обтрепанные, они выглядят как беженцы или хиппи. Волосы Оушен выгорели до жемчужно-серебристого цвета. Прищурившись, она гипнотизирует Франко немигающим взглядом, как настоящая дочь мафиозного босса или пирата. Видимо, морские приключения положительно сказались на ее самооценке.

Франко протягивает руку. Они с Фиби говорят по-испански, и затем Фиби радостно сообщает, что для них найдется комната на верхнем этаже. С душем, но не слишком изысканная. Фиби машет рукой в сторону коридора, говорит, что будет спать внизу, а сейчас собирается распаковать вещи и принять душ.

— Увидимся позже!

Комната, которую предлагает им Франко, одновременно и самая ужасная, и самая прекрасная

---

⁹ Да, Франко, этот человек — мой друг Гэвин, его дочь Оушен и Сюзи (*исп.*).

на свете. Стены некрашенные, пол покрыт растрескавшейся плиткой, даже вентилятор отсутствует. Но окна нет занавесок, лишь деревянные ставни, которые закрываются на ночь. Зато в ней две кровати, одна односпальная, а другая — двухспальная, душ и туалет.

— Спасибо, — говорит Гэвин. — Нам это вполне подойдет.

Как только за Франко закрывается дверь, все трое — Гэвин, Сюзи и Оушен — забираются на двухспальную кровать. Гэвин включает телевизор, по Си-эн-эн передают новости. Он открывает пакет чипсов, и они проводят все утро, сбившись в кучу на постели, перед телевизором, как будто никогда раньше его не видели. А потом засыпают все вместе и просыпаются только под вечер. Телевизор все так же орет, по новостям показывают ужасы наводнений, тысячи людей снова остались без крова.

На экране мелькают толпы грязных, вымокших до нитки людей, залитые мутной водой дома, качающиеся на волнах вещи. Они с Оушен несколько секунд смотрят на экран, потом она глубже зарывается под его руку, отворачивает лицо. Он кладет руку себе на грудь, по привычке проверяет сердце, шепчет молитву за тех, кто остался бездомным. Дожди идут по всему Тринидаду, Венесуэле, дождь дошел и до Арубы. Наводнения и здесь в Колумбии. Кажется, весь мир залит водой.

* * *

Вечером они идут гулять по Хетсемани, доходят до окруженного стеной Старого города, проходят

уличный рынок, где продают подержанные книги, свежавыжатый сок тамаринда. Сворачивают на соседнюю улицу — и здесь идет торговля: на лотках нарезанные кубики дыни и манго в прозрачных пластиковых стаканах, шпажки с фруктами, пау-пау, апельсины. Открытая столовая заполнена людьми, пахнет жареной рыбой. Чуть дальше, под аркой, украшенной шелковыми цветами, сидят рядами мужчины перед пишущими машинками. Это городские писцы, они за деньги пишут обращения во всевозможные государственные инстанции. Полировщики обуви усаживают клиентов в ярко раскрашенные деревянные кресла, ставят их ноги на металлические подножки. Старый город спрятан за высокими стенами, а за спинами блестит море, которое они недавно пересекли. Они заходят в аркаду, продавцы кричат им вслед, предлагая домашние сладости.

В пункте обмена валюты Гэвин меняет доллары на песо, и они идут дальше, держась за руки, а Сюзи семенит рядом на поводке. На перекрестках люди с лицами, выкрашенными черной обувной краской, жестами просят подаяния, молодые полицейские с дубинками патрулируют улицы. Здания в этом районе отреставрированы до первоначального великолепия, выкрашены в терракотовый, сиреневый, лимонный, ярко-синий цвета, и каждый балкон украшен водопадом лилий и бугенвиллей.

Этот город когда-то построили испанцы, они также укрепили его, особенно с моря, спасаясь от вражеских флотилий и бесконечных пиратов. В XVIII веке Картахена сумела противостоять британскому завоеванию и не пала во время осады. Сюда дошла

и испанская инквизиция: служители церкви привезли приспособления для раздавливания черепов и обезображивания гениталий — пытками они загоняли местное население в христианство. Чего только не делали с «язычниками» поборники Христа: подвешивали к потолкам, наполняли глотки водой, сжигали как ведьм, — только чтобы те отказались от веры своих предков. Снаружи Картахена кажется веселой, легкомысленной и романтической, но на деле это старый, одинокий, духовно сломленный город.

Целый час они бродят по узким аллеям, рассматривают выставленные на продажу изумруды. В одном магазине их сразу же заводят за занавески и предлагают изумруд размером с большой палец Гэвина.

Оушен очень нравятся зеленые камушки, ее глаза загораются интересом.

— Давай купим что-нибудь мамочке, — предлагает она.

Через минуту сделка уже совершена. Гэвин купил жене кольцо с темно-зеленым отполированным камнем. К кольцу прилагается сертификат качества. Он аккуратно заворачивает изящную вещицу в папиросную бумагу и кладет в сумку.

На большой площади с танцующими фонтанами они находят кафе и садятся за столик. Красивые кареты, запряженные ухоженными лошадьми, возят туристов вокруг площади, на противоположной стороне собралась небольшая кучка моряков. Официант подает им меню: они заказывают спагетти маринара, колу, хлеб. Небо постепенно меняет цвет на ночной. К их столику подходят мужчины

и женщины, предлагают ювелирные украшения, часы, картины и гравюры с видами города. Они назойливо тычут в лицо своим товаром и не уходят, пока Гэвин не говорит «Нет!» очень твердым голосом.

Непонятно, откуда у их столика появляется девочка возраста Оушен с длинными каштановыми волосами. Сначала Гэвин думает, что она тоже хочет им что-то продать, и на всякий случай отворачивается, но она начинает говорить по-испански.

— *Mira*, — говорит она, протягивая руку, — посмотри.

Немного испуганно он смотрит туда, куда она показывает, — на ее руках сидит пушистый коричневый зверек, то ли воробышек, то ли летучая мышь.

— *Mira!* — с выражением повторяет она, протягивая руку, чтобы Гэвин и Оушен могли рассмотреть зверька.

Оушен вытягивает шею, он тоже присматривается. Это не птица и не летучая мышь, а необыкновенно большая ночная бабочка с мохнатыми крыльями и лапками. Поняв, что они рассмотрели огромного, как птица, мотылька, девочка радостно улыбается.

— Теперь уходи, — вежливо, но твердо говорит ей Гэвин.

И девочка поворачивается и уходит, довольная тем, что смогла показать им что-то интересное.

— Папа, какая ужасная бабочка, — тихо произносит Оушен.

Он кивает, оборачивается, но девочки уже нет, она растворилась в вечерних сумерках, спряталась за фонтанами. Откуда-то прилетает тоска по дому.

«Смотри!» — сказала девочка, протягивая сидящее на руке уродство, как будто предложила на себя посмотреть.

Они поглощают спагетти в молчании.

Сюзи поскуливает, просит покормить и ее, и Гэвин незаметно опускает свою тарелку под стол.

Море снова высосало из них всю энергию. Они слишком утомлены, чтобы получать удовольствие от живописных развалин и красивых перспектив. Гэвину вспоминается Порт-оф-Спейн: его родной город тоже стоит на берегу моря и чем-то напоминает этот портовый рай — может быть, поэтому Картахена кажется знакомой, почти родной, как будто он сам прошел все этапы ее истории: завоевания, победы, поражения...

Они пешком возвращаются в свой бедняцкий хостел. Гэвина покачивает, он чувствует себя не в своей тарелке: они так долго пробыли в море, так привыкли к морской качке, что на суше им неловко. А тут еще девчонка с мотыльком, призрак у мачты — есть от чего расшататься нервам!

Его настоящий дом смыло волной — он построил новый дом. Но им с дочерью тот дом не пришелся по нраву, его мутило от розовых стен, бесил бесконечный дождь, приходивший с окрестных гор, до слез пугавший его девочку. Он не мог заставить проклятый дождь прекратиться, поэтому они и бежали, ушли на запад и в конце концов оказались здесь. Все в порядке, убеждает он себя, все хорошо. Посмотри, как путешествие пошло на пользу Оушен! Она стала настоящей морячкой, его русалочка. Он сильно недооценивал свою дочь, ведь сейчас она поддерживает его не меньше, чем он ее.

Они доходят до хостела без приключений, нажимают кнопку на воротах. В номере он сажает Оушен в ванну, выдает ей мыло и мочалку, велит хорошенько потереть себя. Следом приходит очередь Сюзи — он и собаку после ванны заворачивает в полотенце.

Обе забираются в кровать и через секунду уже спят.

Удостоверившись, что все спокойно, Гэвин тоже встает под душ, но как только поток воды касается его головы, внутри открываются невидимые шлюзы: вода смешивается со слезами, остановить которые невозможно. Гэвин рыдает, не сдерживая слез: по жене и погибшему сыну, по своей испорченной жизни. Все начиналось так радужно, а нынче кто он? Отшельник, беглец...

Так приятно хорошенько прореветься, он так ждал момента, когда сможет остаться в одиночестве. Дверь в ванную заперта, шум воды заглушает рыдания, и его тело содрогается в конвульсиях, как будто он только что похоронил кого-то. Половина жизни прошла, ее уже не вернуть. Он представляет, как отец Фиби бил ее, малышку, снова видит перед глазами девочку с мотыльком на руке. Она сказала ему «*Mira!*» — «Смотри!» и он, смахивая с лица слезы, шепчет:

— Господи, помоги мне!

Глава 15

ХЕТСЕМАНИ

Наплакавшись, с красными глазами и горящими веками, но чистый, Гэвин ложится в постель, и тут воспоминания накрывают его тяжелой волной.

В тот день сильный дождь шел без остановки с четырех до шести вечера. Барабанил что есть силы так громко, что в его шуме тонули остальные звуки. Как будто в мире случилось короткое замыкание, — так бывало иногда в детстве, когда черно-белый экран телевизора сходил с ума и шел полосами и волнами. От этих безумных, мельтешащих фигур ему всегда становилось страшно.

Из окна офиса он наблюдал, как пешеходы перебегают улицу, пытаясь закрыться от дождя зонтиками, как ветер легко вырывает зонты из рук, выворачивает их наизнанку. Вода хлестала из сточных труб, переполняла канавы, и, когда дождь прекратился, Гэвин сразу поехал домой, чтобы проверить, все ли в порядке, — в последние годы в сезон дождей их частенько подтопляло. На соседнем холме строился новый жилой квартал, строители первым делом вырубili лес, и теперь на их район, расположенный у подножия холма, уже не защищенного растительностью, текли целые реки.

Так вот, он приехал домой и увидел, что подъездная дорожка уже залита водой, и тогда он вооружился шваброй и вымел воду в сточный люк. Что еще он мог сделать? Такое уже случалось, и не раз. К кому он мог обратиться? С кем воевать? Со строительной компанией? С государством? На Тринидаде нет законов, регулирующих частную застройку.

В восемь вечера дождь начался снова. Клэр накормила Оушен картофельной запеканкой и печеными бобами, передела в пижамку и отправила в гостиную смотреть мультики. Маленький Александр мирно спал под москитной сеткой в своей колыбели. Спальня малыша находилась в задней части дома, дверь была полуоткрыта. Они хотели вместе провести тихий вечер, а тут этот дождь. Жозефина тоже жила с ними тогда, в комнате за кухней. Она была у себя, смотрела телевизор. Сюзи лежала под столом, тихонько повизгивая из-за дождя. В углу гостиной стояла увешанная подмигивающими гирляндами елка, под ней ждали своего часа красиво обернутые подарки.

Часы отстукивали время, а дождь все усиливался, и ближе к ночи с неба лились уже сплошные водные потоки. Гэвин всерьез заволновался. Двор ушел под воду, канализационный люк у задней двери был полон взбаламученной коричневой жижи. Позвонил обеспокоенный сосед — его участок располагался еще ближе к подножию холма, теперь абсолютно голого.

— Мы прямо как подсадные утки, — сказал ему Гэвин. — Вы как там, держитесь?

— Да ужас просто! В саду целый пруд налило.

Черт. С этим дождем не расслабишься. Гэвин надел сапоги, вышел на крыльцо и осмотрелся. В небе гревели гроззовые раскаты, за стеной по улице нестройно шли солдаты, что-то орали друг другу. Тринидадцы живут от одного дождевого сезона к другому. Каждый год с июня по декабрь льет и льет. Каждый год он перезванивается с соседями, смотрит в небо, но в последнее время стало особенно неспокойно. «Без паники! — велел себе Гэвин. — Успокойся. Подумаешь, обычный дождь».

Он надел плащ и, прихватив из кухни табуретку, вышел во двор. Прошлепав по сплошным лужам до стены, взгромоздился на табурет, чтобы посмотреть, что творится на улице. *Боже милостивый!* Потоки коричневой воды мчались вниз по склонам холма, ударялись в стену соседа, веером отскакивали на дорогу. Перед его собственными воротами улица превратилась в мутную, разбухшую реку. Реку, которая поднималась все выше, напирая на окружавшие его сад тонкие стены.

Он спрыгнул в лужу, вернулся в дом, налил себе рюмку рома. Выпил залпом, налил еще одну, снова опрокинул в горло. Клэр, внешне спокойная, сосредоточенная, сидела на диване с Оушен, игнорируя то, что творится за стенами дома. Вдруг порывисто встала, пошла в комнату Александра, вернулась и села обратно на диван.

— Он так мирно спит. Давай не будем его будить, — сказала она.

Гэвин чувствовал, что жена взвешивает в голове ситуацию, обдумывает, не пора ли начинать паниковать. Но Клэр всегда была уверена, что Бог

на ее стороне и что ни с ней, ни с ее близкими ничего плохого не случится. До той ночи, действительно, ее жизнь была на удивление спокойна и счастлива.

А вот Гэвин успокоиться не мог, его паника нарастала с каждой минутой: снаружи начинался настоящий потоп. В то время как Клэр спокойно сидела на диване, держа дочь за руку, он то и дело выбегал на крыльцо, глядел в рыдающее небо. Снова зазвонил телефон.

— Черт, друг, что скажешь? — с тревогой спросил Джереми, сосед из дома напротив. — Папаша нервничает, что делать будем? — С ним жил его больной артритом слепой отец.

Гэвин чуть было не предложил опуститься на колени и помолиться.

Телефонные звонки раздавались теперь каждые пять минут: соседи пытались выяснить друг у друга, как лучше поступить. В конце концов Гэвин не выдержал:

— Милая, давай я позвоню Клайву! Пусть вывезет вас отсюда. Тебя, Жозефину, детишек. Его джип сможет пройти и не по такой воде.

— А ты что, собираешься остаться здесь?

— Да, но со мной все будет в порядке, не волнуйся.

Клэр поджала губы и отрицательно покачала головой.

— Ну ладно, тогда я залезу на крышу, посмотрю, что делается вокруг. А ты все-таки возьми Александра на руки.

Но Клэр не двинулась с места. Именно в эту минуту что-то внутри у нее зашелкнулось, парализовало ее волю, — она продолжала неподвижно сидеть

на диване, глядя прямо перед собой и крепко сжимая руку дочери.

Гэвин вышел на крыльцо. Тут-то это и произошло. Раздался страшный грохот. Бетонная стена его сада обрушилась, и в образовавшийся пролом полетели камни, кирпичи и ринулась бурая вода. Огромная волна, как преодолевший препятствие спортсмен, на секунду присела, приземлившись на его лужайке, и, не медля, снова рванула вперед, к дому.

— Бегите! — заорал он и бросился внутрь, лишь на мгновение опередив стену воды.

Клэр не пошевелилась, а с лица Оушен схлынули все краски, глаза расширились от ужаса.

— Бегите! — Одним прыжком он добрался до них, схватил Оушен, забросил себе на плечи, за руку стащил с дивана жену.

Однако дом уже был заполнен бушующей водой. Гэвина отбросило назад, размазало по кухонной стенке, вода быстро поднялась до уровня груди. В гостиной полоскалась елка, где-то взывала Сюзи, — боковым зрением он заметил, как собака отчаянно перебирает лапами, отфыркиваясь и лязгая зубами, но затем она исчезла в мутном потоке, унесшем ее в окно. Из соседней комнаты слышались вопли и причитания Жозефины: «Господи, пощади, не дай умереть в одиночестве!» А вода уже добралась до шеи. Оушен, сидя на его плечах, визжала «папочка!», жена была распластана по стене рядом с ним.

Вода неистовствовала в их доме, как яростный дикий бык. Била стекла, сметала мебель. Гэвин слышал, как трещат готовые обрушиться стены, а дождь все нарастал, то и дело раздавались новые звуки,

напоминавшие то ли рев бензопилы, то ли пулеметные очереди.

Минут десять они не могли шевельнуться: так и стояли, прижатые к стене, пленники бурой воды. За это время перед его глазами промелькнула вся жизнь, с которой он уже простился: первый велосипед и первая собака, первый поцелуй и первая вылазка на «Романи», день свадьбы, его знаменитый рецепт ромового пунша и дырка от вырванного зуба, кровоточившая несколько дней... Одна мысль застряла в голове: «За что, Господи? За что Ты наказываешь нас?» С языка срывались бессвязные слова молитвы: «Господи на земле и на небе, спаси и сохрани нас, помоги нам, помоги, помоги...» И тут он вспомнил об оставшемся в колыбели сыне и похолодел — Александр! Сынок! Его нужно спасти!

Сильное течение не давало пошевелиться, но как только уровень воды немного спал, Гэвин пробрался к кухонному столу, посадил на него Клэр, сбросил ей на руки дочь и приказал:

— Сиди здесь, не двигайся, следи за ребенком!

Измученная Клэр могла только кивнуть, прижав к себе Оушен, которая с безумными от страха глазами тряслась от холода. Вода еще устраивала в комнатах водовороты, но она уже лишилась части своей прежней силы.

С трудом передвигая ногами, он брел по коридору, преодолевая сопротивление воды. Дверь в спальню сына была распахнута настежь, комната заполнена мутной, как после шторма, черной водой. Сердце у него билось где-то в горле, пульс зашкаливал. Оглядевшись, увидел провисшую, облепленную илом москитную сетку. Нырнул, поплыл

в ее сторону, растопырив руки, и наткнулся на колыбель... пустую! Вынырнув, набрал в грудь воздуха, снова погрузился под воду. Вдоль и поперек ощущал колыбель, даже приподнял матрас — ничего. Вынырнул, отплеываясь. К этому моменту он уже был вне себя и хрипло, надрывно кричал, хватаясь за горло:

— Александр! Сынок!

Нырял и нырял, не помнит сколько, пока у дальней стены не обнаружил крошечное мертвое тельце, повисшее вниз лицом в грязной воде.

* * *

Позже тем вечером он все-таки позвонил брату по мобильному телефону соседа. Когда уровень воды упал, Клайв приехал на джипе, забрал Жозефину, Клэр, Оушен и завернутое в одеяло тельце его сына.

Улица превратилась в место военных действий: повсюду валялись битые кирпичи, мусор, куски разрушенных стен. Потерявшиеся собаки искали хозяев, лаяли, скулили, стоя в грязи посреди дороги.

Сюзи среди них не было.

От стен его дома вода не отступала, река, правда, немного уменьшилась, но с холма лились новые ручьи грязи. Дом затянуло илом, мутная жижа вытекала из дверей на разбухшую лужайку. Заходили ошеломленные, еще не пришедшие в себя соседи, пересказывали ужасы наводнения. Участок в конце улицы пострадал больше всех, правда, он и находился на самом пути следования потока. К счастью, соседи успели вовремя перебросить детей через

стену, перепрыгнули сами и, побросав вещи, босиком помчались по улице вверх, ненамного опередив волну. Деревянным голосом он рассказывал о своей потере, соседи крестились, шептали: «Господи Иисусе, какой ужас, Гэвин!» — а одна женщина даже заплакала. Конечно, все были в шоке, сочувствовали ему, но как они могли его утешить?

А сам он вообще ничего не соображал, помнит только, что кто-то набросил ему на плечи сухое полотенце. Они все не могли до конца осознать случившееся — как целый район мог за час превратиться в груды развалин? Поваленные деревья, запутавшийся в ветвях мусор, мебель, которую волной вымыло на улицу.

Его старенькая мама Одри, ее подруга Маргарет и его сестра Паола приехали на помощь в «мини-купере», вооруженные щетками, тряпками и ведрами, но сразу же застряли в грязи и испугались, что не смогут выехать обратно. Посылая в окно воздушные поцелуи, сморкаясь и утирая слезы, они с трудом развернулись и отбыли, обещав снова приехать на рассвете.

Он не рассказал им о смерти сына, просто не смог произнести эти слова вслух. Пробормотал, что будет ждать их здесь. Почему-то он решил, что должен охранять свой дом. Для чего он остался тогда в разоренном гнезде, сидя на полу как никому не нужный часовой? Сейчас Гэвин знает ответ: он не поехал с Клайвом, потому что не вынес бы ночи под одной крышей с телом новорожденного сына. Он не желал видеть мертвое личико, всей душой надеялся, что родные увезут его куда-нибудь, сами обо всем позаботятся.

Так он и просидел всю ночь на крыльце, не останавливая льющих слез, не снимая мокрой одежды, замерзший, синий, дрожащий. На рассвете вернулась сестра в плаще и резиновых сапогах — Паола жила в Лондоне и прилетела к ним на Рождество накануне вечером. Увидев его, сестра расплакалась, обняла, прижала к себе. «Бедный мой, — сказала она. — Бедный мой мальчик!» И он позволил себе поплакать еще в ее объятиях. Так они просидели очень долго, ничего полезного не совершив в тот день. Он рассказал ей о том, как все произошло. Как он нашел сына захлебнувшимся в грязной воде.

* * *

Клэр и Оушен остались у Клайва — Клэр не хотела возвращаться в разрушенный дом, Оушен была так травмирована, что по вечерам плакала, не могла заснуть.

На следующий день на дрожащих ногах пришла Сюзи и при виде хозяина зашлась счастливым лаем. Он помыл ее, покормил, почесал за ухом, но прошло немало времени, прежде чем собака успокоилась. Пришлось даже привязать ее к двери гаража, а то она все пыталась залезть к нему на руки.

Стали появляться готовые помочь друзья, жители отдаленной части их района. Они несли лопаты, грабли, тряпки. Сестра напоила всех кофе, накормила свежими булочками, и работа закипела: соседи дружно копались в грязи. Он плохо помнит, что происходило тогда вокруг, жил заторможенно, как во сне. Даже мысли еле ползали в голове: однажды он несколько часов искал ботинки, а нашел их там,

где оставил, — в ванной комнате, рядом с унитазом. Потом приехали целые команды рабочих городских служб, вооруженные экскаваторами и мини-погрузчиками. Они закидали в кузова горы мусора, расчистили сливы, распилили и увезли стволы поваленных деревьев, разобрали валявшиеся на улицах провода, установили упавшие столбы электропередач.

Много дней подряд они с друзьями ковырялись в грязи и иле, но голова у него как будто отключилась, он забывал даже, как его зовут. Сестра пыталась руководить процессом, но его болезнь оказалась заразной: каждый день они собирались совершить очередной подвиг, но вскоре бессильно опускались на крыльцо. Да и что было спасать? От дома остался лишь ком грязи.

В этой грязи они находили странные вещи: оторванную ногу куклы Барби, трехколесный велосипед Оушен, нож для чистки овощей, мертвых золотых рыбок из их аквариума, зубные щетки. Холодильник, плита — все было покрыто грязью, ил осел в шкафах, въелся в матрасы. Разбухшие двери не закрывались, в доме воняло гнилью. В углу валялась осыпавшаяся елка. Механически он начал снимать с нее гирлянду, и вдруг у него перехватило дыхание — так накрыло его горе.

Он чуть не задохнулся тогда, но сестра, дернув гирлянду за другой конец, резко приказала:

— Гэвин, посмотри на меня! Вот так, хорошо. Дыши, милый, дыши. Смотри мне в глаза.

Но руки у него продолжали трястись. Время шло, а руки все тряслись, живот подводило, он не мог нормально спать. Приходили какие-то люди,

приносили кастрюльки с супом, вермишелевую запеканку, пиво, ветчину. Вывозили ил из комнат на тележках, выкачивали его насосами, поливали комнаты чистой водой.

Потом и телевидение приехало: репортер из Си-эн-эн и местный новостной канал. Они взяли у него интервью, засняли на пленку разрушения. Оказывается, сотни людей, живших в деревянных домах на окраинах, как и он, в одночасье лишились всего, что нажили за свою жизнь. Он не мог представить, что кому-то сейчас хуже, чем ему, но, очевидно, репортеры не ввали. Правда, только он, зажиточный белый человек, живший в приличном квартале, потерял сына — это была единственная человеческая жертва наводнения.

Его историю раструбили на всю страну, стали звонить незнакомые люди, видевшие его по телевизору. Приехал даже местный депутат, прошелся по дому в сопровождении маленькой, возраста Оушен, дочери, которая сделала несколько снимков на розовый пластмассовый фотоаппарат.

— А ну спрячь свою камеру, девочка! — шикнула на нее сестра Гэвина. — Вот еще, нашла себе развлечение! Убери немедленно!

Гэвин боялся, что Паола стукнет испуганную малышку.

Разгневанная сестра повернулась к депутату и перешла в наступление:

— А вы сюда какого хрена явились, спрашивается?! Что вы собираетесь предпринять с теми, кто виноват в этой трагедии? А?! С теми, кто повырубал все леса в округе? Вы что, совсем ничего не соображаете?! Новорожденный ребенок погиб! Утонул!

Сын моего брата умер. И всё из-за вас! И что вы будете теперь делать?

Сестра, окончательно выйдя из себя, орала, что засудит депутата по самые яйца, что все они мерзавцы, поганые воры, хапуги, пидоры. Долго кричала она, обзывая члена местного совета и так и этак, ругалась как извозчик. Сама-то она живет в Англии, где демократия позволяет простым людям оскорблять правительство, а правительство обязано нести ответственность за содеянное. Депутат молча стоял рядом, внимательно слушал ее, не поднимая глаз.

* * *

Гэвин почти не разговаривал с Клэр в первые дни после наводнения. Через какое-то время она переехала от Клайва к своей матери, а Гэвин так и остался в разрушенном доме. Они общались по телефону, пару раз он заехал к теще, но не понимал, как подступиться к жене. Его раздражало, что Клэр не принимает участия в восстановлении их жилища, а она злилась, что он не утешает ее. Они отдалились друг от друга, каждый замкнулся в себе. Прибывший на место представитель страховой компании оценил ситуацию и пообещал, что им оплатят съемное жилье — на несколько месяцев — пока они не восстановят свой дом. Мистер Грант, начальник Гэвина, предоставил ему на две недели внеочередной отпуск. Его мать готовила, сестра возила обеды, соседи продолжали помогать.

Через какое-то время после похорон они переехали на съемную квартиру в элитный дом с бассейном и детской площадкой во дворе. Там было множество

детей возраста Оушен, но она не хотела играть, сидела одна в своей комнате и, положив голову на подоконник, наблюдала за ними из окна.

Ночью, лежа в новой, незнакомой постели, он обнял жену, но вдруг почувствовал, как ее тело непроизвольно напряглось, стало чужим, холодным. Наверное, именно тогда он понял, что старая жизнь закончилась навсегда. Они с Клэр не обсуждали смерть сына. Ее горе оказалось слишком глубоким, оно разъело ее изнутри, сожрало ей душу, от прежней Клэр осталась пустая оболочка. Жившая в ней раньше искорка, та, что заставляла ее жить, смеяться, петь, целовать его, потухла. Да он и сам был не в лучшем состоянии. Его не оставляли вопросы: почему я? за что их так наказали? как им жить дальше? Они ведь оба старались создать идеальную семью, приложили столько усилий. В чем же их вина?

В том то и дело, что ни в чем. Просто им не повезло, они стали жертвами стихийного бедствия. Такое случается. В их трагедии не было ни злого умысла, ни божественного провидения. Они с Клэр чуть не умерли от горя, а природа этого даже не заметила.

Глава 16

ПОЛУЧЕЛОВЕК

Неделю спустя они снова выходят в море, держат путь в сторону архипелага Сан-Блас, что лежит к востоку от Панамского канала. Материковая земля рядом с архипелагом называется индейским именем Гуна-Яла, что значит «Земля гуна», но у нее есть и второе имя, совпадающее с названием архипелага, — Сан-Блас — в честь яростного испанского адмирала Бласа де Лесо, потерявшего в ходе своей морской карьеры глаз, руку и ногу и получившего за это прозвище Получеловек.

Гэвин покидал Картахену без сожаления — в этом городе он ни минуты не чувствовал себя комфортно. Да, сидел на расписном стуле, как на троне, подставив ботинки чистильщику, да, каждый день заходил на рынок, усаживался за длинный стол, заказывал жареную рыбу и плантан, пил сок из тамаринда, который им наливали на улице из стеклянных резервуаров. Однажды они с Фиби сходили в ресторан напротив Гранд-отеля «Санта-Клара». Но сам город подавлял его своими резными балкончиками, изящно обрамленными цветущими лозами бугенвиллеи, конными экипажами.

Этот город был хорош для любовников, как Париж, а ему с каждым днем становилось здесь все

тоскливее. Правда, кровать в общежитии была достаточно удобной, душ и телевизор работали исправно. И они с Сюзи и Оушен целыми днями валялись, таращась в экран, — снова втроем на своем плоту, как в старые времена.

Сейчас конец января, сезон ветров еще не кончился, и они снова идут по беспокойному морю. Все на борту пристегнуто ремнями. Сюзи сидит в будке. Фиби выводит яхту в открытую водную лазурь, а он завязывает тесемки шляпы под подбородком, садится в кокпит рядом с ней, внимательно следит за волнами. Баланс его тела теперь полностью совпадает с балансом водной стихии, как будто он бессознательно настроил свой организм на океанские ритмы.

Фиби улыбается и кивает ему: да, она чувствует то же самое. Переход на яхте в открытом море может быть разным: трудоемким, однообразным, чарующим, иногда откровенно опасным. Километры синевы вокруг, смотреть не на что, говорить не о чем, но нельзя терять бдительность, потому что в любую минуту может произойти что угодно.

И снова они забираются на голубые дюны и спускаются в лазурные овраги. По очереди стоят у руля. Целый день то вверх, то вниз; чашка чая или кофе, лапша в пластмассовом контейнере. Ветер раздувает паруса, они подняли и грот, и стаксель. Этой старой посудиною легко управлять! В кают-компании все вещи разбросаны, невозможно разложить их по местам. Оушен держится за сетку, чуть не висит на кольцах над спальным местом.

— Держись, русалочка! — кричит он ей с палубы.

Она молодец, истинная дочь моряка, скоро сама будет выходить в море.

Проходит день, проходит ночь. Они с Фиби — как единое целое, настоящая команда. Оба синхронизировались с яхтой, морем и друг с дружкой. Оба видят и понимают тысячи мельчайших деталей, оценивают подлунки, которые им может подстроить океан, опасности, что несут ветра. Это требует усилий, и умственных, и физических. Оба позволяют себе поспать лишь короткие промежутки времени по несколько часов, у обоих нервы на взводе. Ведь море может сделать с ними что угодно: завертеть лодку так, что корма и нос поменяются местами, в течение нескольких минут засосать в водоворот, проглотить, утопить... Но может и прилично себя вести, как сейчас.

Кожа Гэвина постоянно покрыта мурашками: ужас, который он испытывает от соприкосновения с разгулявшейся стихией, заводит его, как необузданный секс. Они с Фиби настолько срослись — полудевочка с полумужчиной, — что он не всегда понимает, кто из них кто. Иногда его напарница кажется маленькой и беззащитной, а в другой раз он ощущает себя по сравнению с ней несмышленым малышом. Но море выуживает из глубин их тел и душ лучшее, на что они способны, и вместе они гармонично справляются с трудностями.

Проходит еще один день, и снова наступает ночь — они в море уже сорок восемь часов. На вахте он прислушивается к ветру, подпевает

ему в ритме регги, вспоминает слова популярной песенки-калипсо «Моряк»:

*Я должен уйти от нее,
Не в силах я больше терпеть,
Охваченный пламенем, я весь горю,
Лучше в море конец свой найду,
Иль пусть dokonает меня табанка.*

«Табанка» — одно из его любимых слов, на языке тринидадцев это означает «разбитая любовь». «Блин, *табанка* меня прикончит!» — заявляют тринидадцы, когда их душа горит от невыразимых эмоций. Это слово легко перекачивается на языке, вызывает улыбку, в его честь называют коктейли, цветы, подарки, но в самом состоянии *табанка* нет ничего приятного — вязкое, душное, скребущее в груди чувство. *Табанка* убивает его уже много недель, месяцев. Она, как тяжелая болезнь, изнурила его душу. Он медленно умирает от *табанка* — и это сушая правда. В море ему и лучше и хуже одновременно.

Он на вахте, сидит за штурвалом. Три часа ночи. Море — черное, смутное, поднимает вверх грозные руки, грозит кулаком, недовольно ворчит. Самая бурная ночь за последнее время. Спать невозможно. Яхту качает. Фиби сидит в кают-компании с Оушен, которая обеими руками цепляется за сетку. Его глаза прикованы к морю, он чувствует и ужас и спокойствие.

«Романи» хорошо справляется с высокой волной, он это прекрасно знает, и все же его мошонка и член сжались, ушли глубоко в тело. Ему чудятся

огромные киты, выплывающие на поверхность; неведь откуда взявшаяся, сокрушающая все на своем пути волна; даже гигантский осьминог, который опутывает яхту щупальцами и собирается утащить ее на дно. Сотни видений проносятся в голове, но он все так же спокойно сидит на руле. Но вдруг из салона доносится пронзительный, почти нечеловеческий вопль: так может кричать только его девочка.

Через пару секунд в дверном проеме показывается голова Фиби, ее лицо посерело от усталости и страха.

— Оушен упала, — говорит она. — Сильно поранилась. Сетка прорвалась, и ее сбросило на пол.

Они меняются местами, и он кубарем скатывается по ступенькам. Оушен сидит на полу, лицо покрыто кровавыми потеками. Она судорожно всхлипывает, рот широко открыт, глаза почти закатились. Держится за левую ногу.

— Деточка, что с тобой?! — Он бросается на пол рядом с дочкой, смотрит на ее ножку, и его чуть не выворачивает наизнанку.

На ноге зияет рваная рана, многоугольная, как морская звезда, на голени видно розовое мясо, под ним — желтоватые жилы. Из этой страшной раны толчками вытекает кровь.

— Тише, ду-ду, — пытается он успокоить дочь. — Ничего, сейчас мы вылечим тебя, приведем в порядок.

Она не слышит, да он и сам понимает, что сказанное звучит неубедительно. Он пытается соединить края раны, но плоть упрямо расходится снова, как будто внутри застряло что-то твердое.

Оушен возмущенно смотрит на него: она в шоке, в ужасе, да и он тоже. Он оглядывается по сторонам: да, сетка прорвалась, и девочку выбросило на что-то острое.

— Милая, я сейчас, только схожу за лекарствами!

Он находит нужный шкафчик, вынимает коробку с лекарствами, которую купил в аптеке, бежит обратно. Сердце стучит где-то в горле, руки ходят ходуном. Он опускается на колени рядом с дочкой, сбрасывает крышку, роется среди бинтов, тубиков с мазями, флакончиков с антисептиками. Оушен продолжает плакать, рана глядит на него широко открытым алым ртом.

Он наливает на вату антисептик, осторожно прикладывает к ране и смотрит на нее как замороженный. Но тут желудок вдруг совершает судорожный прыжок, в голове становится легко, в ушах раздается звон. Свет в салоне такой яркий, что больно смотреть, перед глазами плывут черные червячки.

— Сейчас, сейчас, — бормочет он, — папа сейчас поможет.

Он кивает головой, чтобы приободрить дочку, но ее лицо стало огромным от боли и шока. А ему не пошевелить рукой, он кажется себе неуклюжим бегемотом. Тихонько прикасается к ране смоченной ваткой, но не может соединить края раны.

Оушен вскрикивает:

— Ай, больно!

Обо что же она ударилась? Как будто граблями по ноге проехали... Дыхание Гэвина прерывается, ему кажется, что он тонет, уходит под воду. Сквозь красный туман в глазах он успевает крикнуть:

— Фиби!

Гэвин приходит в себя через несколько минут на полу.

— Что случилось?

— Вы упали в обморок, — нетерпеливо объясняет Фиби. — Идите уже наверх, я сама тут разберусь. Я привязала руль, но долго мы так не протянем. Подышите воздухом, а я перебинтую ногу.

Он смотрит на дочь, которая глядит на него с изумлением — разве взрослые падают в обморок?

Ему ужасно стыдно. Он целует Оушен в лоб, поднимается на непослушные ноги, несколько мгновений стоит покачиваясь. Он никогда в жизни не падал в обмороки и сейчас чувствует себя глубоким стариком: еще немного — и в штаны начнет делать.

Яхта лягается, как норовистая кобылка, стоять тяжело, но он должен вернуться на палубу, или волны перевернут «Романи». Правда, ватные ноги не слушаются, как будто к ним привязано два мешка цемента.

— Ничего-ничего, — говорит Гэвин. — Сейчас я пойду к рулю.

Фиби кивает, не глядя на него, она истинная северянка, по крайней мере, Гэвин всегда считал чрезвычайную выносливость и умение выживать в экстремальной ситуации основным качеством людей, живущих в Северной полушарии.

— Простите меня, — бормочет он виновато.

Снаружи соленый ветер наотмашь бьет его в лицо. Из освещенного прямоугольника кабины высовывается рука Фиби, держащая небольшую бутылку рома.

— Эй, глотните-ка! — кричит она.

Не веря своим глазам, он хватается бутылку. Что это, ром? Откуда она его взяла? Да, Фиби полна сюрпризов. Ему стыдно и страшно, он запрокидывает голову, делает большой глоток, затем наливает немного рома на руку, хлопает себя по лицу. Еще глоток. Яхта окружена вздымающимися водяными горами, она пробирается вперед осторожно, а море вокруг хохочет: «Ха-ха-ха! Дурак, куда ты собрался? От прежнего тебя осталась половина, полчеловека от того, кем ты себя воображаешь».

Он садится за руль, смотрит на свои дрожащие руки, а в груди нарастает, распирает ее, пульсирует ужас при мысли, что с Оушен может что-то случиться, что еще одно его дитя может умереть.

* * *

На рассвете море успокаивается, справа и слева — покрытые пальмами острова, будто они плывут по озеру, полному зубных щеток. Острова крошечные, на каждом умещается лишь по несколько деревьев, больше ничего. Навигационные карты показывают, где проходят рифы, по всей вероятности, они весьма коварны. На одном из них до сих пор держится проржавевший остов грузового судна. Дальше и чуть левее торчит мачта затонувшей яхты.

Они проходят мимо, и Гэвин бросает взгляд в море: похоже, яхта села на мель совсем недавно, корпус выглядит новеньким. Надо же, затонуть в нескольких метрах от берега... Фиби разговаривает с кем-то по радиации на испанском, закончив, сообщает, что на самом большом острове архипелага есть медицинский центр.

Он заводит мотор и, не спуская парусов, двигается вперед. Оушен, измученная болью, наконец-то уснула. После ее падения прошло больше четырех часов, рану нужно срочно зашить. Они идут к острову Рио-Асукар, где есть единственная на всем архипелаге больница.

Все дома на островах сделаны в буквальном смысле из травы. Тонкостенные хижины покрыты конусообразными крышами из соломы, которая под жарким солнцем выгорела до серебристо-пепельного цвета. В маленькой бухте рыбаки — индейцы Гуна — ставят сети, лихо управляя своими выдолбленными из стволов деревьев каноэ. Они радостно машут ему руками, он приветственно машет в ответ. Похоже, на Рио-Асукар лишь одно бетонное здание, оно расположено недалеко от берега и покрашено зеленой краской. Они бросают якорь, переносят Сюзи и Оушен в шлюпку, гребут к берегу. Привязывают ее к большому камню, по камням прыгают к берегу — причала здесь нет. На берегу стоят две женщины, похоже, ждут их. Гэвин шлепает к ним по воде с Оушен на руках.

— *Necesita un medico*,¹⁰ — обращается к ним Фиби.

Женщины кивают.

— Мы и есть врачи, — говорит одна из них. — Нам передали по рации ваше сообщение.

Обе они — индианки Гуна — одеты в джинсы и белые футболки, густые черные волосы аккуратно убраны назад.

— Вы говорите по-английски? — пускает пробный шар Гэвин.

---

¹⁰ Нужен врач (*исп.*).

— Немножко, — отвечает одна.

— Так это больница?

— Да. Идемте с нами.

Они идут следом за женщинами через заросший сорняками сад, где гуляют куры. На кур с вождедением смотрят бродячие собаки. У дверей клиники их встречают еще три женщины, одетые в традиционную одежду Гуна: красные узорчатые платки, платья, украшенные аппликациями в традиционном индейском стиле, называемыми «молас», на ногах — сплетенные из бисера гольфы. В носы продеты золотые кольца, на щеках замысловатые татуировки. Он улыбается им, женщины смущенно хихикают в кулак. Оушен, не мигая, рассматривает эти экзотические создания.

— Папа, кто это?

— Индианки.

— Я останусь здесь с Сюзи, — предлагает Фиби.

Он кивает, проносит дочку по коридору. Потолок в грязных пятнах, на полу не хватает плитки, шкафчики для бумаг заржавели, воздух сырой, затхлый от близости к морю.

Женщины приводят его в кабинет, оборудованный подобием операционного стола. Входит мужчина-врач, тоже индеец Гуна, одетый в зеленый медицинский халат.

— Привет, меня зовут Антон, — представляется он, улыбаясь.

— Я — Гэвин. Сюда класть?

Врач кивает, и Гэвин осторожно опускает Оушен на стол, неловко отступает, не отпуская ее руки, оглядывается по сторонам: тут все держится на соплях, оборудование ветхое, рыжее от ржавчины.

Женщины начинают разбинтовывать ногу, и Оушен вскрикивает от боли.

— Ай! Больно! — визжит она, заливаясь слезами.

Повязка пропитана засохшей кровью, они льют на нее воду, чтобы немного размочить слои бинта, осторожно разматывают его. Сестра держит Оушен за другую руку, ободряюще улыбается сначала девочке, потом ему.

— Да, большая царапина, — говорит она.

— Ничего страшного, — подает голос одна из женщин-врачей. — Рана поверхностная, не слишком глубокая.

Но Гэвин снова видит желтоватую мышцу, куски разорванной кожи, розовое мясо внутри.

— Она не выглядит поверхностной, — мрачно заявляет он.

— До кости не дошло, — говорит врач.

— Вы будете зашивать рану?

Они кивают.

И снова желудок начинает сжиматься, как будто щупальце осьминога шарит по его внутренностям, подбирается в горлу, душит. Он улыбается сестре.

—Что-то меня немного тошнит. Наверное, съел чего-нибудь! — Он показывает на свой живот.

Антон кивает, снисходительно улыбаясь.

Одна из женщин-врачей надевает хирургические перчатки.

— Эээ, у вас же есть обезболивающие средства, правда? — Гэвин вдруг понимает, что этот вопрос здесь не является риторическим.

Врачи кивают.

Он поворачивается к Оушен.

— Моя маленькая, будь мужественна, тебя немножко уколут, совсем чуть-чуть, а потом тебе совсем не будет больно.

Оушен сурово кивает, крепко сжимает губы, будто готовясь к худшему. Закрывает один глаз, другим сканирует комнату как телескопом. Она держится за отца обеими руками, ладони становятся потными от страха. Он оглядывается за спину, видит, как женщина-врач щелкает пальцами по шприцу, кивает ему, как будто говорит: «Поехали!»

— Ну, русалочка, держись!

Доктор вонзает шприц в ногу. Оушен заходится криком, но женщина, не обращая внимания на вопли девочки, продолжает вкалывать анестетик по периметру раны. Гэвину становится дурно — он поспешно отворачивается.

— Папаа!!! — кричит Оушен, и реки слез текут на его руку.

Его бросает в пот, ведь ужас его ребенка — его ужас! Видеть ее страдания для него невозможно, мучительно.

— Да помогите же ей наконец, во имя Господа! — вырывается у него.

Антон улыбается, безмятежно качает головой, как будто не замечая залитого слезами лица Оушен, ее дрожащих от страха губ.

Вдруг на груди хирурга раздается странный звук — это звонит лежащий в верхнем кармане халата мобильный телефон. Антон отвечает на звонок, говорит что-то на языке Гуна, и Оушен на мгновение перестает плакать, прислушиваясь к незнакомой речи.

Антон произносит еще пару слов, улыбается и передает телефон девочке.

— Это тебя! — сообщает он.

Странно, но Оушен как будто не удивлена, она подносит телефон к уху и произносит голосом профессиональной секретарши:

— Алло, слушаю вас!

От удивления Гэвин невольно открывает рот, а врач по имени Антон смеется.

— Это мой брат звонит, — объясняет он.

Оушен слушает голос в трубке, хмурится, пытается понять, удивленно поднимает брови.

— Папа, — шепчет она, сделав страшные глаза, — мне кажется, это звонит какой-то голландец.

С трудом сдерживая смех, Гэвин оглядывается на врачей. Они работают над раной, сдвигают кожу, накладывают стежки, но теперь Оушен уже ничего не чувствует, поскольку подействовал анестетик.

— Спасибо! — благодарит он врача, а тот только кивает, продолжая улыбаться.

Еще несколько минут Оушен слушает голос в трубке, а звонящий уверен, что говорит со своим братом Антоном.

— Неправильно набран номер, — в конце концов заявляет Оушен, передавая телефон назад доктору.

После этого дело идет на лад. Оушен ложится на стол, опускает уголки рта, будто только что съела что-то кислое, закрывает глаза. Ее веки дрожат, скорбный вид говорит о том, какое тяжелое испытание она проходит, хотя боли уже не чувствует. Слава богу, его крошка, кажется, приходит в себя, раз демонстрирует старые повадки.

До наводнения дочка гоняла на трехколесном оранжевом велосипеде, дружила и воевала с соседскими мальчишками на равных, умела и «китайский ожог» на руке сделать, и на дерево влезть. Она всегда была в гуще событий, пропадала на улице до темноты, предпочитая компанию детей постарше. И неприятностей с ней случалось немало. Однажды она упала с мангового дерева, утащив с собой целое гнездо фруктовых ос. В другой раз попала ногой в колонию красных пауков и после этого несколько недель чесалась.

Он помнит случай, когда Оушен ножницами отстригла у одноклассницы хвостик и принесла трофей домой в школьном ранце. Она дружила с Сюзи, обожала книги о приключениях, свою коллекцию розовых юбочек. К ужину у нее обычно не оставалось сил, она съедала пару крошек и валилась спать. Его дочь, прирожденная рассказчица, умела и пошутить, и покривляться. Бегала босиком, в грязном платье, с разбитыми коленками. Но в школе всегда хорошо успевала, училась на одни пятерки, учителя отмечали, какой она «умный и общительный» ребенок. Мутная волна на время выбила из нее эту заразительную жизнерадостность, но, похоже, прежний боевой настрой вернулся. Его маленькая девочка разобьет немало сердец, думает Гэвин, улыбаясь и вздыхая о том, что и ее сердце тоже не раз разобьется.

Врачи заканчивают зашивать рану, перебинтовывают ногу. Оушен мрачно следит за их действиями, но молчит. Ее левая нога превратилась в белый кокон. Врачи прописывают курс антибиотиков, делают прививку от столбняка.

— В Панама-Сити покажите ее хирургу, — советуют они.

Гэвин выдает им пятьдесят долларов за потраченное время и профессиональное мастерство и с Оушен на руках выходит на улицу.

Фиби сидит на крыльце, беседуя на испанском языке с местными женщинами. Увидев хозяина, Сюзи бьет хвостом, скулит, вертится у него под ногами. Индианки суетятся вокруг Оушен, гладят ее по голове, воркуют. Впервые за последние недели в груди Гэвина начинает пробуждаться желание вернуться домой. Вот бы отвезти ребенка обратно в розовый дом, уложить спать в комнате с кондиционером, затем забраться вместе с Сюзи в гамак на крыльце и лениво наблюдать за суетой разноцветных попугайчиков в кроне дерева, потягивая пряное красное вино. И это тоже *та-банка* — ностальгия по дому, по зеленым холмам, окружившим их уютным гнездышком. Ностальгия по зеленой женщине по имени Тринидад.

* * *

Они с Фиби сидят в кокпите, Оушен лежит внизу, положив ногу на подушку, а Сюзи с ними, на палубе, тяжело дышит, высунув язык, щурит мудрые глаза на солнце. У него классная собака, классный ребенок, но вот с Фиби не все в порядке. Похоже, происшествие сильно расстроило ее, она стала странно угрюмой, будто сердится то ли на себя, то ли на них. Она ведь просто собиралась проехать с незнакомцами от точки А в точку Б, а оказалась

втянутой в семейные отношения, решает семейные проблемы. Это жуткое происшествие посреди бурного моря: кровь, слезы ребенка, его обморок. Интересно, о чем она думает сейчас?

— Давайте я приготовлю спагетти на обед, — предлагает Гэвин. — Хоть горячего поедим!

Фиби кивает, все так же не произнося ни слова. На ней жилетка и шорты, акула сползает вниз с одной руки, на другой горит слово «Далше!».

Гэвин быстро делает влажную уборку кают-компания и галльона, затем приступает к готовке. Мелко рубит лук, чеснок, свежие помидоры, которые они купили в Картахене, сладкий перец, бросает все на сковороду. Ставит на плитку кастрюлю с водой, трет сыр, моет и режет салат и при этом думает: «А как я отношусь к Фиби?»

Странно, но сейчас он чувствует к ней почти отцовскую любовь и еще что-то доброе, приятное. Он уже не стесняется ни своего позорного обморока, его не заботит, что она лучше управляется с яхтой, что у нее есть татуировки, что она моложе и красивее. Вначале ему казалось, что именно она в их временном союзе олицетворяет стабильность, адекватность и мастерство, что именно она находится в бóльшем ладу с собой. Но все изменилось: теперь он более уверен в себе. Он — мужчина, этого ей точно не достичь никогда. Он старше и опытнее и к тому же он — хороший отец своей дочке.

Солнце спряталось в облаках, и они садятся обежать на палубе в приятной прохладе. Сюзи переворачивается на спину, болтает в воздухе ногами, постанывает.

Гэвин накладывает дымящееся кушанье в миски, посыпает сыром, и они начинают есть в удовлетворенном молчании.

Лицо Оушен перепачкано соусом, настроение среднее. У них всех настроение среднее, даже у солнца.

— Фиби! — восклицает Оушен с набитым ртом.

Девушка перестает жевать, настороженно поворачивается к Оушен, как будто боится, что девочка может задать ей неприятный вопрос.

— Что значит «Далше!»?

— Ах, это! — Фиби облегченно вздыхает. — Это название автобуса.

— Какого автобуса?

— А такого, разноцветного, полного хиппи, свободных духом людей, которые путешествовали по Америке в начале шестидесятых. Они все были писателями, поэтами и хотели двигаться своим путем.

— Разве у автобуса может быть имя?

— Конечно, ведь у каждой яхты есть имя! Имя всегда что-то означает: «Романи», например, значит «цыганка», «путешественница». Это как стихотворение в одном слове.

— Как стихотворение?

— Именно так. Ну а «Далше!» значит, с одной стороны, что надо двигаться *далее*, но не обязательно делать это, как все, можно идти и своим путем. А в более широком смысле это слово говорит о том, что нельзя останавливаться, даже если все вокруг тебя рушится. Даже если не в силах идти, надо продолжить путь, исследовать его, глядеть по сторонам. Вот я и раскрыла тебе тайну этого

слова. Ведь у каждого слова есть свой скрытый смысл.

Лицо Оушен посветлело, она пытается осмыслить суть сказанного. Но больше вопросов не задает, жует, глядя в миску, шевеля забинтованной ногой. Дает понять, что еще не решила, собирается ли продолжать разговор.

Фиби, как он видит, тоже размышляет о своем смелом заявлении: а я все равно продолжу путь! Это ее девиз? Попытка преодолеть влияние прошлого? Примиришься с ним? Идея, кстати, не так уж плоха.

Глава 17

ГРИНГО

И вот они снова в море, медленно дрейфуют сквозь архипелаг Гуна-Яла. Тридцать шесть из его островов обитаемы и поделены на несколько сообществ, причем у каждого — свой духовный лидер. Острова похожи на миниатюрные сказочные страны: полоса белоснежного песчаного пляжа, рядом машут ветками пальмы, лачуги с крытыми соломой крышами теснятся в нескольких метрах от кромки бирюзовой воды. Краснокожие мужчины Гуна с коротко стриженными черными волосами лихо управляют своими выдолбленными из цельных стволов каноэ.

Множество разнообразных яхт идут вдоль берега, туристы вглядываются в лица местных жителей, местные смотрят на них. Гэвин забросил за корму удочку с тралом. Фиби расчехлила гитару, лениво перебирает струны, мурлыкая старинные шведские песни. Оушен сидит рядом с ней, слушает, глядит себе под ноги, пытаясь привести свои впечатления к одному знаменателю. Она снова надела панамку и темные очки, и от того, как девчушка внимательно прислушивается к пению Фиби, приглядывается к ее движениям, сердце отца больно сжимается. Взрослая душа его маленькой дочери заперта в теле

шестилетнего ребенка. Похоже, девочка понимает, что пройдет много лет, прежде чем она сможет стать такой, как Фиби: так же загадочно улыбаясь, играть на гитаре, так же ловить на себе заинтересованные взгляды мужчин. Оушен поднимает глаза на Фиби и расплывается в улыбке, а девушка в ответ кивает головой и притоптывает в такт песни.

Заброшенная за борт леска вдруг резко дергается, натягивается до металлического звона.

— Ой, папа, клюет! — Оушен указывает рукой.

Он бросается к борту, хватается за удилище, сразу же понимает, что на крючок попало что-то крупное. «О нет! — проносится у него в голове, — неужели сейчас будет битва?» На ум сразу приходит Хемингуэй с его «Стариком и морем». Какое счастье, что огромные марлины больше в природе не существуют. Слава богу за это! Кстати, этому старику из книжки следовало бы получше знать нрав акул, раз уж он был таким мудрым парнем.

Рыба пытается уйти на глубину, судя по силе бросков, она здоровенная.

— Ну держись!

Удилище сгибается, леска натянута как струна, рыба уходит глубоко в море. Фиби кладет гитару и подходит к борту.

— О, групер попался! — восклицает она.

— Да, возможно. Они ходят на мелководье.

Только бы не черепаха! И не ваху — правда, эта хищница давно уже перекусила бы леску. Гэвин начинает тянуть, отклоняется назад, видит, что Оушен тоже наблюдает за ним, и сам не понимает, хочется ли ему вытягивать из морских глубин пойманного зверя. Но куда денешься? Рыба уже заглотила

крючок, она сопротивляется, рвется на свободу, от борьбы адреналин невольно разбегается по жилам. Перерезать леску он не может, ведь за ним наблюдают две особы женского пола, большая и маленькая. И Гэвин начинает бороться с рыбой, мысленно кляня старика Хэма. Рыба сражается изо всех сил, но совместная тяга «Романи» и лески пересиливает — через несколько минут над водой появляется темная спина. И верно — здоровый гупер весом с десять килограммов, не меньше, крепкий, как коровья ляжка.

Гэвин начинает травить леску, подтягивая рыбу к борту.

— Я сбегая за ромом! — возбужденно кричит Фиби.

— Нет, лучше принесите багор. Он в шкафчике.

Гэвин тянет леску, потом слегка отпускает ее, тянет и снова отпускает. Рыба теперь плывет за яхтой, как выпущенная из подводной лодки торпеда. Он ведет ее зигзагом, подтягивая все ближе, весь потный от напряжения. Внизу живота притаилось томительное чувство страха, но теперь он уверен, что победит. Сердце стучит в висках, безжалостное солнце набрасывается на него сверху, рыба бьется из последних сил. Он наклоняется, чтобы втащить добычу на борт.

Фиби подает ему старинный гарпун — палку с насаженным на нее стальным крюком. Гэвин сует ей в руки удилище и делает то, чего не делал уже много лет: перегибается через борт и с силой вонзает гарпун в бок гупера. Ух, как будто кабана завалил! От шока гупер на мгновение перестает биться, замирает, и Гэвин тащит его на борт, используя

гарпун в качестве рукоятки. Достает из моря морское чудо, ярко-серебряная чешуя ослепительно блестит на солнце. Еще живые глаза полны ярости, но из бока обильно льется кровь.

Гэвин бросает гупера на палубу, окровавленное рыбье тело изгибается, трепещет, бьется о шкафчики и сиденья. Фиби льет ром на жабры, чтобы утопить рыбу в алкоголе, а Гэвин машинально кладет руку на грудь, проверяя, бьется ли его собственное сердце.

Оушен надвигает панамку низко на глаза, отворачивается, колени у нее дрожат.

— Нет, папа, не надо... — шепчет она. — Брось рыбу за борт. Отпусти ее обратно в море.

Рыба все еще брыкается, плещется, но она не в силах перепрыгнуть через борт, чтобы вернуться в родную стихию. Ее пасть перекошена гримасой боли. Тяжелую, медленную смерть они выбрали этому благородному существу — групперу придется мучиться на солнце не меньше получаса. Оушен с ногами забралась на одну из скамеек, глаза ее устремлены на кровавый рыбий плавник, на лице отвращение. Ему хочется спрятать изуверченное рыбье тело от ее глаз. Боже, прости меня! Прости меня, рыба.

А вот на Фиби вид умирающего группера никак не действует. Она явно не вегетарианка, рада богатой добычи, льет и льет за жабры янтарный ром. Так, под воздействием рома и воздуха, на палящем солнце, на полу кокпита группер испускает последний вздох, а они стоят над ним и смотрят, только Оушен теперь заткнула панамой уши, как будто не может слышать рыбьих стонов.

«О моя русалка, за что!» — стонет рыба в полной тишине.

— Папа, и что мы будем с ней делать? — с тревогой спрашивает Оушен.

— Как что? Съедем на ужин.

* * *

Вечером они бросают якорь недалеко от одного из обитаемых островов и спускают на воду шлюпку. Фиби показывает группера местным жителям, спрашивает, где можно его приготовить.

Для жаровни они собирают большие камни. Роют в песке яму, заполняют опавшими листьями кокосовых пальм, притаскивают для растопки сухие ветки, выброшенные морем коряги. Когда огонь спадает, а камни все еще горячи, они заворачивают приправленные чесноком и оливковым маслом куски рыбы в фольгу и укладывают их среди камней, затем забрасывают сверху оставшимися листьями и оставляют томиться.

На берегу стоят наполовину вытащенные из воды каноэ, выдолбленные из цельных стволов, между ними носятся дети и куры. Две лачуги построены у самой воды, остальные — немного поодаль, да и весь остров размером не больше футбольного поля. К Сюзи подбегает молодой белый пес, явно заигрывает с ней. Вместе собаки мчатся к кромке воды, играют в прибое, то прыгая в морскую пену, то отскакивая назад.

Один из рыбаков подходит и присаживается рядом с ними. Из одежды на нем только старые джинсы. Оушен бочком приближается к нему, широко

раскрыв глаза, рассматривает узоры татуировки на его щеках. Девочка так увлечена, что Гэвин боится, как бы она не решила ощупать татуированные щеки пальчиками.

— Откуда у вас эта собачка? — спрашивает она на своем напевном тринидадском говоре.

Индеец Гуна ее не понимает. Фиби переводит вопрос на испанский.

— Аааа, оттуда. — Мужчина наклоняется к Оушен и показывает рукой в сторону моря.

— Из воды, что ли? — недоверчиво уточняет девочка.

Рыбак кивает.

— Лодка, — говорит он. — Лодка ехал. Большой. Мужчина бросать пес.

Оушен, не мигая, смотрит на него, как будто он сморозил откровенную глупость.

— Неужели песика выбросили с яхты? — Гэвин невольно морщится, переглядывается с Фиби.

Та кивает, переспрашивает у рыбака. Мужчина делает руками жесты, как будто гребет, жестами показывает, как человек выбрасает собаку за борт. Объясняет по-испански, что сразу же поплыл спасать животное.

— Теперь это наш собака. Хороший собака.

— Вы подумайте только! — возмущается Гэвин. — И что это был за человек?

— Гринго, — говорит индеец.

* * *

Гэвин выносит спальный мешок на нос яхты, сегодня он будет спать под открытым небом. Устилает

пол подушками, доверху застегивает флиску, закутывается в пуховой спальник. Смотрит на звезды, вспоминает жену и мысленно говорит ей: «Прости меня, милая, я очень хотел бы всё исправить». Но сразу накатывают воспоминания: а как он может всё исправить?

После наводнения Клэр прожила в съемной квартире всего пару месяцев. Она и не собиралась возвращаться домой, это даже не обсуждалось. Он не принуждал ее. И с тещей спорить не стал, ведь мать знает свою дочь лучше других, правда? Он сам разрешил Клэр пожить у матери, потому что видел, что от жены осталась лишь оболочка, понимал, что не справится в одиночку и с разрушенным домом, и с работой, и с заботой об Оушен, и с той тенью, что осталась от его Клэр. Он даже боялся заразиться от нее депрессией, боялся, что уже подцепил эту заразу.

В семье Клэр многие страдали депрессией, в его — никто и никогда. Но болезни вообще разные, и ему не улыбалось превратиться в копию жены. И поэтому, когда Джеки сказала: «Пусть девочка поживет дома», он не возражал. Он не боролся за нее, не желал слышать ее молчание, видеть ее отчужденность. Они не имели права погубить Оушен под гнетом своих депрессий, не должны были думать только о себе. Поэтому он и позволил Клэр исчезнуть из их с дочерью жизни. Думал, ненадолго.

Его глаза наливаются слезами, он обнимает себя за плечи, понимая, что никогда не излечится от горя и не забудет мутную волну, как бы далеко

ни заплыл. И, как в темную могилу, погружается в тяжелый, глубокий сон: лежит, сложив руки на груди, подобно фараону, готовый к переходу в загробный мир. Сон пронизывает его тело, выравнивает складки и морщины, наполняет силой земли, лечит. Сон, милый, теплый, нежный сон...

Спит и он, и море вокруг, и когда посреди ночи его будит легкий дождик, морозящий прямо на лицо, он не может пошевелиться. Соленый воздух ложится на щеки, дождь медленно стихает, превращаясь в туман, а в далеком небе подмигивают и тают кристаллы иных галактик.

Гэвин с трудом приоткрывает тяжелые веки, устремляет вверх сонный взгляд. Удивительно, сколько всего происходит в мире в то время, как он лежит тут, не в силах пошевелиться. И черное небо над ним живет, дышит, каждая звездочка мигает с особым, только ей свойственным смыслом. Мир вообще никогда не выключается, он вечно, бесконечно вращается, рождается и умирает, исполненный беспощадного, непостижимого разума, искрящийся животворной статикой.

В следующий раз Гэвин просыпается под утро, его тело онемело, как ствол упавшего дерева. Бирюзовое море безмятежно, притворяется тихим оазисом. Остров напоминает маленькую спящую деревню, только белый песик уже носится по пляжу. Сюзи тоже белая собака, вся белая, кроме розового пятна на носу, но под шерстью, на коже у нее есть серые пятнышки. А этот песик совсем другой, он и меньше, и более прыгучий, легкий,

длинноногий. Гэвин лениво наблюдает за ним, пытаюсь понять, как тот может не помнить, что с ним случилось. Может быть, стоит пойти к нему, утешить, приласкать? Раздевшись до трусов, Гэвин тихо перелезает через ограждение яхты, погружается в рассветное море, плывет к берегу. Пес нервно бежит по пляжу, ждет его, а когда Гэвин, доплыв, усаживается на песок у линии прибоя, доверчиво подходит и тычется мордой ему под мышку.

— А ведь я — тоже человек с лодки, — говорит Гэвин, глядя его за ушами. — Ты понимаешь? Я мог бы быть *тем* человеком с лодки.

Какое-то время они возятся, играют. Гэвину нравится этот белый пес, его молодой задор, гладкий мех, острые зубки, прикусывающие его пальцы, но он видит, что каким-то чудесным образом песик умудрился забыть, что совсем недавно похожий на Гэвина человек выбросил его за борт как пакет с мусором.

* * *

Они снова пускаются в путь, включают автопилот — архипелаг растянулся на двести миль, попутный ветер уверенно несет яхту. И снова мир вокруг блестит всеми оттенками синевы, а солнце смеется над их головами: ха-ха-ха. Впервые за всю поездку Гэвин чувствует себя настоящим туристом. Его дело — глазеть по сторонам, впитывать впечатления, ему очень близок этот мир, который так и остался на древнем, но вполне

высокоорганизованном этапе развития и дальше развиваться не желает. До свидания, мысленно говорит ему Гэвин, ведь очень важно попрощаться, когда уходишь из гостей.

— До свидания! — произносит он вслух и велит Оушен помахать на прощание рукой Гуна-Яла и всем остающимся здесь индейцам.

— А куда мы теперь плывем, пап? — спрашивает Оушен

— Мы держим путь в Панаму, где пройдем сквозь участок суши по каналу.

— Что такое канал?

— Такой водный проход, путь напрямик.

— Мы пойдем напрямик?

— Да, детка, через сушу.

— Ничего себе!

— Тебе понравится.

Нога у Оушен еще перебинтована, но шрам на голени подживает. Гэвин видит, что дочь снова что-то тревожит.

— Моя мама заснула, — сообщает она Фиби.

Фиби молча кивает.

Гэвин уже не одергивает ребенка, ему не страшно, что дочь поставит его в неловкое положение. Они с Фиби перешли в новую стадию отношений и без ложного смущения могут рассуждать о чем угодно.

— А у тебя есть мама? — интересуется Оушен.

Фиби закатывает глаза, Гэвин усмехается.

— Была. Но она скончалась три года назад.

Оушен важно кивает, но, похоже, слова «скончалась» она не понимает.

— Моя мать умерла, потому что слишком много курила и нервничала, — объясняет Фиби.

Оушен вздрагивает, поднимает голову.

— Твоя мама умерла?

— Да.

— Как та рыба?

— Ну, не совсем так, конечно, но... да, она перестала дышать.

— Она просто... легла и умерла?

— Вроде того.

— А вот моя мама легла и заснула... в чем же разница?

— Разница в том, что твоя мама сможет проснуться. А моя — нет.

— Никогда?

— Никогда. — Фиби печально улыбается.

— Моя мама обязательно проснется, — говорит Оушен.

— Конечно, я в этом не сомневаюсь.

— Мне так жалко твою маму.

— Ничего, я уже это пережила.

— А хочешь, я буду твоей мамой?

Фиби невольно издает смешок.

— Ты?

— Почему нет? Я же вырасту когда-нибудь? Тогда и стану твоей мамой. Что в этом смешного?

— Хорошо, договорились, — говорит Фиби, отворачивая лицо. — Я-то совсем не против!

Они поднимают парус и идут дальше, периодически меняясь местами за штурвалом. Море оделось в платье нового цвета, теперь изумрудное, берега тоже меняют очертания: береговая линия

изрезана, как на северном побережье Тринидада. Неудивительно, ведь когда-то Тринидад и сам был частью побережья Южной Америки. Глядя на этот знакомый пейзаж, Гэвин чувствует прилив уверенности в себе. Конечно, они заплыли очень далеко, но все же — слава богу! — это не Япония. Господи, что бы он делал в Японии? Он не представляет себя под парусом на другом конце света, в тех холодных неприветливых морях. Позже вечером, когда они бросают якорь в крошечном заливе, Фиби вдруг поворачивается к нему.

— Я собираюсь сойти с яхты завтра, — говорит она спокойно.

Гэвин неприятно поражен. Они не обсуждали, где именно она сойдет с «Романи», но, конечно, рано или поздно это должно было случиться. Завтра он собирался заказать по телефону платный проход по Панамскому каналу, ему должны прислать лоцмана, в одиночку проходить по каналу не разрешается. Он знал, что Фиби покинет их до этого момента, они же договаривались, что дойдут вместе только до Панама. Но сердце у него все равно падает — уже завтра? Так скоро? Он отворачивается, смотрит на море. Затем переводит взгляд на сидящую в кокпите дочь.

— Да, я сойду в Пуэрто-Линдо, это следующий порт. Мой бойфренд Дэниел ждет меня там, мы доедем до Панама на автобусе.

— На автобусе? — спрашивает Оушен, поднимая голову.

— Да, проживем в Панама-Сити несколько дней, потусим с друзьями, а затем рванем на север, в Мексику.

— Ты поедешь на автобусе вместе с хиппи?
На том автобусе, который как стихотворение?

— Да нет же!

— А на каком тогда?

— На обычном рейсовом автобусе, который до-
везет нас до Панама-Сити.

Фиби говорит медленно, подбирая слова и глядя Оушен прямо в глаза, но Оушен все еще не осознавала их смысл. Его девочка пока не имеет представления о географии, она не знает, в какой точке мира они находятся. Да и что ей до этого? Для нее важны близкие: ее папа, ее Сюзи. А в последнее время к этому кругу присоединилась и Фиби.

Оушен опускает голову, пальцем ковыряет бинт на ноге. Ее брови сходятся у переносицы, ресницы начинают дрожать. «Сейчас начнется!» — с замиранием сердца думает Гэвин. Его девочка еще пытается бороться со страшной новостью: Фиби покидает их... Но боль уже захлестывает ее, она невольно подтягивает к груди колени, маленькая грудка судорожно поднимается и опускается, в глазах закипают первые горячие слезы.

— Мне так жаль, — растерянно произносит Фиби, пытаясь говорить с Оушен как со взрослой, — но наши пути завтра разойдутся. Я ведь... — Она пускается в пространные объяснения, но тут из груди Оушен вырывается первый отчаянный, горький всхлип, предвестник большого взрыва.

Гэвин знает свою дочь: сейчас она охвачена яростным, всепоглощающим гневом. С перекошенным лицом Оушен бросается по пол кокпита, кричит, извивается, бьет руками и ногами,

не в силах противостоять обрушившемуся на нее урагану чувств. Разочарование, боль, ярость насквозь прожигают ее маленькое тело, и она рыдает, выкрикивая одно слово:

— Нееееет!

Гэвин не пытается поднять дочь с палубы, приласкать, утешить. К чему? Ведь и он охвачен гневом и разочарованием от предательства Фиби. Он не думал, что расставаться будет так больно. Он целый год провел вдали от жены: страдал, скучал по ней, любил, порой не в силах был выносить одиночества! Его душа была изранена, в ней бушевали вихри под стать тем, что взрывают сейчас сердце его ребенка, ведь Клэр бросила их обоих. Да, бросила, ушла, разрушила все, что они с таким трудом создавали. И что теперь прикажете делать — запретить дочке любить и страдать?

Лежа на полу, заливаясь слезами, Оушен стонет:

— Нееет! Не надо автобус! Зачем тебе уезжать? Фиби закрывает лицо руками.

— Но как же мой друг? Я должна его увидеть! — молящим голосом произносит она.

— Мне плевать!!!

Фиби умоляюще смотрит на Гэвина, прося поддержки.

— Не хочу, чтобы ты уезжала, я люблю тебя, зачем тебе уезжать!!!

Теперь и у Фиби из глаз текут слезы.

— Я люблю тебя, — рыдает Оушен. — Куда ты едешь?! Я тебя ненавижу! Зачем ты уходишь? Останься с нами!

Фиби подносит руку ко рту, кусает костяшки пальцев.

Наконец Гэвин опускается на колени, обнимает дочь. Тело Оушен горячее, сведенное судорогой боли, покрасневшее лицо залито слезами, из носа текут сопли.

— Зачем, зачем тебе уезжать?! — рыдает она.

Гэвин прижимает свою девочку к груди, баюкает ее, как младенца, шепчет на ухо бессмысленные утешения:

— Ш-ш-ш, моя ракушка, мы же собирались завтра позвонить мамочке, да? Ты согласна? Мы позвоним домой, ты поговоришь с бабушкой Джеки, она расскажет, как поживает мамочка. Хорошо? А потом мы попрощаемся с Фиби. Ну-ну, детка, не плачь, я же здесь. Папа здесь. Все будет хорошо.

Оушен поднимает к нему лицо, пропитанное слезами, как спонж водой, судорожно икает и громко шепчет:

— Ведь у Фиби нет мамы, она сама так сказала. У нее нет мамы, и она разрешила мне стать ее мамой. Куда же она едет? Зачем? Теперь у нее не будет мамы. Почему она не останется здесь, с нами?

Слезы текут по щекам Фиби, оставляя за собой сверкающие дорожки.

— Мне очень жаль, — повторяет она.

* * *

Они прибывают в Пуэрто-Линдо в девять утра. Это совсем маленький порт, одна узкая полоска

пляжа, окаймленная поросшими лесом горами, которые кишат обезьянами. Пустынное, унылое место, где никогда ничего не происходит. Правда, здесь есть дешевая гостиница, и автобус до Панамы проходит по шоссе дважды в день. Они бросают якорь, спускают шлюпку. Фиби несет свой рюкзак и гитару — мысленно она уже не с ними. Что же, он может это понять. «Далше!» — вот куда она стремится.

И все же... Они ведь провели вместе четыре недели, большую часть нового года.

Аруба осталась далеко позади, нахальные игуаны на причале, пляж Бэби-Бич с его перекопленными рыбами — как будто это произошло в другой жизни. Фиби так здорово помогла им, он благодарен ей от всей души. Так и надо воспринимать то, что преподносит тебе жизнь, решает Гэвин. С благодарностью. Но Оушен еще не пришла в себя, всю ночь всхлипывала и икала, а теперь жметесь к Сюзи, которая, конечно, и ведать не ведает об их неприятностях, высунула длинный розоватый язык, пробует вентер на вкус.

Они причаливают к шаткой пристани, и Фиби выпрыгивает из шлюпки. Он передает ей рюкзак, помогает вылезти сначала Сюзи, потом Оушен, которая демонстративно отворачивается. Справа от причала — маленькое кафе, около него привязано несколько шлюпок. За одним из столиков сидит мужчина.

Фиби на одну секунду замирает, приглядывается. И вдруг ее лицо светлеет, она машет рукой,

кричит: «Дэниел!» Мужчина оборачивается на крик, встает. Уронив рюкзак, Фиби мчится по качающимся доскам мимо Оушен и Сюзи прямо в раскрытые объятия своего возлюбленного.

Чувствуя себя толстым, старым, нелепым, Гэвин медленно поднимает рюкзак Фиби. Он смущен, ничего не может с этим поделать. С чего ему смущаться? Разве он фантазировал о них с Фиби? Мечтал о чем-то? Что же, возможно, и мечтал... Где-то между отцовским одобрением и благодарностью за помощь представлял ее в роли подруги, допускал возможность близости, ведь Фиби очень хороша собой, почти как та, которую он когда-то выбрал в жены. Но он не умрет с горя от разлуки с ней, да и Оушен переживет потерю. Сейчас они познакомятся с мистером бойфрендом, пожмут друг другу руки.

Гэвин покрепче надвигает на лоб соломенную шляпу и, пройдя по причалу, спокойно окликает Оушен и Сюзи, которые уже повернули прочь от кафе. Он говорит им:

— Нет, девочки, давайте сначала скажем Фиби «до свидания», а потом уже пойдем звонить маме, договорились?

Дочь и собака нерешительно останавливаются. И вот они втроем идут в сторону кафе, и он протягивает молодому человеку руку и сердечно приветствует.

— Меня зовут Дэниел. — Ответное рукопожатие по-мужски крепко.

У него оливковая кожа латиноамериканца, длинные черные волосы, прямой взгляд уверенного

в себе самца, настоящего мачо. На вид ему лет тридцать пять.

— Гэвин. А это Оушен и Сюзи.

Друг Фиби оценивающе оглядывает команду, и Гэвин сразу понимает, что мужчина хорош. Понимает, почему Фиби рванула к нему на причале, почему сейчас жметя к его руке.

Дэниел нагибается, приветствует Оушен, та сначала отворачивается, но вскоре поддается на уверенный тон и обаяние и позволяет поднять себя на руки.

— Привет, принцесса! — восклицает Дэниел с сильным испанским акцентом и целует ее в щечку.

Фиби заливается румянцем, незаметно подмигивает Гэвину.

— Мы будем скучать, — говорит ей Гэвин.

— Я не прощаюсь, — откликается Фиби, протягивая ему клочок бумаги. — Это мой телефон. Удачи вам, друзья!

Все вместе они идут от кафе по старой бетонке через кишаший обезьянами лес до гостиницы, приткнувшейся на берегу реки. Оушен едет на плечах Дэниела. Сюзи трусит впереди носом вниз, вынюхивая местные новости. Гэвин несет рюкзак Фиби.

Они прощаются у дверей гостиницы. Гэвин обнимает Фиби, крепко прижимает к себе, а Дэниел спускает Оушен на землю. Девочка сердито смотрит на взрослых снизу вверх, раздраженная тем, что так мала ростом, что еще остается ребенком.

— До свидания, Фиби, — важно говорит она, когда наступает ее очередь, и пожимает руку девушки, как если бы прощалась с юристом или секретарем.

Фиби в ответ обнимает ее и целует.

...Они снова остаются втроем и отправляются на местный почтамт искать работающий телефон-автомат.

Глава 18

ВОРОТА ШЛЮЗА

Лоцман Эдуардо — полноватый краснокожий мужчина средних лет с круглыми щеками и большими белыми зубами. Массивное золотое обручальное кольцо на его пальце отполировано, на губах порхает удовлетворенная улыбка. Они взяли Эдуардо на борт в Колоне, последнем порту со стороны Карибов перед входом в Панамский канал.

Колон напоминает Чикаго начала двадцатого века: на каждой улице орудует по банде. Здесь так небезопасно, что Гэвину посоветовали вообще не сходить на берег, а лоцмана доставили на борт «Романи» на специальном пароме. Эдуардо говорит на ломаном английском, а Гэвин — на ломаном испанском, так что они вполне хорошо понимают друг друга.

Оушен все еще не может пережить расставания с Фиби, сидит задумчивая, хмурая. «Папа, я больше никогда ее не увижу?» Как могла Фиби так внезапно появиться в их жизни и так же внезапно исчезнуть? Сколько разных видов потерь существует на свете? Много, русалочка, очень много. Эдуардо ее нисколько не интересуется, Оушен едва смотрит в его сторону. Она ушла в себя, закрылась от мира за своими зеркальными очками в белой оправе.

Они пересекают огромное озеро Гатун, широкое, спокойное, мелкое. Так странно находиться посреди пресной воды, а не соленного моря. Озеро серосинее, абсолютно гладкое, небо пыльно-лилового цвета. Холмистые берега сплошь поросли шалфеем и поэтому тоже сине-лиловые, а листья на деревьях — багряные, над ними кружатся хищные птицы. Такая тихая и жаркая погода опасна, свидетельствует о надвигающемся катаклизме.

Желтые песчаные берега озера укреплены в виде террас, чтобы не осыпались в воду. Там и сям снуют официального вида водные такси, огромные танкеры, нагруженные контейнерами с товарами, терпеливо ждут своей очереди на вход. Над озером летают аисты и цапли, яхты жмутся к кромке берега.

«Романи» проходит мимо двух катамаранов, связанных вместе для устойчивости — так им будет легче преодолевать шлюзы, когда уровень воды упадет. Они с Эдуардо изучают противоположный берег, паруса спущены, двигатель мерно гудит. Гэвин думает о Тихом океане, ждущем их на другом конце канала. Новый океан, как он их встретит? А дальше лежат Галапагосские острова, зачарованные, загадочные, ожидающие их, как томная, робкая невеста.

Впереди возносится к небесам Мост Столетия, протянутый от темной вершины Золотого холма до горбатой горы слева, соединяющий Панама-Сити с остальной частью Центральной Америки. История Панамского канала наполнена легендами: тысячи людей отдали свои жизни, чтобы построить его, большинство из них погибло от малярии и желтой лихорадки.

Эдуардо передает сообщение набитому туристам круизному лайнеру «Тихоокеанская королева», ползущему впереди. Триста или больше человек высыпали на палубы, щелкают телефонами и камерами, жарятся под палящим солнцем. Эдуардо объясняет, что им велено зайти в канал после лайнера. Придется использовать ручные тросы, а не серебристые маленькие электровозы, так называемые мулы, протаскивающие большие суда по всему каналу; они снуют вдоль берегов, как трамваи. Эдуардо предлагает пришвартоваться к лайнеру, с ними вместе пойдет еще несколько яхт, включая связанные катамараны.

«Романи» следует за «Тихоокеанской королевой» в первый отсек — как будто вышла на залитую водой улицу. По обеим сторонам протянуты рельсы для роботов-буксиров, в конце установлена караульная будка. Рядом с огромным судном их яхта кажется совсем маленькой, но Панамский канал принимает любые суда, включая даже «пешеходов». Да-да, за небольшую сумму человеку разрешается пройти канал вплавь. За ними выстроились четыре катамарана, связанные по двое. Они заходят осторожно, на малой скорости, встают у борта лайнера. Туристы глазят на них свысока, команда кидает концы. Какой-то турист перегибается через перила, чтобы сфотографировать Гэвина в его ковбойском сомбреро.

— Чарльз Бронсон! — смеется Эдуардо, указывая пальцем на бороду Гэвина.

Гэвин втягивает живот, машинально отмечая, что стал значительно стройнее.

Какое-то время они ждут, но вот массивные стальные ворота закрываются, уровень воды начинает снижаться, обнажая стены шлюза, покрытые ржавыми, осклизлыми водорослями.

Ворота впереди них огромны, обиты листами нержавеющей стали, закрепленными на болтах еще в 1914 году. В течение нескольких минут они чувствуют себя как заключенные старинной тюрьмы неведомого типа, окруженные высоченными каменными стенами. Затем ворота медленно расходятся в стороны. Они с Эдуардо кидают концы обратно матросам лайнера. Лайнер заводит двигатель, медленно уходит вперед, они идут в его фарватере, выходят из шлюза в канал. Все еще очень жарко, ветра нет совсем. Эдуардо звонит его жена — пожилой индеец расцветает счастливой улыбкой, блестит белоснежными зубами.

Оушен, оказывается, не спала, крутит головой по сторонам.

— Ничего себе, папа! — произносит она с уважением.

— Круто, да?

— Очень. А куда мы дальше поплывем?

— Вот выйдем из канала и попадем в другой океан.

Оушен с беспокойством морщит лоб, щурится.

— А как же мы без Фиби?

— Мы прекрасно справимся и без нее. Не беспокойся! — беззаботно отвечает Гэвин.

Он не лукавит. Они в пути уже много недель, его морские навыки вернулись сполна. Теперь ему даже не терпится преодолеть путь до Галапагоса в одиночку. Все у них будет хорошо, они же семья

моряков и готовы к встрече с морем! Он уже изучил лоции Тихого океана на февраль, понимает, чего можно ждать от давления, ветров и температур.

До Колона они совершили поход в *супермеркадо*, затарились по полной. Яхта теперь нагружена водой, топливом, консервами и макаронами; сетки ломаются от ямса, бананов, апельсинов и лука; холодильник до отказа забит сыром, ветчиной, колбасами. Он даже приготовил бутылку шампанского, чтобы отметить прохождение экватора.

— У нас все есть, ду-ду, не волнуйся.

Она опускает глаза на свою забинтованную ногу, молча кивает.

Грустно... Не только потому, что Фиби их бросила, — они так и не смогли поговорить с Клэр. Пришлось, как всегда, довольствоваться бабулей Джеки с ее прокуренным голосом и жалостливыми причитаниями. «Клэр уже немножко лучше, — сказала Джеки. — Кстати, она знает, что вы тут по морям плаваете». Гэвин рад, что жена в курсе их путешествия, почему-то ему кажется, что они немного придвинулись друг к другу в мировом пространстве. Возможно, она догадывается, куда именно они направляются.

* * *

Еще одна миля пройдена на моторе. Жара совершенно невыносима — будто их поджаривают на медленном огне. Туристы на круизном лайнере фотографируют все подряд — правда, всем известно, что шлюз Мирафлорес — один из самых знаменитых в Панамском канале. Он двухкамерный, суда проходят через два заслона из гигантских стальных

ворот, его отчасти можно сравнить с морским эскалатором. Рядом со шлюзом возвышается здание туристского центра, балконы верхнего этажа забиты молодежью в белой одежде и белых панамах — похоже, это студенты панамского морского колледжа. Они выглядят такими юными, они уверены, что с ними все будет хорошо. Гэвин машет им рукой — несколько человек машут в ответ.

«Романи» привязана к борту «Тихоокеанской королевы», вместе они проходят первый из двух шлюзов, позади следуют четыре катамарана. Затем настает период ожидания. Уровень воды постепенно снижается, обнаженные стены канала кажутся удивительно высокими. Собственно, они уже дошли почти до самого конца, еще немного — и их выпустят в Тихий океан. Остается только пройти под знаменитым Мостом двух Америк — последняя веха перед переходом в Южное полушарие и выходом в океан, овеянный столькими легендами. Его воды бороздят огромные киты, это родина хищных крылаток. Тихий океан¹¹ — самый большой из пяти земных океанов. Несмотря на название, он подвержен жестоким штормам, его дно испещрено подводными горами и впадинами, а в легендарном Тихоокеанском огненном кольце расположено несколько сотен действующих вулканов¹².

---

¹¹ 28 ноября 1520 года Фернан Магеллан вышел в открытый океан и пересек его от Огненной Земли до Филиппинских островов за 3 месяца и 20 дней. Все это время стояла спокойная погода, и Магеллан назвал океан «Тихим».

¹² Тихоокеанское вулканическое огненное кольцо — область по периметру Тихого океана, в которой находится большое количество действующих вулканов и происходит множество землетрясений.

— Папа, смотри! — Оушен тычет пальцем в небо: над входом в следующий отсек кружатся сотни птиц.

— А! — смеется Эдуардо, — Время суши.

— Как это?

— Все рыбы, которые зашли в канал, скоро умрут. Печально, но ничего не поделаешь. Они привыкли к пресной воде, когда вода становится соленой, рыбы умирают.

— Правда умрут? — Оушен делает страдальческую гримаску.

— Да, малышка, так случается каждый день. Все время. На протяжении веков.

— И что, *все* рыбы умирают?

— Да. Разработчики канала ничего не смогли придумать, чтобы их спасти. — Эдуардо улыбается девочке, но она уже не смотрит на него.

Небо впереди стало черным от птичьих крыльев. Сотни фрегатов и чаек толкаются, препираются, кружатся в ожидании обеда: вот-вот откроются ворота последнего отсека. Неприятно наблюдать, как азартно птицы ждут смерти рыб.

Но вот гигантские ворота раздвигаются, и «Романи» начинает двигаться вперед вслед за лайнером. Во втором отсеке их снова запирают, процедура повторяется. Тем временем птицы над ними уже образовали беспорядочное облако клювов, крыльев и жадного клекота.

Все замерли в ожидании — и студенты морского колледжа, и туристы на лайнере. Впереди узкой стальной полоской блестит Мост двух Америк.

Как же он смог добраться сюда? Когда они покидали Тринидад, ему это и в голову не приходило, и все же он здесь! Гэвин с трудом сдерживается,

чтобы не расхохотаться, не ударить себя по колену: смотрите, вот он я, на другой стороне мира! Эх, друг Пако, как жаль, что тебя здесь нет!

Оушен встает, прижимается к отцовским ногам. Ворота второго отсека наконец-то открываются, и все птицы как одна стремительно пикируют к поверхности воды, уже покрытой серебристыми телами рыб, плывущих брюхом вверх. Поразительно, сколько здесь птиц! Просто метель какая-то из жаждущих утолить голод пернатых. Крачки, чайки ныряют в воду, взмывают вверх с зажатыми в клювах блестящими рыбьими телами. Сюзи гавкает на них, клацает зубами, подпрыгивает, стараясь поймать за хвост.

Здесь они расходятся с туристским лайнером и, не поднимая парусов, выходят в Тихий океан. Вдалеке по левому борту появляются плывущие в жаркой дымке очертания небоскребов — изломанный, зубчатый ряд — современные районы Панама-Сити, а перед ними — длинный, засаженный пальмами мол Кальсада-де-Амадор. В воде качаются полсотни мелких суденышек, ожидая разрешения войти в канал с противоположной стороны, они явно попали в пробку. Четыре часа дня, все покрыто голубой дымкой, только арка моста возвышается над всем стальной радугой.

Эдуардо отправляется в кают-компанию собирать вещи, и живот Гэвина сжимает неприятная судорога. Сейчас их лоцман сойдет на берег и они останутся одни: он с ребенком и собакой. Настанет его черед, впервые за последние несколько недель в одиночку вести «Романи» через океан. Ничего, он справится. Фиби показала ему, что он сможет справиться

и в одиночку. Он же не первопроходец какой-то, до него тысячи людей совершали подобные переходы. Всех, как и его, манят Зачарованные острова, покрытые черным песком и лежащие посреди бескрайнего океана, — рай для игуан и черепах. Эти острова омывают три основных океанических течения. Они пойдут в русле Панамского, захватят его южный край. Справа по борту через полуденное марево к ним приближается катер портовой службы Панама.

Эдуардо с улыбкой оборачивается к Гэвину, протягивает руку.

— Что же, удачи!

— Может, расскажешь что-нибудь о переходе? — на всякий случай спрашивает Гэвин, хотя знает, что его штурман — специалист по пресной воде, не морской — не ходил дальше этого залива.

Эдуардо смеется, показывает рукой вниз.

— Я это не пью, — говорит он.

Катер панамской службы швартуется к борту «Романи», какое-то время обе лодки идут бок о бок. Эдуардо перелезает через ограждение, ловко прыгает на соседнюю палубу, машет рукой. Катер разворачивается, и Гэвин видит, как Эдуардо подносит к уху телефон — наверняка выясняет у жены, что она приготовила на ужин. Хорошо живется Эдуардо! У него есть любимая жена, и он четко понимает свое место в мире. Гэвину тоже становится легко на душе, как будто этот беззаботный человек передал ему крупницу своего счастья.

Они обходят суда, ждущие своей очереди для входа в канал, направляющиеся в ту часть света, которую они только что покинули. Поднимается ветер, прохладный бриз шепчет: «Вперед, поднажми!»

— Рыбка моя, сиди тихо, пока папа ставит парус, — велит он дочери.

— Да, папа. — Оушен замирает в кокпите, поглубже натянув на лоб панамку.

Она уже научилась вести себя осторожно и терпеливо. Сюзи прыгает к ней в кокпит, садится рядом, полощет на ветру длинный мокрый язык. Обе смотрят в просторы океана. Гэвин привязывает руль, ставит яхту на автопилот, надевает перчатки и задирает голову. Глядя на острие мачты, он говорит себе: «Да, приятель, пожалуй, мы пройдем еще немного вперед».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ТАБАНКА

Глава 19

ТИХИЙ ОКЕАН

Конец февраля 2011-го. Обе Америки остались далеко позади, а впереди — темно-изумрудный, серебряно-синий Тихий океан. Гэвин беспокоен, его бросает из крайности в крайность: то ему кажется, что все идет прекрасно, то становится страшно, и он чувствует себя беспомощным перед необъятной стихией. Впереди мерещится что-то жуткое, смерть... А потом все снова о'кей.

Слава богу, похоже, ребенок и собака не замечают его метаний. Оушен и Сюзи ведут себя как на отдыхе — наслаждаются путешествием. Оушен смирилась с отъездом Фиби, вспомнила, что они с самого начала договорились расстаться в Панаме. Она даже говорит, что хотела бы снова повидаться с девушкой, и Гэвин обещает позвонить Фиби и пригласить ее в гости на Тринидад, возможно, даже вместе пройтись под парусом на «Романи».

И что произошло с Сюзи? У нее отрос новый мех: она теперь выглядит гораздо толще, чем раньше. Они с Оушен проводят вместе бóльшую часть времени: сидят рядышком в кокпите под тенью грота и глазек на море. Иногда искоса бросают друг на друга взгляды, будто продолжают начатый ранее молчаливый разговор или что-то замышляют. Вот

маленькие разбойницы! Он должен контролировать, чтобы в течение следующих девяти дней Оушен круглые сутки была пристегнута к тросу, он и сам не отстегивает страховочный трос. Ну а что делать с Сюзи? Может быть, стоит пристегнуть ее за ошейник? Или запихнуть в будку? Нет, решает он, пока буду просто лучше за ней следить.

Его девочка сильно изменилась: загорела до золотисто-коричневого цвета, выбеленные солнцем волосы всклокочены, все в колтунах, но у него не хватает духу остричь их. После отъезда Фиби она ни слезинки не проронила, и вообще истерики полностью прекратились. Она уже почти год не разговаривала с матерью, но в последнее время хорошо спит и ест все подряд, не только ужасные сосиски из банки. Что же, он рад за нее, она и его вытягивает из глубин несчастья.

До Галапагоса осталось 848,92 морской мили — больше недели пути. Всего девять дней в открытом море — это серебряно-синее покрывало простирается до самого горизонта, такое спокойное сейчас, такое чужое и одновременно уютное, домашнее. «Романи» идет полным ходом, а почему бы и нет? В отличие от него, яхта уж точно чувствует себя в родной стихии. Фиби помогла ему отладить систему автопилота, поэтому ему и делать ничего особенно не нужно: сиди себе за штурвалом и не мешай яхте самой выбирать галс, тем более что ветер попутный. Они — крошечная щепочка в океане, но почему-то он не чувствует себя мелким, незначительным, скорее — наоборот.

В первый день ветер подгоняет их в спину, и «Романи» делает семь узлов. Они быстро продвигаются

в сторону Огненного пояса, и Гэвина охватывает радостное возбуждение, сердце расширяется в груди, как от любви.

— Все будет хорошо! — шепчет он.

Ощущение необъятного пространства дарит им океан — здесь даже Оушен понимает, как велик земной шар. От такого величия впадаешь в ступор, хочется просто сидеть и смотреть, как яхта режет воду.

Но внезапно, будто холодный ветер подул, — настроение меняется, накатывает паника, чувство бесполезности, одиночества, страх перед таящимися на глубине ужасами. Он не должен терять бдительность! Ни на минуту! За внешним спокойствием моря могут скрываться штормы, циклоны, водовороты... Что угодно может случиться после заката, и Гэвин не знает, как переживет приближающуюся ночь.

Весь первый день в его душе поочередно вспыхивают то любовь, то страх, и это придает адреналина: он то хороший яхтсмен, то никудышный, то молодец, то полный идиот. Вот Оушен и Сюзи друг за дружкой отправляются вниз, засыпают в обнимку в кают-компании. Обе тихонько посапывают, и, глядя на них, ему хочется петь, пройтись по палубе в зажигательном танце. Но вместо этого он, не отстегивая страховки, мочится за борт. Через пять минут настроение меняется, и вот по лицу уже текут слезы — почему бы и не поплакать на ночь глядя? И Гэвин плачет — за мертвого сына, за жену, которая, возможно, так никогда и не проснется до конца. Он слизывает слезы с губ — они совсем не соленые, а чистые, прохладные, безвкусные.

В час ночи небо совершенно черное и залито светом звезд. Оушен и Сюзи спят в салоне без задних ног. Ниоткуда набегает туча с проливным дождем и пронизывающим ветром. Несколько минут, будто играя, раскачивает яхту, а затем улетает, оставив Гэвина насквозь промокшим и дрожащим от холода. Машинально он поворачивает голову назад, пытаясь посмотреть, куда делся дождь, и тут видит *это*.

Высоко в небе стоит луна, а на самой грани косых дождевых струй, быстро отдаляющихся от яхты, висит мерцающая арка. Настоящая лунная радуга! Вместо сияющих цветов своей дневной сестры, она окрашена во все оттенки серовато-жемчужного. Радуга в негативе, тонкая, изящная, протянулась по всему небу, опустив оба конца в воду. Гэвин не может оторвать глаз от нового чуда, но «Романи» быстро уносит его прочь. «Я с тобой, — шепчет он. — Ты на другом конце земли, а я все равно тебя вижу!»

Лунная радуга такая совершенная, такая спокойная, что Гэвину становится неловко, как будто он подсмотрел что-то неприличное, увидел радугу голой. Даже глазам больно от такого совершенства, словно небеса приоткрыли для него дверь в свой сад чудес. Гэвин глядит на радугу, пока та не растворяется в ночном небе. Кто знает, может быть все и будет хорошо!

Утром второго дня он не находит себе места — не иначе как зарядился энергией от лунной радуги. В небе сквозь слой слоистых облаков цвета перламутра пробиваются первые лучи солнца. Здесь

не на что и взгляд бросить, разве что на облака глядеть. Им остается пройти 733 морские мили.

Утро переходит в отличный, ясный, солнечный день. Свежий ветер подгоняет яхту, море несет ее на широкой спине. Он переводит управление на автопилот, и теперь у него есть время приготовить что-нибудь вкусненькое на завтрак — драники, котлетки. Руки болят, он умудрился снова ободрать их, больно держать нож, луковый сок разъедает ссадины. Почему он не надел перчатки? И про крем забыл... Как бы вылечить эти руки поскорее?!

«Пирожок с картошкой, мистер Уилд?» Господи, ведь уже два месяца прошло с тех пор, как он оставил старую жизнь позади! Даже страшно вспомнить эти бесконечные чашки кофе, постоянный кислый вкус во рту. Сейчас-то он не пьет столько кофе. Надо поспать, может быть, удастся сегодня днем, ближе к вечеру? Двух часов вполне хватит, чтобы восстановиться. Все последующие дни будет спать по два часа. Теперь он с нетерпением ждет ночной вахты — кто посетит его сегодня, кто теперь обнажится перед ним?

После завтрака Оушен заявляет, что ей скучно, — такого раньше не было. Впрочем, есть даже термин такой: «кабинная лихорадка», негативная реакция на замкнутое пространство. Гэвин находит колоду карт, они играют в «балду» и «пьяницу», пытаются раскладывать пасьянс, но ей становится еще скучнее.

— Паааа-па!

— Что?

— Давай блинчики пожарим.

— Нет, дружок, это слишком сложно, да и муки у меня нет.

— Ну тогда супчик сварим.

— Нет.

— Тогда давай испечем пирог с яблоками!

— Слушай, мы же посреди Тихого океана, каким образом ты предполагаешь испечь пирог?

Оушен строит недовольную гримаску, хмурится.

— Может, хочешь сырную палочку?

Она отрицательно мотает головой.

— А немного собачьего корма?

Оушен смеется, кивает.

Гэвин притаскивает пакет «Пурины», достает оттуда пригоршню соленых сухариков со вкусом ягненка.

Сует сухарик в рот, причмокивает губами:

— Мм, какая вкуснотища!

Сюзи с энтузиазмом бьет хвостом.

— Ну ладно, давайте играть в такую игру, — объявляет Гэвин.

Он берет сухарик, прицеливается и бросает его в воздух в сторону Сюзи. Собака, лязгнув зубами, ловит корм на лету.

Оушен хлопает в ладоши. Гэвин прицеливается, кидает следующий сухарик в сторону дочери. Та копирует Сюзи, лязгает зубами, но промахивается. Следующий сухарик Гэвин кидает сам себе, ловит его, жует — ну и гадость! Воняет рыбой и насквозь пропитан мерзким жиром. Бэээ...

Весь следующий час они играют в «бросалки»: ловят сухарики ртом, панاماми, руками, перекидывают Сюзи и друг другу, пока палуба не становится скользкой от раздавленного корма. Тут Оушен

заявляет, что устала, пойдет полежит с Гровером, и отправляется в кают-компанию, оставив всю уборку на него. Ха! А он и не собирается ничего убирать, все равно Сюзи вылизет палубу до блеска.

Да, нелегко путешествовать по морю в компании шестилетки, которая не знает, чем себя занять. С Фиби было значительно проще. Гэвин вдруг осознает, что успел соскучиться по помощнице и ее гитаре, по ее влиянию на дочь, по женскому присутствию, которое оказывало такое успокаивающее воздействие на Оушен. Да и на него, он ведь тоже жаждет женской компании. Он хочет, чтобы его любили. Трогали. Обнимали. Он хочет секса, наконец!

Может быть, Фиби была права, когда говорила, что мужчины бегут к морю, спасаясь от проблем. Наверное, им просто не хватает женского внимания, они-то сами любят женщин всеобъемлюще, на все времена, и только здесь, в море, в полной мере чувствуют ответную любовь. Море — женское начало, которое всегда с тобой. Господи, как же он все-таки воняет собачьим кормом! Гэвину становится до слез жалко своей не востребовавшей мужественности, и он задумчиво смотрит за борт, в бирюзовую глубину, думая: «И я мог бы прыгнуть... при определенных обстоятельствах».

* * *

На следующий день после обеда ветер стихает, а затем меняет направление, сейчас он дует с юга, легко, но настойчиво. Приходится поработать: вообще-то, на юг их влечет течение, бегущее со скоростью двух узлов, но как быть с парусами? Сейчас

они бесполезны, без толку хлопают на мачте, будто сами себя порют.

Проходит несколько часов, но направление ветра не меняется, и Гэвин вынужден завести мотор и спустить паруса. Но «Романи» не любит надолго превращаться в катер: двигатель, как престарелая дама, чихает и икает от возмущения. Как сейчас пригодился бы геннакер! И почему он его не купил? Становится невыносимо жарко, они чувствуют себя как жуки под яркой лампой на столе ботаника. Кругом вода, сплошная вода, счастье, что у них достаточно пресной!

До Галапагоса осталось 660 миль. Флаг Тринидада бесполезно повис на мачте ничемным носовым платочком. Неведомо откуда прилетает птица, усаживается на верхушку мачты, мгновенно загаживает все пространство под ней. На поверхность воды всплывают тысячи крошечных кальмаров. Ой, да их тут мириады! Подобно летучим рыбам, они прыгают в воздух, некоторые приземляются прямо на палубу. Разинув пасть, Сюзи бежит на нос, пытается схватить зубами пролетающих мимо полупрозрачных созданий. Оушен деловито собирает кальмаров с палубы, правда, не с целью пообедать. Набрав горсть, выбрасывает обратно в море. Да, есть от чего сойти с ума. Здесь каждый может сойти с ума.

— *«Табанка сведет меня с ума!..»* — напевает Гэвин.

На четвертый день начинает накрапывать дождь, но ветер так и не поднялся. Около экватора есть неприятная зона, где северные и южные ветра встречаются и перемешиваются, вырабатывая мегатонны

негативной энергии. Кажется, словно идешь сквозь зону мертвого пространства, как через кладбище. Все моряки ненавидят это место.

На обед они готовят салат, варят картошку, открывают очередные упаковки салями и сыра «Рокфор». Оушен и Сюзи сходят с ума от безделья, обе ждут, что он станет их развлекать. Гэвин предлагает новую игру: «Кто шпион?» — но надолго его не хватает. Вокруг ни одной живой души, ни лодочки, ни корабля. Оушен валится на скамейку, бессмысленно пялится на воду... Детям вредно вот так сидеть без дела.

На самом деле эти четыре дня сказались и на нем. Когда долго смотришь в открытое море, что-то происходит с глазами. Начинают мучить галлюцинации, над горизонтом встают миражи. Вот сейчас, например, он видит караван слонов, а за ним на всех парах мчится скорый поезд. Или не мчится? На что похоже то далекое облако? Воздух накаляется, шипит, пузырится, кувyrкается. Глаза болят, руки ноют. Эх, хорошо было бы пообщаться сейчас со взрослым человеком, но хоть музыку послушаем. Гэвин включает плеер, ставит сначала Эрику Бадю, затем Билли Холидей, потом «Бисти Бойз».

Оушен поднимает голову, она обожает «Бисти Бойз». Начинает притоптывать, хлопать в ладоши в такт их пронзительным крикам. Со своей забинтованной ногой она выглядит так, будто упала со сцены.

* * *

Пятый день и снова безветрие. Гэвина уже серьезно беспокоит, хватит ли им топлива. Да и «Романи»

терпеть не может, когда ее волокут как баржу: пыхтит от возмущения. У него начинают сдавать нервы — еще одна проблема моряка, оказавшегося в море во время штиля. Какую глупость он совершил? Во что ввязался? Выходя из Панамского канала, он был полон радостных предчувствий, но сейчас уже не так оптимистично настроен. Сейчас он боится, что не справится, по крайней мере, если ветер в ближайшее время не поднимется снова. Они ведь сейчас вне зоны действия радио, немудрено, что его охватывает паника.

«Не показывай этого!» — строго говорит он себе и решает как можно меньше думать. Но мысли упрямо лезут в голову. Для этого он, что ли, оставил Тринидад, об этом мечтал? Чтобы вот так сидеть на палубе, в отчаянии глядя по сторонам? Так он представлял себе избавление от проблем?

На кой черт он поперся в самую середину самого большого в мире океана? Из-за дурацкой юношеской мечты? Он что, не знает, что реальность не имеет с мечтой ничего общего? Н-и-ч-е-г-о! И сам он уже давно не восторженный юнец — тот юноша вырос, стал отцом, построил дом, женился. Он сейчас абсолютно не похож на молодого Гэвина, который носился под парусом в компании Клайва, — а после наводнения так и вообще немного сошел с ума.

И теперь что прикажете делать? Молиться? Петь? «Это благодать...» записал Кроухёрст в судовом журнале, а потом сошел с ума и исчез. Возможно, он сошел с ума гораздо раньше, еще до того, как затеял свою авантюру, — многие думают именно так. И что же он имел в виду? Что в море его

ожидает благодать? Ха-ха-ха... Бедняга. В море человека поджидают миллионы прожорливых чудес, но только не благодать. Сверху сыплются редкие капли дождя, но не разгоняют сгущающуюся жару. Если бы они были на суше, он точно сказал бы, что такая погода предвещает землетрясение.

* * *

К вечеру небо розовеет, серые и темно-синие облака разбросаны по лиловому фону, как завитки крема на торте. На горизонте то и дело вспыхивают зарницы — золотые, ныряющие с облаков в воду. Оушен сидит рядом с ним, наблюдая за игрой молний, охая и ахая от восторга. Зарницы сцепляются друг с другом на высоте, на мгновение озаряя горизонт яркими вспышками, но эти разветвленные электрические щупальца находятся так далеко, что кажутся ветвями кораллов, красивыми и безопасными.

Но паруса висят все так же безжизненно, яхта все так же недовольно пытит, медленно ползет вперед. Делать им нечего, вот они и сидят, разглядывая горизонт, как инопланетяне в космическом кинотеатре. Через полчаса грозовые всполохи пропадают — скорее всего, гроза ушла еще дальше.

Гэвин садится поудобнее, закидывает ноги на перила. Под страховочным поясом на нем надета серая флиски с капюшоном — удобная, как домашний халат. Оушен залезает ему на колени, он крепко обнимает свою девочку. Сюзи, невнятно ворча, тоже подходит и кладет ему на ноги морду. Так и сидят они втроем, чувствуя себя в своем кокпите в полной

безопасности. Так вместе и засыпают, убаюканные тихим шелестом волн, влекущих их на юг.

Гэвин просыпается посреди ночи. Оушен навалилась на него всей тяжестью, он перекладывает ее поудобнее. Сюзи открывает глаза, бьет хвостом, требуя внимания и ласки. Он поднимает взгляд — нет, вы только подумайте, грот надулся ветром, они снова идут полным ходом! Он проверяет часы, сверяет расчет пройденных миль, и вдруг его сердце замирает от ужаса. Прямо перед ним, по правому борту, высится темный мужской силуэт. Мужчина изогнулся от напряжения, сражается с неподдающимся парусом. Первый импульс — броситься на помощь, но ужас уже заморозил кровь настолько, что Гэвин не может пошевелиться.

Моряк, одетый в ветровку с капюшоном, продолжает спускать грот. Ветер валит его с ног, в отчаянии он хватается руками за парусину. Сюзи взвизгивает, Гэвин подтягивает ее поближе, зажимает рукой пасть. Моряк скользит на мокрой палубе, дергает за тросы, что-то заклинило, парус не поддается. И вдруг грот падает вниз, прямо на моряка, всей тяжестью придавив его к палубе. Яхта кренится, он отпускает парусину, поднимает руки, пытаясь выпрямиться, но тут яхту качает в другую сторону, резко и сильно, и мужчину перебрасывает за борт. Легко, как перышко. Это случается в одну секунду — раз, и жизни нет.

— Господи, благослови его душу, — только и может прошептать Гэвин.

Глава 20

ОБЪЯТИЯ МОРЯ

На шестой день их догоняет синеногая олуша с подросшим, совершенно обессилившим птенцом. Из последних сил взмахивая крыльями, птицы делают над яхтой круг, садятся на ограждение по правому борту. Что они здесь делают, за четыреста с лишним миль от берега?

Большую часть утра олуши проводят, сидя на перилах и пачкая палубу ядовитым кислотным дерьмом, отодрать которое очень сложно. При виде птиц Сюзи приходит в неистовство, так что Гэвину приходится посадить ее на поводок в кают-компании. Оушен, не веря своим глазам, рассматривает ярко-голубые ноги олуш. Выглядят они так, будто на птицах надеты модные резиновые сапожки или дизайнерские ласты. Птенец, похоже, особенно доволен тем, что ему есть куда присесть. Он неторопливо оглядывается по сторонам, ветер шевелит белый пух, еще сохранившийся кое-где на голове и шее. Оушен рвется обследовать птенца.

— Папа, можно я поглажу птенчика?

— Нельзя. Он же еще совсем маленький, примерно твоего возраста, и он очень устал. Еще бы, столько времени лететь за мамой!

— Они что, потерялись?

— Похоже на то.

— Наверное, они очень рады видеть нас.

— Да уж, это точно.

— А мы куда плывем, папа?

— В страну олухов и олушек.

Оушен раздражается смехом.

— Вот увидишь, нам еще встретится немало сумасшедших птиц на Галапагосе.

Оушен кивает, несколько раз произносит «Га-ла-па-гос», заучивая новое слово. До нее наконец-то доходит, что они направляются в волшебное место: столько дней плывут через моря, что же их ждет впереди? А Гэвин заинтриговывает ее все сильнее, ограничиваясь туманным: «Подожди, сама увидишь!»

— Но будет много огромных черепах, — добавляет он загадочным голосом.

— А ящерицы будут?

— Да.

Мама-олуша внезапно срывается с перил, улетает в поисках корма для малыша. Он явно встревожен, боится, что она потеряется в морских просторах, не найдет обратной дороги. Что же, теперь у них есть собственный пассажир. Что бы ни случилось, они обязаны довести его до места в целости и сохранности.

— Папа, а куда птичка делась? — Оушен тоже начинает беспокоиться.

— Улетела за едой.

— Какой едой?

— За рыбой, наверное.

— А как малыш знает, что мама вернется?

— Ну, потому что... она же всегда возвращается! Она помнит, что оставила птенчика одного, поэтому стремится обратно.

— А вдруг она не найдет яхту?

— У нее острое зрение. Не забывай, что она летает очень высоко, оттуда все видно.

Оушен задумчиво кивает.

— То есть птеник точно знает, что мама вернется?

— Да.

— Понятно.

Это грустное «понятно» болью отдает в его сердце. Его девочка не жалуется, но ей тоже одиноко без мамы и без маленького брата.

Оушен сощуривает глаза и задает новый вопрос:

— А ведь моя мама не улетела, верно?

— Нет, любовь моя. Она живет недалеко от нашего дома.

— И все время спит?

— Да, и это вполне естественно, всем людям надо спать.

— Я знаю.

— Некоторые животные иногда сворачиваются в клубок во сне, чтобы защититься от врагов.

— Как ежики?

— Точно! Как ежики.

— А вот Фиби не сворачивалась.

— Правда?

— Почему люди приходят и уходят, папа?

— Я не знаю, детка.

Они продолжают свое движение в рассеянной дымке. Он не солгал дочке, они обязательно

увидятся с ее мамой. «Она знает, что вы отправились путешествовать», — сказала Джеки. Наверное, Клэр обрадуется, когда они расскажут ей, как далеко забрались, ведь она знает о его мечте побывать на Галапагосе. Но перед глазами вдруг снова вырастает гигантская мутно-коричневая волна, с яростным шумом катящаяся вниз по склону, и кожа мгновенно покрывается мурашками, а дыхание перехватывает. Почему же он вовремя не сорвал их на ноги, не заставил бежать, не перебросил через стену? Неужели он сам виноват в смерти сына? Сейчас ему уже не припомнить подробности, в ушах стоит лишь жуткий грохот, с которым прорвалась стена под напором воды. Но что случилось, то случилось. Бессмысленно в сотый раз перемалывать мучительные воспоминания, заново искать виноватых.

Шесть дней он провел почти без сна. Пока Оушен и Сюзи дрыхли в салоне, ему было не расслабиться — конечно, он позволял себе подремать, но не дольше часа зараз. Сон срубает его обычно с четырех до шести утра. За все время они ни разу не принимали душ, заскорузли, пованивают немывшим телом.

Но вот что случается на седьмой день.

Рассвет, спокойное море. Гэвин с чашкой чая в руках и гудящей от недосыпа головой поднимается по трапу в кокпит и сразу чувствует: что-то не так! Спинной мозг подает сигнал: «Опасность!» Он оглядывается по сторонам и вдруг слышит жалобное, отчаянное поскуливание. Сюзи!

Не раздумывая, он бросается на звук: у правого борта болтается Сюзи, запутавшись в защитной

сетке, которую он специально установил для ограждения. Ее тело выгнуто, перекручено, наполовину свешивается над морем.

— Господи, что же это! — Гэвин роняет чашку.

Задние лапы запутались в сетке, как будто собака пыталась перелезть через ограждение. Что пришло в собачью голову? Хотела добраться до птенца олуши? Или решила поохотиться за его мамой?

— Сюзи! — кричит он, — держись, моя псинка, держись!

От его криков Сюзи начинает извиваться еще больше, стремясь освободиться от пут. Он подбегает как раз в тот момент, когда она освобождает лапы.

— Нет! — кричит он, но собака уже летит за борт и падает в воду, подняв фонтан брызг.

Не веря своим глазам, он смотрит на нее сверху вниз.

— Оушен! — орет он не своим голосом. — Быстро сюда!

Заспанная девочка появляется в проеме.

— Папа, что случилось?

Он хватает ее за руку, тащит в кокпит.

— Сюзи упала за борт, — бормочет он, заикаясь. — Стой здесь, не сходи с этого места, поняла? И указывай мне на Сюзи. Пальцем. Нам нельзя терять ее из вида.

Оушен, роняя слезы, кивает головой.

— Это моя работа, папочка?

— Да!

Сюзи в панике, пытается плыть за яхтой, но расстояние между ними стремительно увеличивается. Гэвин быстро спускает грот и стаксель, продолжая кричать: «Плыви, Сюзи, плыви!» Руки трясутся, его

захлестывает слепая паника, — как тогда, во время наводнения, — сердце бьется в горле, из глаз текут неудержимые слезы.

Оушен застыла в кокпите, пальцем указывает на собаку.

Он спрыгивает в кокпит, пытается завести мотор. Тот скребется, прокручивается, глохнет.

— Ну давай же, заводись! Давай!

Раздается знакомый кашляющий звук, мотор пробуждается к жизни. Получилось! Гэвин разворачивает яхту и медленно ведет ее в сторону плывущей собаки. Теперь и он видит Сюзи: голова над водой, лапы работают в бешеном темпе. Он начинает сбрасывать скорость, медленно-медленно, четыре-три-два-один, совсем медленно.

— Оушен теперь отойди в сторону.

Он ставит двигатель на нейтраль, и яхта зависает практически без движения — скоро он уже сможет схватить собаку. Гэвин перегибается через ограждение, повисает над водой, готовясь вытащить ее из моря таким же образом, как поднял с асфальта раздавленную игуану на Кюрасао: одной рукой взять за загривок, другой — за крестец. Собака плывет прямо на него, в ее глазах стоят слезы, а из груди вырываются такие жалобные рыдания, что он начинает молиться. Где-то сзади Оушен визжит что-то неразборчивое.

И вот Сюзи оказывается прямо под ним, он резко выбрасывает вперед правую руку, хватается за загривок, тянет вверх. Опускает левую руку на собачью спину — и начинает тащить. Но шерсть Сюзи намочла, и собака гораздо тяжелее той игуаны. К тому же, когда он отрывает Сюзи от воды, собака

начинает корчиться, рычать, скалить свои акульи зубы: вне себя от ужаса, она отбивается, трясет лапами, пытаясь нащупать под ними опору, и вдруг выгибается в его руках тугой дугой. Она очень сильная, его Сюзи, она вырывается из хватки Гэвина и снова ныряет под воду.

На палубе Оушен рыдает, не своим голосом зовет: «Сюзи!»

Он находит голову Сюзи, но ему нужно отвернуться, чтобы снова завести двигатель. Когда Гэвин выпрямляется, собаки на поверхности воды нет.

— Господи, Сюзи, где же ты? — В отчаянии он вертит головой.

Потом краем глаза замечает собаку по левому борту, она плывет к корме, и она явно устала. И снова он переводит двигатель на нейтраль. И снова, перегнувшись через перила, смотрит на Сюзи. Их взгляды встречаются.

— Ну давай же, не подведи меня! Давай, моя девочка, не сопротивляйся, я тебя вытащу! Спокойно!

И снова он тащит вверх тяжелое тело, ему удается приподнять ее над водой. Но мех Сюзи слишком скользкий, и она уже очень устала. Гэвин усиливает хватку, и из собачьего горла вырывается крик боли: Сюзи что-то повредила себе при падении, может быть, сломала пару ребер. Он слегка ослабляет захват, но так ему собаку не удержать. Сюзи стонет в его руках, но Гэвин не отпускает ее, он не собирается сдаваться, он копит силы для следующего рывка.

И тут в борьбу вступает море: мягко, но настойчиво оно вытягивает собаку из рук Гэвина, тянет ее в сторону. И Сюзи на стороне морской

стихии — она лягается, вырывается, хрипит, дрожит от шока и усталости, как будто просит: «Отпусти меня! Хватит!» Гэвин перехватывает руки, хватая ее за передние лапы, собака взвизгивает от боли, он тянет ее за мех, приговаривая: «Сюзи, милая, ну давай же, давай!» Но, видимо, она сильно ушиблась во время падения, и силы ее на исходе.

— Сюзи!

Но собака выскальзывает из его рук, оставляя на ладонях лишь клочья мокрой шерсти, и через секунду волны сходятся над ее головой, и вот уже на поверхности воды ничего нет.

Глава 21

ПЕСНЯ

Мама-олуша наконец-то вернулась с зажатой в клюве маленькой серебристой рыбкой. Прямо на палубе она разрывает рыбку на части, глотает, а затем извергает полупереваренную пищу обратно в клюв птенчика. Гэвин и Оушен, потрясенные смертью Сюзи, наблюдают за этим процессом почти равнодушно. Они избегают смотреть друг на друга, а Гэвин снова занимается самоуничтожением. Это он во всем виноват, дурак старый. Решил самостоятельно пересечь океан, как же! Полный идиот. Вот Клайв — хороший моряк... Эх, им бы с Клайвом стоило дойти сюда давным-давно, когда они еще были молоды... Эх. Тогда все было бы по-другому.

Начинают появляться птицы, значит, до земли уже недалеко. Чайки, фрегаты кружат над морем, прозрачные кальмары выпрыгивают из воды. В воздухе уже чувствуется запах суши, ощущение близкого берега. У них все есть: и вода, и еда, и даже топливо еще осталось, но радость жизни ушла. Они не чувствуют голода, не хотят спать.

Оушен плачет не переставая, только иногда затихает на короткое время. Как ему утешить дочку? Ее собака действительно утонула, таков факт этой

жизни. Иногда девочка взглядывает на него красными, опухшими от слез глазами. Она пытается понять, зачем это произошло, но понимает лишь одно: у нее больше нет сил выносить это. С нее хватит. Она ненавидит яхту, ненавидит море.

— Папа!

— Что, моя ду-ду?

— Мне так грустно, папочка...

— Я знаю, детка. Ты сегодня выглядишь очень печальной.

— Когда же мы приплывем в волшебное место?

— Скоро.

— Когда это «скоро»?

— Через два дня.

— И мы больше не будем жить на яхте?

— Не будем.

— Долго не будем?

— Так долго, как ты захочешь.

— И там будут черепашки?

— О да. Галапагос по-испански означает «черепаха».

— Я не люблю черепах.

— Но ты же никогда не играла с ними!

— Все равно они мне не нравятся.

— Но, возможно, они тебе и понравятся. Эти острова действительно необычайно интересны. На них останавливался сам Герман Мелвилл.

— А это кто?

— Тот писатель, что написал роман «Моби Дик». Помнишь, я тебе рассказывал?

— Про белого кита?

— Да.

- И про капитана Ахаба с деревянной ногой?
- Да.
- Ахаб пытался убить кита, а вместо этого убился сам?
- Правильно, так и было.
- А мы ведь не видели белого кита, да, папа?
- Нет, никогда.
- Папа?
- Что, моя ду-ду?
- Можно мы поедем домой?
- Домой?
- Да.
- А что ты считаешь домом, моя черепашка?
- Наш дом, в Тринидаде, там, где мы живем.
- А как же «Романи»?
- Папа, но «Романи» — это же просто яхта!
- Да, я знаю.
- Папа?
- Что?
- Маленький братик Алекс умер, когда было наводнение.
- Да.
- И мамочка ушла спать.
- Да.
- А потом и мы уехали.
- Да.
- А вчера Сюзи ушла.
- Да.
- Давай вернемся домой, папа. Пожалуйста! Давай будем жить в одном месте. Только мы с тобой и остались.
- Да, ду-ду. Мне очень жаль, детка, правда!

— Хоть бы мама поскорее проснулась.

— Мне тоже этого хочется.

— Я так странно себя чувствую, папа. Как будто мне жаль всех на свете.

— Это море, мое солнышко. Море заставляет людей так себя чувствовать.

— Как?

— Размышлять обо всем на свете.

Оушен отворачивается к морю, рассеянно кивает, погруженная в свои мысли. Она не хочет разговаривать с ним, не хочет на него смотреть. Гэвин понимает: дочь больше не доверяет ему. В какой-то момент его сотрудники тоже перестали доверять ему, только Петала доверяла, но она по жизни слишком доверчива. Он боялся заразиться от жены, сотрудники боялись заразиться от него. А теперь на лице дочки появилось такое же холодное, отстраненное выражение, словно она опасается слишком близко подходить к нему.

Они приближаются к экватору, пора открывать шампанское, праздновать переход в Южное полушарие. Но в груди лишь тоска: подумаешь, до экватора осталось всего 247 морских миль! Какая, в сущности, разница?

* * *

Ветер набирает силу, гонит яхту вперед. Оушен то спит, то плачет. Море — как один массив воды, величественное, царственное. Оно занимает семьдесят процентов территории земли, и оно

решило забрать Сюзи. Теперь оно сыто, удовлетворено этой жертвой. Море ничего им не должно, ничем не обязано. Впервые Гэвин чувствует эту отстраненность — раньше он лелеял романтические мысли по поводу их взаимного обожания, теперь понимает, что это лишь глупые фантазии. Сейчас он ясно видит, что морю плевать на него, его ребенка и собаку, почему же в груди по прежнему бушуют непостижимые чувства? Он ведь знает, что море не ответит ему взаимностью, в лучшем случае, пассивно и равнодушно примет его любовь.

Ну а с другой стороны, разве море не отражает качеств, присущих всем людям? Вечно меняющееся, непредсказуемое в своих настроениях... Иногда Гэвину кажется, что он скользит по поверхности огромного зеркала, отражающего его собственные мысли и чувства. Кто же он такой, в самом деле? Зачем забрался так далеко от своего дома, от твердой земли? «Не забывай, мои глубины таят опасности!» — шепчет вода.

На него накатывает очередная волна молчаливого отчаяния — так часто случается после многодневного общения с морем. Его место не здесь, а дома, в гамаке, у розовых стен... Правда, там снова идут дожди, а на холме над домом так и нет деревьев. Что стало с его жизнью? — вывернута наизнанку. Что стало с миром? — раньше его так не заливало.

Появляется Оушен, прижимая к груди Гровера, тоскливо смотрит на набегающие волны. Он

заклучает дочь в объятия, вместе они наблюдают за игрой равнодушной стихии.

— Мне здесь больше не нравится, папа.

— Мне жаль это слышать.

— Я не хочу быть моряком.

— Понимаю тебя. Может быть, я тоже не хочу.

— Я здесь совсем одна.

— Нет, детка, ты не одна.

— Нет, я одна.

Он еще крепче обнимает ее, шепчет:

— Это пройдет. Нескоро, но пройдет.

Не о чем больше говорить, и они затихают, не сводя глаз с необозримого простора. «Романи» бежит со скоростью пять узлов — грот и стаксель подняты, надежная, — уверенная, как всегда. Они сидят в кокпите, а вокруг мало что меняется: только иногда синева становится более чернильно-фиолетовой, а иногда как будто тронута морозцем. Ветер меняет направление, и Гэвин перекидывает шкоты. Он так устал, что в глазах рябит — от соленой воды, от недосыпа воздух пузырится, предметы меняют очертания.

И в тот момент, когда смотреть на море становится невозможно, немного поодаль от яхты, по правому борту, вода расходится — ее рассекает огромный хвостовой плавник.

— Папа, смотри! — Оушен соскакивает с его колен.

Сердце начинает бешено стучать. Гэвин бросается к перилам. Оба на сводят глаз с поверхности воды.

Но море уже успокоилось.

— Папа, ты это видел?! — Оушен подпрыгивает от волнения, трясет головой. — Ты видел это? Что это было?

— Хвостовой плавник, — говорит он машинально.

— Такой большой, папа!

— Да, просто невероятно!

Куда он делся? Это точно был гигантский хвостовой плавник, сомнения нет. Это ведь очень опасно, один мощный удар — и их суденышко разлетится в щепки. Гэвин вытягивает шею, с тревогой всматривается в лазурные волны.

Ничего.

Он невольно поеживается. А плавник-то был белого цвета. Он уверен в этом. Точно — белый. На глаза наворачиваются слезы.

— Папа! — Оушен дергает его за рукав. — Папа, ты же видел — это был белый хвост!

Он молча смотрит на дочь, в горле пересохло.

— Да, ду-ду. Точно, хвост был белый.

Они замолкают, пораженные. Страхнув с себя оцепенение, Гэвин бежит в кают-компанию за биноклем. А был ли хвост на самом деле?

Но тут снова раздается всплеск — теперь по левому борту. В двадцати метрах от яхты вода расходится, выпуская на поверхность гигантское животное, которое растет, как башня, принимая форму тарелки. Его тело гладкое, живот рифленый, ребристый, как корпус шлюпки. Огромный рот напоминает глотку пеликана, рядом расположен

крошечный ярко-синий глаз. Вот появляются то ли крылья, то ли весла, ах нет, это гигантские ласты. Морда усеяна бородавками: наверное, рачками или моллюсками. Это же кит! Он поднимается на хвосте, слегка подгребая то вперед, то назад, улыбаясь им, как будто говорит: «А вот и я, здравствуйте!» Кит совершенно белый. Белый, как молоко. Белый, как голубь мира.

И вдруг снова бесшумно уходит под воду.

— Папа, — шепчет Оушен. — Это был кит?

В глазах Гэвина стоят слезы.

— Да, детка, настоящий кит.

— Это был Моби Дик!

Он смеется:

— Может быть... я не уверен... Да.

— Это кит капитана Ахаба?

— Нет... не тот. Другой кит.

— Такой же?

— Да! — Господи, у него в голове помутилось, он ничего не соображает. — Да! Нет! Не знаю. Детка, я в жизни не видел ничего подобного. Ой, смотри!

Белый кит снова всплывает на поверхность, теперь он не стоит, а лежит, наполовину погруженный в воду. Он немного качается на волнах, и вдруг они отчетливо видят, что он смотрит на «Романи», его глаза устремлены на них, стоящих в кокпите. Он с любопытством рассматривает их, он явно заинтересован.

Гэвин не находит ничего лучше, как помахать киту рукой. Оушен тоже с энтузиазмом машет рукой.

Такое состояние было у него, когда рождались дети: выплеск серотонина, погружение в полное, бесконечное, бессмысленное счастье. Такие состояния случаются в жизни крайне редко, может быть, всего несколько раз... Но это морское существо знает многое о любви и счастье: Кит смотрит на них и кивает головой.

А затем они слышат нарастающий звук, пронзительный, ультразвуковой стон. Он исходит от кита — это его песня.

— Папа, кит с нами разговаривает?

— Да.

— Что он говорит?

— Киты поют, моя любовь, поют друг другу, чтобы найтись в бесконечных морских просторах. В основном они живут под водой, там и разговаривают, но иногда их слышно даже сверху, с яхты.

— И теперь кит поет свою песню нам?

— Возможно, почему бы ему не спеть нам?

Кит погружается поглубже в воду, все так же не сводя с них глаз, продолжая низкий стон, напоминающий перебирание струн на арфе, то восходящий вверх до кошачьего мяуканья, то переходящий в резкий самурайский крик. Это — горбатый кит-альбинос, самец, потому что поют только самцы. Вот он ныряет, прорезая воду длинным телом, уходит на глубину, машет хвостом, как бьющий копытом норовистый конь. Снова взмывает вверх и рушится обратно. Исчезает. Но Гэвин чувствует, что кит не уплыл далеко, что он где-то рядом. Они слышат из-под толщи воды его песню: «Где ты, любовь моя? Отзовись!»

Кит сопровождает «Романи» на юг, а они с Оушен так и стоят на палубе, зачарованные, наблюдают за игрой морского создания: в основном кит плывет рядом, но иногда хулиганит — подплывает к борту и хлопает по воде плавником, пуская волну, от которой яхту качает. То отстает, то снова обгоняет их. Кит-альбинос полдня проводит в их компании, кружа вокруг яхты, выпрыгивая из воды и переворачиваясь в воздухе, пуская водяные фонтанчики и мяукая, как котенок или как обуянный горем человек.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
НЕУТОМИМЫЙ

Глава 22

ЯБЛОКО СОДОМА

Они прибывают в Сан-Кристобаль, самый восточный из островов архипелага, сразу после полудня. Из-под завесы облаков сыплется мелкий, редкий, мягкий дождь. Гавань заполнена яхтами и рыбацкими лодками, и Гэвин бросает якорь за этой небольшой флотилией.

Они с Оушен очень устали, измучены морем и ветром, исколоты острыми солнечными лучами. Все эти дни оно безжалостно жгло их, несмотря на легкие дожди, а ближе к земле стало еще жарче. Оба черные от загара, у обоих изменился взгляд: теперь они смотрят вдаль широко распахнутыми глазами, как настоящие моряки. И почти не разговаривают.

Столица Галапагосских островов, Пуэрто-Бакерисо-Морено, расположена именно на этом острове и печально известна строгостью прохождения таможи, так что они обязаны без промедления явиться на паспортный контроль. Но они не торопятся, вяло сидят в кают-компании, пережидая дождь, перекусывают бутербродами с сыром и салатами.

В салоне по-прежнему пахнет псиной, белая шерсть Сюзи покрывает все поверхности, ее запах лезет в ноздри. На полу все так же стоит ее плошка с водой. В последние дни они чувствуют, что устали

друг от друга, ходят мрачные, как в воду опущенные. Конечно, Гэвин понимает: потребуется немало времени, чтобы смириться с потерей. Все домашние питомцы стареют, умирают, иногда их даже приходится усыплять, их хозяева горюют, чувствуют пустоту. Но Сюзи умерла не от старости: в расцвете сил упала за борт, утонула... Это и его пробрало до глубины души, поразило в самое сердце. Ведь Сюзи пережила наводнение, столько раз ходила с ним вместе под парусом. Что он может теперь сказать Оушен, как утешит ее? Все случилось так быстро, и да, частично и он виноват в ее гибели — надо было держать собаку на привязи.

Говорят, животные заполняют пространство между людьми и Богом. Два дня, прошедшие после гибели Сюзи, иссушили их души, наполнили страхом перед океаном. Все стало зыбко, небезопасно. Кому они могут доверять теперь? Морю? Точно нет. Своей яхте? Не уверены. Может ли Оушен доверять ему? А сам-то он может доверять себе?

И вот перед ними лежит земля, черная, запекшаяся остывшей лавой, скрюченная, колючая. Мелвилл называл эти места «яблоками Содома», такими отвратительными они ему показались. И все-таки именно сюда они стремились и добрались несмотря ни на что! На этот архипелаг, лежащий в самом сердце океана, омываемый тремя морскими течениями, такими сильными, что когда первые мореплаватели достигли его берегов, им показалось, что сами острова дрейфуют.

Он надувает шлюпку, спускает на воду.

— Смотри, папа!

— Что там, ду-ду?

А вот что. Море просто кишит ими — пухлыми, усатыми, бесстрашными, добродушно взирающими на мир круглыми черными глазами. Их темно-коричневый, с золотистой опушкой мех лоснится, собачьи морды улыбаются. Они похожи на откормленных лабрадоров.

Гэвин переносит Оушен через перила, опускает в шлюпку. Она совсем ничего не весит сейчас. Все, что осталось от его большой семьи — крошечная полудевочка-полуфея, ведь нет никакой гарантии, что Клэр когда-нибудь придет в себя. Оушен смиренно сидит в шлюпке, наблюдает, как тюлени играют в море в пятнашки.

Он хочет, чтобы она изумлялась происходящим перед ее глазами чудесам, но вместо этого она опускает взгляд, крепко сжимает губы, чтобы не рыдать. Как и все, его дочь одинока в своем горе, у нее кончились душевные силы, она устала страдать.

А тюлени между тем живут своей жизнью: загорают на пустых рыбачьих лодках, ленивые, расслабленные, беззаботные... Животные на этой земле не боятся людей, наоборот, ищут у них защиту. Это их остров, остров диких животных.

Но Оушен все равно.

Сложив в рюкзак вещи и документы, Гэвин гребет к берегу. На причале тоже полно тюленей — одни забились в трещины между камнями, другие храпят, свернувшись прямо на голых досках. Они сопят и хрюкают, нимало не смущенные переступающими через них человеческими ногами. Они настолько расслаблены, что кажутся мертвыми, спят как убитые, только усы во сне подергиваются.

Оушен посматривает на них с отстраненным любопытством, а он глядит на дочь с огромным чувством вины.

Паспортный и таможенный контроль здесь проходят прямо на набережной, под охраной армии Эквадора. Трое мужчин в форме цвета хаки и авиаторских очках охраняют проход в город. Они не говорят по-английски. Охрана проводит Гэвина и Оушен к столику. Пограничник ставит в их паспорта печать и выдает разрешение пробыть на острове две недели.

— Фрукты есть?

— Нет.

— Животные?

— Нет.

Глаза Оушен наливаются слезами.

— Так у вас нет животных?

— Нет.

— Хорошо. Тогда вы можете посещать другие острова в течение двух недель.

Они кивают, выходят в город. И здесь полно тюленей, этих «лобос», морских волков, как их называют на Галапагосе. Они валяются на мостовой, загораживают двери магазинов и банков, спят на набережной, на пляже, у самой кромки воды. Они развалились на цветочных клумбах, на скамейках парка, валяются на спине, шевеля распластанными плавниками, на детской площадке под горкой и веревочными лестницами. Из-под веревок вдруг вылетает молодой тюлень, гонится по площадке за визжащими детьми. Тюлени вообще-то — дикие звери, с ними следует соблюдать осторожность. Они часто дерутся, кусают друг друга и детей могут покусать.

На улице тюлени, смешно переваливаясь, спешат за людьми, стараясь угнаться за велосипедистами. Молодые тюлени «выделываются»: поднимаются на хвост, выгибаются буквой S, — таких люди обходят стороной. Впереди, на пляже, устроилась целая колония, не меньше ста особей, запах чувствуется издалека, да и громогласный рев и тьяканье ни с чем не спутаешь. Мамочки воспитывают молодняк, молодые самцы собрались кучкой поодаль, задирают друг друга. И все гавкают, тьякают, рыгают и валяются вповалку, как компания алкоголиков.

Двое тюленей забрались на мол и свысока лениво поглядывают на многочисленное стадо. Гэвин вдруг чувствует непреодолимое желание присоединиться к ним, лечь рядом и захрапеть.

— Папа, они что, все родственники?

— Думаю, да, детка. Здесь все мамы, папы, сестры, братья, практически одна семья. У всех есть семья.

— И у птичек?

— Да.

— А у деревьев?

— И у деревьев тоже. На нашей планете все связаны друг с другом, моя принцесса. Все без исключения.

— А как?

— Это сложно объяснить, но, поверь мне, у нас всех много общего. Например, разве ты не чувствуешь свою связь с тюленями? Только посмотри на них, понимаешь, что я имею в виду?

Оушен серьезно смотрит на всхрапывающую, сопящую орду животных, сосуществующих в полном

ладу друг с другом, сваленных в подобие огромной кучи, и согласно кивает.

— Да, папа.

— Они прямо как мы, а мы как они...

— Значит, я тоже тюлень, папа?

— Да, можно и так сказать.

— И Сюзи была тюленем?

— Возможно.

— А у Тихого океана есть семья?

— Нет, но ведь море состоит из воды, а мы все произошли из воды, так что опять вот тебе и связь.

— И моря связаны друг с другом?

— Да.

— И Сюзи состояла из воды?

— Да.

Оушен с тоской смотрит на стаю морских волков, обнявшихся, таких довольных и счастливых. Кажется, у них есть все, чего не хватает им: безопасность, любящие родственники, дом.

— Папа, мне грустно.

— И мне, родная.

— У меня все болит.

— Это так и называется: «грусть».

— А что такое грусть?

— Это такое чувство, детка.

— А почему так больно?

— Не знаю, моя радость, но я тоже чувствую эту боль. Наверное, это Бог ее посылает, или природа. В нас есть центр эмоций, который вызывает разные чувства.

— Тот белый кит, которого мы встретили, папа... он тоже был грустный, по-моему.

— Ты права.

— А Сюзи сейчас с ним? С белым китом?

— Думаю, да.

* * *

Проходит несколько дней. По утрам они спускают шлюпку, гребут к берегу, целые дни бесцельно бродят по улицам. Сейчас начало марта, солнце жжет непереносимо, и очень медленно, практически незаметно, душевные раны начинают зарастать, в груди появляется чувство сродни пробуждению. Очарованию. Все-таки это место заколдовано, здесь жизнь течет по-другому.

Маленькая гавань тиха, небо над ней прозрачное, огромные морские черепахи, перебирая короткими лапами, неторопливо проплывают мимо яхты, направляясь по своим, неведомым, делам. Тюлени кружат вокруг «Романи», ныряют, играют в догонялки. И везде, и в море, и на причале, снуют похожие на сказочных драконов морские игуаны с нарядными черными крестами на спинках.

Постепенно, просто оттого, что они еще живы и продолжают дышать, что волны плещут о борт, а солнце по-прежнему всходит каждое утро, к ним приходит успокоение, чувство гармонии, единения с природой, помогающее примириться с потерей. Смерть Сюзи унесла с собой частичку их душ, неразлучная троица распалась. Они с Оушен на физическом уровне ощущают отсутствие собаки, новое испытание для обоих. Умом этого не понять.

Гэвин поднимает парус, ведет «Романи» к острову Лобос. Они бросают якорь в мелкой бухточке, окруженной черными вулканическими скалами, —

прибежище очередного стада тюленей. Это их первый заплыв без Сюзи. Гэвин растерянно смотрит на трап — теперь уже нет нужды его спускать. Но он должен держаться молодцом, не имеет права проявлять слабость при дочери.

— Ну что, маленький тюлень, поплыли?

Он плюет в маски, протирает их пальцем, они спускаются в воду по боковой лестнице, а опустившись до уровня воды, ныряют головой вперед. В прозрачной воде хорошо видны черные скалы, стайки рифовых рыбок снуют мимо них: вот рыба-попугай, а это рыба-труба — рифовые рыбы без наличия рифа! На песчаном дне, похожем на выжженную солнцем поляну, отдыхают игуаны — смешно наблюдать этих откормленных черных ящериц на такой глубине. Но если взглянуть вверх, у поверхности воды видны мельтешащие черные лапки, несущие других игуан на берег. У них длинные тела, на узких головах — черные причудливые шлемы конквистадоров. Появляются три тюленя и устремляются прямо к ним.

— Папа! — взвизгивает Оушен.

В одну секунду она заплывает ему на спину, выглядывает сзади со смешанным чувством ужаса и восторга.

Тюлени — молодые, добродушные, игривые и любопытные, окружают их со всех сторон. Ничего не боясь, они подплывают очень близко, заглядывают в маски. Один тычется мордочкой прямо в стекло, строит смешные гримасы.

Ха-ха-ха!

Оушен все еще прячется за его спиной, но тюлени, как молодые щенки, настроены поиграть. Один

вдруг ужом подплывает к Оушен и запечатлевает на ее щеке мокрым поцелуй.

— Ай, папа! — визжит Оушен в восторге, а тюлени уносятся прочь, довольные своей проделкой.

Оушен трет щеку, сердито сдвигает брови, грозит рукой им вслед, но к ней вернулось хорошее настроение. Видно, что ей хочется броситься следом за новыми друзьями.

Гэвин остается на месте, и через несколько минут к ним подплывают другие тюлени, и вот уже они становятся центром веселой компании. Тюлени брызгаются водой, кружат вокруг, смеются. Наконец Гэвин берет дочь за руку, тянет за собой. Несколько тюленей плывут следом, чуть ли не наступают на пятки. Непонятно, кто кому больше интересен — они тюленям или тюлени им? Они с Оушен не знают, как реагировать на дружеские заходы морских зверей, но галапагосские тюлени много раз встречались с людьми, они прекрасно понимают, каким образом строить общение, их веселит испуг Оушен.

А затем тюлени разом исчезают. Здесь так мелко, что можно встать. Гэвин стягивает маску, оглядывается, поднимает голову.

— О, смотри! — Он показывает вверх.

В небе кружит стая фрегатов, их алые грудки раздуты как шары. Около пятидесяти птиц носятся в воздухе, неужели у них брачный период? Они выглядят как старинные аэропланы, как будто держатся в воздухе за счет собственных раздутых шей или планируют на надутых красных пакетах, этакие птицы света, генералы бумажных пакетов. На ближайшей скале стоит олуша с белоснежной грудью и ярко-бирюзовыми ногами, поражающими

воображение своим цветом. И как это природе пришлось в голову наградить совершенно обыкновенную птичку такими нарядными сапожками?

На Гэвина накатывает чувство радости и умиротворения. Зачем грустить, печалиться? Ведь у них все хорошо: стой себе в воде да гляди в небеса, потемневшие от вихря птиц. Здесь особенно сильно чувствуется присутствие Бога.

Когда-то на эти острова приплывал и молодой Дарвин на своем корабле «Бигль». Как и Гэвин, он искал ответы на вопросы, правда, ему именно здесь пришлось в голову, что Бога не существует вообще. Он решил, что мир возник в результате цепочки случайностей, без всякой цели, просто в результате миллионов лет неучтенной эволюции. Ведь планета Земля очень стара. Жизнь появилась на ней случайно, в процессе естественного отбора выживали лишь сильнейшие особи и виды, которые смогли адаптироваться к земным условиям. Ни романтики, ни божественного промысла... Но как же мог Дарвин, глядя в эти бесконечные прозрачные небеса, решить, что мир строился без участия Творца?

Гэвин прижимает руку к груди, пытается нащупать сердце. Оно спряталось за легкими, завалилось между ребрами. Перед глазами проносятся видения: розовые хижины черных рабов, которые так и не вернулись в Африку, белые соляные горы Бонэйра, белые косточки кораллов, висящие перед входом в розовый дом, дикие ослы Кюрасао, невольничьи рынки, где людей продавали наравне с ромом, сахаром и специями. Строители Панамского канала, тысячами погибавшие от последствий желтой лихорадки. Как только люди не безобразничают!

Продают друг друга на рынке, прорезают целые континенты каналами, воруют тысячами яйца беззащитных черепах, истребляют целые виды животных.

Гэвин боится, что безнадежно утратил ощущение невинной, чистой веры в себя. С чем он вернется домой? Он просто хотел повидать мир, а мир показал ему длинный язык: сначала мутная вода забрала сына и жену, затем океан поглотил верную собаку. Им следует как можно скорее повернуть назад, но Гэвин не в силах заставить себя поднять якорь. Может, стоит продать «Романи» на аукционе или подарить кому-нибудь? А что, если Клэр вообще никогда не проснется? Что, если они вернуться к жене и матери, душа которой все еще погребена под обломками ее горя?

В конце концов они уходят с Сан-Кристобаля, бросают якорь у другого острова, Флореана, где пляжи покрыты черным песком. Здесь, в нескольких метрах от воды, стоит знаменитый отель «Уит-тмер», построенный в стиле ар-деко. По пляжу разбросаны хижины и экоддомики для туристов, а в центре острова — пресное озеро с дождевой водой. Они спускают шлюпку, подплывают к причалу, идут по черному песку вдоль пляжа. Белое солнце жжет спины, раскаленный песок хрустит под ногами как стекловолокно, как черная звездная пыль. Откуда-то сбоку вылезает огромная игуана, неторопливо направляется в их сторону, и оба невольно напрягаются — хотя Сюзи больше с ними нет и сажать на поводок некого, привычка еще осталась.

— Сюзи... — тихо произносит Оушен, как будто пробуя имя на язык.

Рептилия, не обращая на них внимания, топает по своим делам. Гэвин возмущен — ну и нахалка! Собаки на нее нет! Так и хочется затопать ногами или швырнуть в нее палку.

Они выходят на шоссе, чтобы поймать попутку, останавливают направляющийся в горы грузовик, груженный бананами. Когда-то здесь было столько черепах, что приходилось перелезать через них, но человек безжалостно и подчистую уничтожил местную фауну. Охотники за китами называли черепах «живыми консервами» и увозили тысячами, ведь живое мясо не портится! Теперь на Флориане вообще не осталось гигантских черепах. Собранных с окрестных островов восемьдесят с небольшим особей держат в горах, в особом питомнике, огороженном бетонными стенами. По крайней мере, здесь черепахи находятся в безопасности.

Оушен нравятся черепахи, она наклоняется, чтобы получше рассмотреть одну из них. Черепаха напоминает слона, которого втиснули в панцирь и надели антикварный авиаторский шлем; у нее слипаются глаза, будто она страшно устала. Передние лапы покрыты драконьей чешуей, шея и голова словно вылеплены из грязи. Раскосые черные глаза-бусинки полуприкрыты морщинистыми веками.

— Папа, вот это черепаха?

— Да.

— Она меня поцелует?

— Не думаю.

— А я могу ее поцеловать?

— Попробуй.

Оушен наклоняется и пытается поцеловать черепаху в лобик, но та пугается, с шипением втягивает голову под панцирь.

— Папа, она не хочет, чтобы я ее целовала!

— Она немного испугалась. По-моему, черепахи не так любят целоваться, как тюлени, вот она и не поняла, что ты собираешься сделать.

— А можно мне поцеловать панцирь?

— Ага.

Оушен снова наклоняется и в этот раз прикладывает губами к пластинам панциря. Черепаха, спрятавшаяся под собственной крышей, решает на всякий случай притвориться мертвой. Сердце Гэвина трепещет, его снова охватывает чувство одиночества и незащищенности, как будто он только учится ходить.

Другие туристы тоже бродят по этому экзотическому, скрытому в горах то ли питомнику, то ли зоопарку. Они приехали сюда полюбоваться на животных, заглянуть им в глаза, они ищут в этих глазах отражение себя. Но черепахам неинтересны люди, они отдают предпочтение капустным листьям, сочным кактусам и моркови, практически не отвлекаясь на посторонних.

Поодаль у стены сидит пожилой мужчина с серебристыми волосами в низко надвинутой на брови морской фуражке. Его молодой спутник, похоже сын, фотографирует черепах. Пожилой говорит, растягивая гласные, с напевным американским акцентом. Ему, видимо, за шестьдесят, сыну около тридцати. Гэвин невольно примеряет на себя его роль: наверное, здорово путешествовать со взрослым

сыном, который уважает тебя, во всем пытается подражать. Сам-то он — плохой пример для подражания: в кризисной ситуации хлопнулся в обморок, не спас собаку, привез посмотреть на черепах, которые не хотят целоваться. Он все еще весит слишком много, и его руки до сих пор шелушатся. Что думает о нем его дочь?

Старик кидает взгляд на Гэвина, улыбается ему, как будто приглашает присесть, и Гэвин с благодарностью опускается рядом. Приятно поговорить со взрослым мужчиной, еще и старше себя.

— Это ваша дочурка?

— Да.

— Хорошенькая. Она что, действительно поцеловала черепаху?

— Да.

— Хе-хе-хе. Моему сыну тут очень нравилось.

Почему он говорит о сыне в прошедшем времени? Ведь его сын фотографирует черепах!

— Он раньше часто приезжал сюда, занимался дайвингом. Обожал эти места. Для него это вообще было вроде как духовным домом.

— О, даже так!

— Поэтому мы здесь.

Гэвин не знает, что на это сказать, только поворачивается лицом к старику, чтобы дать тому понять, что слушает.

— Мы приехали сюда, чтобы развеять его прах в море.

— Боже! Мне очень жаль.

— Мы уже сделали это вчера. Он погиб как раз накануне своего дня рождения. Разбился на мопеде.

- Ужасно! Примите мои соболезнования.
- Спасибо. Мы раньше всегда путешествовали втроем. А сейчас нас осталось двое.
- Господи Иисусе...
- Да уж, нелегко это пережить. Нам всем тяжело. Особенно мать сильно расстраивается.
- Будто уснула?
- Да.

Глава 23

МОРСКИЕ СВИНКИ

На остров Санта-Крус, называемый также *Индефатигабл*, или «Неутомимый», они прибывают в разгар жары. Они путешествуют уже четыре месяца и, в отличие от названия острова, чувствуют себя уставшими до самых костей.

Как и на Сан-Кристобале, в гавани их встречает небольшая флотилия пришвартованных яхт, над которыми возвышаются круизные лайнеры всех мастей и размеров, некоторые явно роскошного сегмента, другие поскромнее. Тюлени освоили и эти морские посудины, расположились на палубах, выглядывают из иллюминаторов.

На высокой скале возле порта стоит целая компания олушей в синих носках, внимательно следя за их приближением. Они с Оушен так измотаны путешествием, что Гэвин принимает решение провести несколько дней в гостинице и с заходом солнца собирает маленький рюкзак с их вещами.

* * *

Вечером они выходят в город. Центральная улица тянется вдоль побережья, огибает залив, выходит на причал, заполненный рыбаками. Рыбаки

разгружают дневной улов: дюжины черно-серебристых ваху, длинных толстых рыб, похожих на тунца. Их разделявают прямо на каменных столешницах у причала; рыбье мясо темно-красного цвета. Вокруг рыбаков толпятся десятки игуан, пеликанов и тюленей. Тюлени терпеливо ждут, склонив головы набок, пеликаны сидят на соседнем столе, некоторые примостились на растущих из воды мангровых деревьях, парочка бродит поблизости, заранее раскрыв клювы. Воздух полон птичьих криков, тьяканья тюленей, пахнет свежесъеденной рыбой, от обилия животных кажется, что земля шевелится.

Гэвин и Оушен проходят мимо, не останавливаясь, им хорошо, только чуточку тоскливо. В последние дни они много купались, ныряли и плавали с акулами и скатами, совершали долгие прогулки по белоснежным песчаным пляжам, стараясь не наступать на игуан. Видели высокие, как деревья, кактусы, ручных зябликов, бесконечные колонии тюленей, пингвинов, экзотических птиц... Дикие животные и даже рептилии здесь не боятся человека, наоборот, радуются соседству с ним.

Они поворачивают налево, сквозь лабиринт боковых улочек выходят к гостинице: улица полна открытых прилавков, кафешек и ресторанчиков, торгующих всевозможной снедью. Здесь царит оживление, воздух пропитан дымом и запахом кипящего масла. Они выбирают столик, садятся, заказывают цыпленка барбекю, жареный картофель. Оушен в изнеможении кладет голову на стол. Гэвин прихлебывает холодное пиво, отпускает на волю блуждающие мысли. Скоро карнавал, наверное, сестрица уже приехала навестить Одри, его

старенькую маму. В голове проносятся обрывки слов, калейдоскоп образов: Клайв, Пако, Петала, его противная теща Джеки... Интересно, Петала скучала по нему? Кто теперь работает в его бывшей должности? Как поживает Жозефина? И как соседи восприняли его побег, уж они-то должны его понять. Как давно это было... Сейчас он уже не так часто проверяет, бьется ли сердце, он немного похудел, окреп, в полной мере вернул морские навыки. Стал настоящим моряком, это через столько лет, кто бы мог подумать?!

Оушен вдруг резко поднимает голову.

— Папа, что это?

За соседним столиком ужинает семья из Эквадора. Официантка только что поставила перед ними большую тарелку, на которой разложена тушка маленького зверька, слегка напоминающего кролика. В горлу Гэвина подкатывает комок, он сразу же узнал это блюдо. Из кухни выходит еще одна официантка со второй тарелкой, ставит ее на стол под одобрительные ахи и охи семейства, с нетерпением желающего отведать деликатес. Маленькие тушки окунули в кипящее масло и обжарили до золотистой корочки.

— Ээээ... — Он останавливает официантку, спрашивает на ломаном испанском: — *Qué es eso?*¹³

— *Сиуе*, — отвечает та.

— *Сиуе?*

Официантка кивает.

— *Qué es?*¹⁴

---

¹³ Что это такое? (исп.)

¹⁴ Что это? (исп.)

— Морская свинка, — повернувшись к нему лицом, вдруг громко и четко произносит официантка.

Оушен хлопает ресницами.

— Папа, морская свинка — это кто?

— Такой мелкий зверек типа крысы или... хомячка.

— Они что, будут ее есть?

— Да.

— Фу-у-у!

— Видишь, им нравится, это считается деликатесом.

— Но почему?

— А почему нет?

— Я не понимаю, папа.

— Чего, детка?

— Почему одних зверьков едят, а других нет?

— Хороший вопрос, но ответа на него я не знаю.

Спросим премьер-министра Эквадора?

— А почему не едят тюленей? Или пингвинов?

— Некоторые и хотели бы, но не имеют права.

Эти животные находятся под охраной.

— А почему хомячки не под охраной?

— Не хомячки, а морские свинки. Понятия не имею.

— Знаешь, папа, в этом нет смысла.

— Согласен. Нет.

Он боится очередного спора, ее бесконечных вопросов.

— Так, — говорит он строго, — давай ешь своего цыпленка и не болтай за едой.

Но Оушен уже не хочет цыпленка, ковыряется в картошке, бросая косые взгляды на семейство за соседним столиком. Женщина, наверное мать,

жадно обгладывает голову, дети дерутся за ножки-палочки.

— Моя мама не стала бы есть морскую свинку.

— Никогда в жизни.

— Мы можем снова позвонить ей, папа? Рассказать о Сюзи?

— Конечно. Давай позвоним завтра, хорошо?

Через минуту она уже спит, положив голову на стол, а он теперь думает о Сюзи. Они не стали бы ее есть ни за что на свете. Он не знает, чего ждать от этих островов, он не ожидал увидеть здесь жареных морских свинок, не ожидал потерять собаку. Как же он все-таки устал! По иронии судьбы этот остров назван в честь знаменитого английского военного корабля «Неутомимый», наводившего ужас на французов во время наполеоновских войн, а после них — на средиземноморских пиратов. В детстве Гэвин обожал морские рассказы, много читал об этой легенде британского флота. Но кончил «Неутомимый» плохо: в конце концов его отправили на слом.

Гэвин берет дочь на руки, несет в гостиницу, укладывает на кровать, валится рядом не раздеваясь.

* * *

Утром Гэвин просыпается со странным чувством — что-то идет не так. Оушен спит на животе, пускает слюнки в подушку. Гэвин выходит на балкон, смотрит в небо — какое нехорошее небо! Как моряк он сразу видит признаки бури: низкие, тяжелые облака — синие, серые, лиловые, собрались

в кучу, словно решили поговорить друг с дружкой, и неподвижно висят над островом.

Он будит дочку. Они одеваются, идут завтракать в гостиничную столовую: теплые булочки с маслом и джемом, яичница. Сегодня 11 марта, 9 утра. В столовой кроме них полно других постояльцев: в основном загорелые, всклокоченные молодые туристы с дредами и кольцами в носу. Официантка, приветливо улыбаясь, сама жарит им яйца. Оушен все хочет прилечь головой на стол, но в воздухе отчетливо чувствуется тревожное ожидание. Дочь вяло жует яичницу, напевая под нос, а он пытается рационализировать, преодолеть нарастающий страх. Но как это сделать, если каждая клеточка его тела сигнализирует: «Тревога!»

После завтрака они выходят на улицу: и верно, здесь все изменилось. Улица заполнена армейскими грузовиками, молодые солдаты в форме с рупорами в руках стоят на перекрестках. На площади, где вчера вечером при свете фонарей молодежь играла в волейбол, собралась толпа жителей. Гэвин не понимает, что происходит, но очевидно одно: что-то готовится. Он подходит к сувенирному магазину.

— *Habla Inglés?*¹⁵

— Да.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Случилось землетрясение, — объясняет молодой человек на стойке.

Землетрясение? Ну конечно, это многое объясняет. Этого следовало ожидать после такой жары! Над морем тоже творится хаос: олуши кружат над

---

¹⁵ Говорите по-английски? (исп.)

гаванью, истошно кричат, улетают в сторону моря. А что же их белый кит, с ним-то все ли хорошо?

— Землетрясение? Здесь?

— Нет, в Японии.

— Но ведь Япония находится на другом конце земли!

— Все равно. Сюда идет волна. Большая. Это очень плохо.

При слове «волна» живот Гэвина сводит судорогой, кровь бросается в лицо, сердце перестает биться. Еще одна волна?

— Большая волна. Цунами.

— Господи Иисусе!

— Сюда идет, скоро будет здесь.

— Как скоро?

— Не знаю. Возможно, через несколько часов.

Он должен позвонить Клэр. Надо бежать, спастись!

— Власти говорят, всем надо уехать в горы.

— Но у меня лодка в гавани. Моя яхта!

— Спросите армейских, они подскажут, что надо делать. Яхту следует увести подальше в море. Чтобы ее не выбросило на берег.

Гэвина охватывает истерический смех, на глаза набегают слезы.

— Эй, мистер, вы в порядке?

Нет, о каком порядке можно говорить? Все кишки свело стальной судорогой.

— Нет, я не в порядке.

Он опускает глаза на дочь. Оушен с побелевшим лицом стоит рядом, вцепившись в его руку. Расширенные от ужаса глаза занимают пол-лица.

— Папа, сюда идет волна?

— Тише, ду-ду, пошли! — Он дергает ее за руку, и они выходят на площадь.

На площади он останавливает молодого солдата, на ломаном испанском объясняет свою ситуацию. Солдат кивает в сторону другого солдата, постарше, с блокнотом, который записывает названия яхт. Именно в этот момент в голову Гэвину приходит идея: он не станет регистрировать яхту у военных, он знает, как разом решить все проблемы.

На причале судорожная активность, рыбаки, владельцы яхт кричат, толкаются, кто-то отплывает в море на водных такси, жителей отеля «Финч Бэй», расположенного в море на скалах, эвакуируют в город. Нагруженные рюкзаками и чемоданами туристы выстроились в очередь, ждут, когда за ними придут военные грузовики и увезут повыше в горы. Гэвин подходит к концу причала, отвязывает шлюпку. Тревожная атмосфера подействовала и на животных: пеликаны неуклюже бегают по пирсу, разевают клювы, вода взбаламучена, тюленей уже не видно.

Гэвин заводит мотор, на полной скорости направляет шлюпку в сторону «Романи». Большинство яхт ушли из гавани и теперь стоят на приколе далеко в море, рядом с круизными лайнерами и большими судами. «Романи» ждет там, где он оставил ее. Старая, верная, терпеливая яхта. Красивая. Сколько же лет они вместе? Двадцать? Бедняга тот шкипер, ее первый владелец, которого смыло за борт. Это все табанка. Как много горя тот моряк принес своей семье, вот так пропав бесследно, не вернувшись домой... А он, Гэвин Уилд, много ли горя принес *своей* семье? А сколько горя принесла им с дочкой его жена Клэр? Они подходят к «Романи», и Гэвин

привязывает шлюпку к борту, поднимает Оушен на палубу, запрыгивает сам.

— Папа, что мы делаем?

— Пакуем вещи.

— Сейчас?

— Да. Бери только все самое необходимое, ду-ду.

Они спускаются в кают-компанию, и Гэвин достает два черных вещмешка, чтобы упаковать одежду. А одежды-то и нет. Вещи, которые они взяли с собой из Тринидада, безнадежно износились, испачкались или просто потерялись. Теперь на двоих им хватает одного мешка: они берут по паре футболок и трусов, шлепанцы, одну розовую юбку, ласты, маски, купальники, коллекцию ракушек, Гровера и мистера Ахаба, плюшевую игуану.

Затем Гэвин тщательно прибирается в салоне, оставляет постельное белье и консервы, навигационные карты и систему автонавигации. Моет и убирает посуду, протирает пол. Выходит на нос, поднимает якорь. К этому моменту почти все яхты уже покинули маленькую гавань. Гэвин заводит мотор, выводит яхту в море к ожидающей ее флотилии больших и маленьких кораблей. Сердце начинает ныть, но он уже принял решение, и знает, что правильное.

Навстречу ему плывут шлюпки и катера, все спешат на берег, прочь от огромной волны, от толщи воды, неумолимо несущейся сюда через океан, скользящей по поверхности земли. Они бросили якорь, закрепили канаты, теперь им остается только молиться, чтобы найти свои лодки, когда волна пройдет. Гэвин ставит «Романи» с края, не бросая якоря, разворачивает ее носом к берегу, выключает

двигатель, опускает мешок с вещами в шлюпку. Потом идет в кают-компанию, открывает бортовой журнал и записывает следующее:

Я завещаю мою яхту «Романи» тому, кто найдет ее. «Романи» — хорошая яхта, я владел ею больше двадцати лет. Ее нашли дрейфующей в море, и я возвращаю ее морю. Я не утонул, не выпрыгнул за борт. Я моряк, но больше не желаю использовать это судно, хотя оно и превосходное. Я отдаю мою яхту тому, кто ее найдет, с добрыми пожеланиями и искренней благодарностью за всю радость, которую она мне принесла. Оставляю ключи от двигателя, карты, документы в шкафчике.

*Bon voyage!*¹⁶

А затем они с Оушен перебираются в шлюпку и возвращаются на берег, оставляя «Романи» на плаву ждать гигантскую волну, которая доставит ее новому владельцу. Оушен не представляет, что он сделал, а Гэвин ощущает прилив гордости и радости за содеянное: он не оглядывается назад, он знает, что правильно закончил любовный роман с яхтой.

— Прощай, «Романи», моя единственная, все на свете кончается, вот и наша сказка подошла к концу. Будь счастлива.

* * *

На улицах Пуэрто-Айора царит паника, сотни туристов пытаются поймать такси, чтобы уехать

---

¹⁶ Хорошего путешествия! (фр.)

в горы. Они с Оушен пробираются обратно к гостинице, но владельцы уже закрывают двери, все жильцы эвакуированы. Волна уже близко: через два-три часа она обрушится на город. Никто не знает, насколько она велика, но, по слухам, в длину она достигает шестидесяти миль и летит со скоростью экспресса.

По телевизору Си-эн-эн уже показывает разрушения, которые цунами произвела в Японии: страшные кадры разбушевавшейся стихии, смывающей мосты, играющей громадными танкерами как бумажными корабликами. Разъяренная вода вторглась в город, подбрасывала вверх машины, сминала стены, уничтожала целые здания. Слышно, как на крышах люди кричат от ужаса.

Землетрясение произошло в море, в нескольких милях от японского побережья, послав на запад огромную стену воды, которая прежде всего поглотила прибрежный город Сендай. На восток, через Тихий океан, пошла другая волна; эта направляется в сторону Гавайских остров и Соединенных Штатов и сначала ударит по Галапагосским островам. Всего через пару часов. Гигантская волна уже спешит убить их. У него горит лицо, шея, жжет в груди. Ладони вспотели. Оушен оцепенела от ужаса: в ее глазах стоят слезы, лицо под коричневым загаром побелело. Она твердит:

— Что нам делать, папа, волна идет! Папа, сюда идет волна! — как будто не может в это поверить.

Он и сам не может поверить. Они хватают вещи, сбегают вниз, испуганная женщина-администратор велит им подождать в вестибюле: за ними уже послали автобус.

И вот они в горах, автобус останавливается около придорожного ресторана в маленькой деревеньке. Здесь они переждут цунами. Вокруг толпы людей, десятки нагруженных поклажей автомобилей, грузовики с мебелью, клетки с домашними животными. Практически весь город собрался здесь — и туристы, и местные жители.

Пуэрто-Айора превратился в призрак, там не осталось ни одного человека. Гэвин оставляет багаж под присмотром хозяина местной гостиницы, берет Оушен за руку и ведет по дороге подальше от толпы. Коллективная паника может еще больше напугать ребенка, а ему хочется отвлечь дочку. Они бредут по дороге под низким, набрякшим небом. Очень жарко; кажется, воздух искрит статическим электричеством. Печаль, которая не покидала его весь этот год, снова скребется в сердце. Да, он пытался сбежать, забыть прошлое, но от себя не убежишь! И теперь новая волна, еще больше прежней, мчится сюда с холодных берегов Японии.

Они заворачивают за изгиб дороги: здесь не видно туристов, на ветвях деревьев восседают белые цапли, а среди корней лежат огромные, иссохшие от времени, морщинистые панцири двухсотлетних галапагосских черепах, нежащихся в тени. Вскоре они подходят ко входу в заповедник. У ворот никого нет, сувенирный ларек закрыт, за ним тянется ряд туалетов, помещение с целой коллекцией резиновых сапог. Куда же подевались работники?

— Алло! — кричит он, сложив руки рупором.

В ответ тишина: наверное, все сбежали помогать своим семьям, друзьям, родным.

Гэвин оглядывается: они попали в настоящий черепаший парк! Большое объявление на входе гласит, что в заповеднике обитает около пятисот черепах. Без провожатого здесь ходить запрещено. Правда, Оушен так расстроена, что заявила, что не собирается на экскурсию. Гэвин заходит за прилавков, берет две бутылки воды, оставляет мелочь на столике. Потом выбирает две пары сапог, протягивает одну Оушен:

— Мы идем гулять, дочка.

Она не слушает его.

— Сюда идет волна, папа! — Только это она и может сказать.

Вместо ответа Гэвин подхватывает Оушен, на руках несет ее по хлюпающему под ногами болоту. А, вот и черепахи: эти доисторические создания, нагруженные горбатыми серо-черными овальными панцирями, бродят, путаясь в высокой траве, полуслепые, коротконогие... Куда они идут? Что ищут? Однако вид у них весьма целеустремленный: кого-то привлекает молодая травка, кого-то — опавшие листья. Под каждым деревом устроилось по одному-два панциря, панцири копошатся в зарослях, гуляют по тропе. Они похожи на студентов Оксфорда, вышагивающих по кампусу во время сессии, погрузившись в свои конспекты.

Гэвин и Оушен садятся у заросшего пруда с ярко-зеленой, покрытой ряской водой. В нем тоже качаются три панциря — черепахи принимают ванну. Усевшись под деревом, отец и дочь оглядываются по сторонам и тут замечают самую огромную черепаху в мире — она лежит под кустом, подогнув

под себя лапы и положив голову на землю. Она выглядит страшно усталой — еще бы, таскать на себе целый дом! — обиженной и разочарованной, как будто жизнь ее порядком достала. Похоже, ей даже лень дойти до воды. Черепаха, не мигая, смотрит на них. А они смотрят на нее.

— О чем она думает, папа?

— Скорее всего, ни о чем, просто отдыхает.

— Это она?

— Да, полагаю, это женщина-черепаха. А тебе как кажется?

— Наверное. Она так же устала, как моя мама?

— Нет, она просто очень старая. И очень тяжелая.

— Папа, а почему Бог создает безумных тварей?

— Каких еще «безумных тварей», ду-ду?

— Ну, летающих рыб или белого кита. Или эту черепаху, ведь ей даже с места не сдвинуться.

— Не знаю, детка. Возможно, Бог примерял животным разные фасоны одежды, и у Него не всегда выходило хорошо.

— Но мы же на самом деле видели белого кита, да, папа?

— Конечно.

— Я расскажу моим друзьям, когда мы вернемся на Тринидад.

— И я расскажу.

— А они нам поверят?

— Кто его знает, может, и не поверят. Люди охотно верят в сказочных животных, в черных лебедях, гигантских черепах, но иные звери выглядят уж слишком сказочно: как будто сошли со страниц

книги. Единороги, белые киты... Трудно поверить, что они существуют.

— А мы видели белого кита! Правда, видели! Своими собственными глазами! Я люблю того белого кита, папа.

— Я тоже.

— Он был нашим другом, он утешил нас, когда умерла Сюзи. Он пытался нас развеселить.

— Ты права.

— А теперь нас утешает эта большущая черепаха.

Гэвин усмехается. Черепаха вовсе не выглядит так, будто хочет их утешить. Скорее наоборот — сама еле дышит, до смерти устала носить на спине свой панцырь.

— Папа, можно, мы поедем домой?

— Да, любовь моя.

— Я боюсь волны, папочка.

— Я тоже.

— Она что, весь город разрушит?

— Не знаю, возможно.

— Это та волна, что забрала малютку Алекса?

— Нет, другая.

— Еще одна?

— Да, ду-ду, еще одна волна. Большие волны появляются довольно часто. Например, когда долго стоит жара или, наоборот, холодно и идет сильный дождь. Ведь они — часть природы.

— А волна не погубит белого кита?

— Нет, что ты! Он просто поднырнет под нее. Он же умеет дышать под водой. Не волнуйся, с ним все будет хорошо.

В ее глазах стоят слезы непонимания. Они блещут, добавляя прелести детскому личику.

Долго сидят они под деревом, окруженные медленно бредущими мимо черепахами, ожидая, когда океанская волна прокатит дальше. А через час замечают, что их гигантская соседка исчезла: видно, потихоньку уползла в густую зеленую траву.

Глава 24

КАРНАВАЛ

Они возвращаются в Пуэрто-Айора к вечеру. К счастью, серьезных разрушений в городе нет, только два прибрежных отеля пострадали: тот, что был расположен в бухте на скалах, волна разнесла в щепки. К счастью, жертв нет. На берегу толпятся зеваки, но ему неохота смотреть на разоренную гостиницу. Вода залила улицы и площади, но больше ничего не разрушила — не то что в Сендае. Даже все животные спаслись! Да и яхты на месте, ни одна не пропала, кроме «Романи», конечно. Где-то теперь его подружка? Еще гуляет на свободе или уже обрела нового владельца? Волна должна была отнести яхту на восток, в сторону побережья Эквадора, скорее всего, ее найдут рыбаки или сотрудники береговой охраны.

На улице Чарльза Дарвина уже открываются рестораны. Они идут от одного ресторана к другому, ищут телефон. Наконец один из барменов разрешает ему использовать служебный аппарат. Руки Гэвина сразу наливаются свинцом, но он все-таки набирает номер Джеки. Это его последняя попытка. Он шепчет себе под нос:

— Все хорошо, что бы ни случилось, все будет хорошо.

Оушен молча стоит рядом. Из кухни раздается шипение масла, доносится запах жареной рыбы. Телефон звонит один раз, другой. Третий.

Джеки берет трубку:

— Алло?

— Джеки, привет. Это я, Гэвин.

— А, это ты...

— Джеки, перестань.

— Сам перестань! Ладно, подожди минуту, я ее позову.

К горлу подкатывает комок. Голове становится очень жарко.

Проходят секунды.

— Алло? — Голос на той стороне провода слабый, робкий. Тонкий. Неуверенный. — Гэвин, это ты?

Слезы катятся из его глаз.

— Да! Да, это я.

— А это я.

— Боже, благодарю тебя! — шепчет он.

— Знаешь, мне стало лучше.

— Когда?

— О, не знаю, неделю назад.

— Я очень рад.

— А где ты?

— На острове. Он называется Неутомимый.

— На Галапагосе? Неужели ты все-таки дошел дотуда?

— Да.

— У тебя все хорошо? Вы видели черепах?

— Да, видели.

— Они понравились Оушен?

— Очень понравились.

- А как она себя чувствует?
- Хорошо.
- А ты?
- И я хорошо.
- Гэвин, давай продадим наш дом.
- Давай.
- Давай выставим его на торги как есть. Я не хочу его видеть.
- Хорошо.
- Сколько-то мы за него получим, а мама говорит, что поможет финансово, у нее есть кой-какие сбережения.
- Правда? Поблагодари ее от меня, это щедрое предложение.
- Приближается карнавал, ты помнишь об этом? Здесь твоя сестра, она очень милая. Мы с ней дружим.
- Но иногда она слишком уж командует.
- Она меня часто навещала. Читала мне, разговаривала, ободряла. Знаешь, она собирается намазаться глиной и танцевать на улице до утра.
- О, я тоже хочу!
- Так ты вернешься?
- Ближайшим рейсом.
- Гэвин, прости меня... Я просто...
- Все в порядке. И ты меня прости. Я же сбежал.
- И это помогло?
- О да, еще как!
- И как же?
- Ну, море, понимаешь... оно заставляет думать, размышлять. Мне казалось, я один против

всего мира. Я хотел убежать от старой жизни, от нашего дома, от этих воспоминаний. Но на самом деле я — часть вселенского замысла, этой земли, этого моря. Убежать невозможно.

— Мне было так плохо, Гэвин.

— Знаю.

— Я так хотела, чтобы ты был рядом.

— Я просто идиот, Клэр.

— Я так люблю тебя, милый.

— Я тоже.

— Можно мне поговорить с Оушен?

Он передает трубку дочери, чувствует, как напрягается ее маленькое тело.

— Мама?

Но через секунду она уже кричит в трубку, плачет, шепчет, рассказывает обо всем: о гигантских черепахах, о белом ките, о смерти Сюзи, которую проглотило море.

* * *

В четыре утра начинается дождь. Еще вечером на улицы вышли тысячи людей: полураздетые, разряженные в нелепые костюмы, измазанные смесью какао, коричневой краски и грязи. Они выпили столько, что уже не помнят, как их зовут. Но на этом празднике и не полагается ни думать, ни помнить.

Первый день карнавала символизирует плотское вожделение, это начало двухдневного марафона. Гэвин тоже гуляет по улице, тоже измазан черной глиной. В честь карнавала он надел сомбреро

с цветными огоньками на полях, с шеи свисает большая фляга рома. Сегодня он — Вакх, Дионис, пьяный моряк, дикарь, ненасытный любовник, он вернулся на свой плюшевый зеленый остров Тринидад, последнее, завершающее звено великого архипелага. Вместе с ним на улице его соплеменники, земляки, обитающие на этом острове, что лежит к северу от побережья Южной Америки. И сейчас, в четыре часа утра, они пьют, поют и веселятся, ненадолго забыв привычную жизнь, перевоплощаются в вакханок и виночерпиев.

Струи дождя, танцуя, льются на землю, превращая людей в скользкие, блестящие коричневые статуи. Люди открывают рты, глотают капли. Женщины напрыгивают на мужчин, обвивают их бедра ногами. Мужчины прижимают женщин к груди, любят их прямо на улицах под напевы Калипсо, под теплым дождем, смывающим все прошлые грехи. Здесь даже воздух пропитан любовью.

Здесь есть люди-птицы, мужчины-ангелы, женщины-проститутки, музыканты, ковбои, черти, здесь есть даже ослы и резиновые люди. Гуляки сталкиваются друг с другом, падают прямо в грязь. Он с трудом подхватывает Паолу, в жидком месиве сестре не устоять на ногах.

— Эй, ты в порядке?

— Уф, да! — Но ее глаза косят, ясно: перепилась до чертиков.

— Смотри! — Гэвин показывает вверх.

Над ними горит Южный Крест. Каждый год в это время Гэвин ищет в небе это созвездие и проходит под его сияющими огнями.

Паола тоже поднимает голову и медленно про-
износит:

— Я помню, как мы с тобой впервые увидели
Южный Крест... Это было очень давно, на «Рома-
ни», помнишь?

Конечно он помнит, как он мог забыть?!

Тысячи людей бредут по дороге вслед за орке-
стром, вода льется на них, смывая краску и грязь,
и все как один поднимают руки вверх, приветствуя
этот сладкий-сладкий дождь.

БЛАГОДАРНОСТИ

19 декабря 2008 года дом моего брата в Маравале, в Тринидаде, был сильно затоплен. Это событие послужило отправной точкой для этого романа, но все остальное — чистый вымысел.

В период с декабря 2010 года по конец марта 2011-го я отправилась в путешествие на яхте на запад от Порт-оф-Спейна в сторону Панамского канала. По дороге я встретила много людей, которых потом включила в этот роман.

На острове Маргарита хочу поблагодарить Йоханна, Уильяма и Рудольфо. Спасибо Хэнку Лиму и его яхте «Вперед!» за терпение и гамбургеры с острым перцем. На Бонэйре я хотела бы поблагодарить фридайвера Дейдру Педерсон, мою соотечественницу, а также Пале и Петри Хаусманн за их знание острова, которым они так щедро делились со мной. На Кюрасао кузены Майкл и Ховард Ньютоны провели незабываемую экскурсию по городу и острову; спасибо Лонни Стаутэсдикину за нашу прогулку; спасибо Раулю Гранха, Рональду Пинкеру и Берти Кону за интереснейшее путешествие по «Испанским водам».

На Арубе я благодарю Бренду Янсен и Фредди Норландер за то, что они пригостили меня

на Рождество и отвезли осмотреть юг острова. Спасибо Тео Шумейкеру за хорошую компанию на борту «Ильдики». Также спасибо капитану Руфино из Сан-Кристобаля, Галапагос, за то, что прыгнул со мной в наводненное акулами море около Кикер-Рок. Спасибо Саре-Хелене Бармер, моей музе, и Ли Уинтерс за советы по плаванию. Вы оба — прекрасные моряки.

Я хотела бы поблагодарить мою маму Иветт Рофи за то, что выделила мне место для работы. Спасибо моему брату Найджелу Рофи за то, что выследил свою старую лодку «Романи», на которой он совершил столько морских прогулок в окрестностях Тринидада.

11 марта 2011 года произошло землетрясение, разрушившее город Сендай в Японии, а карнавал в Тринидаде прошел 7 и 8 марта 2011 года, но в романе мне пришлось поменять эти даты местами.

Также я хотела бы поблагодарить редактора Франческу Мэйн, которая сильно улучшила мою книгу. Максин Хичкок и Клэр Хей за их преданность делу. И моего замечательного агента Изобель Диксон из агентства «Блейк Фридман». Друзья, вы — отличная команда!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. РОЗОВЫЙ ДОМ	9
Глава 1. Дождь	11
Глава 2. Великий датчанин	27
Глава 3. Уста Дракона	47
Глава 4. Залив мелких яблок	59
Глава 5. И рыбы умеют летать	80
Глава 6. Скалистые острова	100
 Часть вторая. А.В.С.	119
Глава 7. Рыбы-хирурги	121
Глава 8. Белые горы	135
Глава 9. «Кудрявые киски»	151
Глава 10. Танцы с дельфинами	173
Глава 11. Один счастливый остров	187
Глава 12. Шоколадный город	204
 Часть третья. «ДАЛШЕ!»	221
Глава 13. Призрак	223
Глава 14. Mira!	239
Глава 15. Хетсемани	249
Глава 16. Получеловек	262
Глава 17. Гринго	280
Глава 18. Ворота шлюза	299

Часть четвертая. ТАБАНКА	309
Глава 19. Тихий океан	311
Глава 20. Объятия моря	323
Глава 21. Песня	331
 Часть пятая. НЕУТОМИМЫЙ	 341
Глава 22. Яблоко Содомы	343
Глава 23. Морские свинки	358
Глава 24. Карнавал	374
 Благодарности	 380

Литературно-художественное издание
Для лиц старше 16 лет

Моник Рофи
АРХИПЕЛАГ

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Ведущий редактор *Елена Ступненкова*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 02.02.2022.
Формат издания 84×108 1/32. Печ. л. 12,0. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Дата изготовления 28.03.2022. Заказ № 2201170.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

По всем вопросам, связанным с приобретением книг
издательства, обращаться в компанию «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98
www.labirint.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labirint.ru

16+

ЗНАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА «РОМАНИ»

